

РЕГИНА МАЗУР

Сборник рассказов

ЛЕДИ
ОСЕНЬ

Annotation

«...и даже смерть не разлучит нас!» — так заканчивается каждая наша брачная клятва. Умирая, мы не знаем, кем родимся в следующей жизни. Но одно знаем точно — как бы все не повернулось, мы обязательно найдем друг друга, чтобы вновь перед алтарем произнести эти заветные слова. И пусть в этой жизни я не помню об этом, да и сама каким-то образом вдруг оказалась в чужом теле, а незнакомый мужчина называет меня своей женой, я не теряю веры в то, что моя половинка, кем бы ни была и где бы ни находилась, найдет меня, и вместе мы преодолеем любые препятствия на пути к счастью.

- [Леди Осень](#)
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [Эпилог](#)
-

Леди Осень
Регина Мазур

Пролог

— Леди София Октябрьская, — произнес священник. — Согласны ли вы выйти замуж за этого человека?

Услышав свое полное имя, я так удивилась, что не сразу поняла, о чем меня спросили.

Сколько себя помню, меня всегда все звали леди Осень, не особо утруждаясь запоминанием настоящего имени. То ли из-за волос цвета опавшей листвы, крайне редкого в этих краях, то ли потому, что я была последней и единственной представительницей рода Октябрьских, да и всего Осеннего Двора в целом. Конечно, теперь таким обращением меня не перепутать с родственниками! Которых больше нет...

Не знаю точно, что произошло восемнадцать лет назад, когда я появилась на свет. Говорят, солдаты его величества нашли меня в колыбельке в пустом обгоревшем доме, а родители к тому моменту были уже мертвы. Других родственников, ни близких, ни дальних, не имелось. Поэтому меня отвезли в Зимний дворец, и король Леонард Январский со своей женой удочерили меня. Так я стала жить с ними.

Все эти годы обо мне заботились, как о принцессе, но на деле никогда таковой не считали. Чего только стоит это пренебрежительное прозвище «Осень», которое никто из моих приемных родителей никогда вслух не произносил, но и других за него не ругал! Да и у короля вскоре появился родной сын, истинный наследник престола.

Тогда я стала никому не нужна, обо мне все позабыли и предоставили самой себе. Утешением стала единственная подруга Лана, которая в то время была фрейлиной королевы.

На самом деле ее звали леди Ландыш Апрельская, но я предпочитала называть ее более человеческим именем. Никогда не понимала эту странную традицию Весеннего Двора называть всех девочек именами цветов, а всех мальчиков именами деревьев. Хотя это еще куда ни шло! Вот в Летнем Дворе вообще все носят имена животных и птиц. А иногда и насекомых...

К счастью, Лане пришлось по нраву это имя, и взамен она согласилась звать меня просто Софи, без всяких «леди», «принцесс» и

«осени». Все шло прекрасно в наших отношениях... до недавнего времени...

Едва наступило мое совершеннолетие, король решил выдать меня замуж за своего друга, соратника и верного подданного, лорда Ясеня Мартовского.

Этот мужчина, несмотря на зрелый возраст, по-прежнему оставался самым завидным женихом королевства, но меня не интересовал совершенно, а вот Лану — очень даже. Она давно была в него влюблена, все уши мне прожужжала о его непревзойденном совершенстве.

Да, лорд Ясень весьма умен, красив, богат и магически одарен — этих достоинств у него не отнять. Не удивительно, что вокруг него вечно выются тысячи поклонниц от мала до велика. Но ни одной пока не удалось его окольцевать.

А вот мне удалось — по крайней мере так считали окружающие и Лана в том числе. И как бы старательно я не убеждала ее, что моего мнения даже не спрашивали, все было без толку.

И вот сегодня Лана помогала мне наряжаться в свадебный наряд, а точнее прикреплять к фате цветочки сакуры, как заведено у Весеннего Двора, частью которого я вот-вот стану. Работа оказалась долгой и кропотливой. Даже не знаю, кто устал сильнее, я или мои многочисленные помощницы.

Когда дело шло к завершению, я решила в очередной раз объяснить с подругой, извиниться, в конце концов. Но Лана и слушать ничего не хотела. В итоге мы разругались лишь сильнее и, закрепляя последний цветок, подруга случайно уколола меня иглой в плечо. Боли почти не было, да и кровь я не сразу заметила — душевная горечь все заглушила.

Ну почему из-за мужчины должна разрушиться наша дружба? Неужели не ясно, что это не мое желание?! Таково решение короля! Моего мнения вообще никто не спрашивал. И уж точно никого не волнует, испытываю ли я к жениху хоть какие-то чувства.

Не испытываю, увы. Ни любви, ни симпатии, ни интереса. Хотя и уважаю его как учителя. Мне нравились уроки магии, что он преподавал нам с Ланой. И хоть мою родовую магию увядания мне так и не удалось пробудить, рассказчик из него был превосходный.

Но сам он так и не смог привлечь мое сердце.

А мне бы так хотелось однажды полюбить кого-то! Всей душой, взаимно, беззаветно и навечно. Говорят, такого не бывает. Но в глубине души я чувствовала, что не понаслышке знаю, какого это — любить и быть любимой. Возможно, когда-то в прошлой жизни я была на это способна. Но не теперь. Не с ним...

— Леди София, — сквозь туман размышлений вновь донесся до меня голос священника. — Готовы ли вы стать женой лорда Ясеня Мартовского?

Я встrepенулась и подняла глаза на своего жениха.

Зеленоглазый красавец-блондин, любимец всех женщин... Весь такой приторно холеный, что аж зубы сводит! Его считали самым совершенством, ангелом во плоти. Но этот образ совершенно не вязался с тем, с какой плотоядной улыбкой он разглядывал меня сейчас, каким торжествующим блеском сияли его глаза...

Я не хотела за него. Совершенно.

В надежде на поддержку обернулась и посмотрела на приемных родителей. Они держались за руки и улыбались, но в их глазах читался твердый приказ соглашаться и обещание жестокой расправы, если ослушаюсь.

Только не это!

На меня накатывала волна паники. Взгляд заметался в поисках решения проблемы. И вдруг наткнулся на странного незнакомца, стоявшего среди гостей.

В отличие от остальных он был в строгой, совершенно не праздничной одежде. Высокий, темноволосый, с выразительными чертами лица. И вот что странно: с такого расстояния невозможно разглядеть цвет его глаз, но откуда-то я знала, что они у него серо-зеленые, внимательные и добрые, а губы мягкие и нежные...

Я была уверена, что ни разу в жизни не встречала этого человека, но почему-то при виде него мое сердце пропустило удар, чтобы спустя мгновение забиться с удвоенной скоростью. Из легких вырвался изумленный вздох, что едва заметно всколыхнул фату, — единственное проявление моего пошатнувшегося внешнего спокойствия. Незнакомец даже это заметил, а затем снова впился взглядом в мои глаза, безошибочно находя их за полупрозрачной тканевой завесой.

— Невеста, ответьте, пожалуйста! Мы все ждем вашего решения!

Мне стоило невероятных усилий оторвать взгляд от незнакомца и перестать думать о нем, но я все же повернулась к своему жениху.

— Я... — от волнения голос осип, я попыталась откашляться. Сердце бешено колотилось в груди, и не знаю, что было тому причиной: тот странный мужчина или неизбежность моего согласия.

Но ответить я так и не успела. Тело вдруг пронзило острой болью, в глазах потемнело. Все вокруг закружилось в сумасшедшем вихре. Краем глаза уловила, как незнакомец принялся расталкивать гостей, прорываясь к алтарю. Я пошатнулась... а потом мир для меня померк...

Я очнулась в совершенно незнакомой комнате. Тусклый свет проникал сквозь неплотно задернутые шторы, возвещая о наступлении утра.

Ощущая сильную слабость, тяжело вздохнула и подняла руку, чтобы откинуть волосы с лица — и замерла.

На пальце блестело кольцо. Обручальное. Но не мое. Я видела, какие кольца подобрали для нас с Ясенем, и это точно не одно из них.

Недоуменно нахмурилась и вдруг почувствовала чье-то дыхание за спиной. Перевернувшись на другой бок, и увидев того, кто лежал рядом, я сдавленно пискнула, но вовремя успела себя сдержать, чтобы не завизжать во весь голос от страха и не разбудить мужчину.

Это был не Ясень. И даже не тот незнакомец из гостей, один взгляд которого вызвал во мне весьма противоречивые чувства. Нет, этого человека я совершенно точно никогда прежде не встречала. И понятия не имела, как оказалась с ним в одной кровати.

Темно-русые волосы, чуть полноватые губы и нос с горбинкой, которая придавала его внешности особого шарма. Возможно, при обычных обстоятельствах он бы даже понравился мне. Но нынешняя ситуация не позволяла по достоинству оценить его привлекательность.

Боясь потревожить его своим пристальным вниманием, я осторожно поднялась с постели и перевела взгляд на обстановку комнаты. Она была весьма аскетичной, скорее мужской, нежели семейной. У дальней стены стоял стул, на котором лежала аккуратно сложенная парадная форма стражи города Эльтерес со своей уникальной расцветкой.

Понятно. Значит, мужчина — стражник. И в этом не было ничего хорошего.

В Эльтересе я бывала лишь однажды, много лет назад, когда сопровождала короля в его поездке по стране. Это воистину удивительный город, находящийся на пересечении всех четырех Дворов и, в то же время, не принадлежащий ни одному из них. Именно поэтому здесь присутствовали все времена года. Такого я больше нигде не видела!

Эльтерес считался относительно независимым городом, хотя им правил наместник, назначенный его величеством. Вообще я удивляюсь, почему король сам не захотел править отсюда. Все-таки самый центр королевства! Но может, остальные времена года ему просто ненавистны, кто знает...

На территории каждого из Дворов главенствует только одно время года. На севере — вечная зима, на востоке — весна, на юге — лето, а на западе — осень. За годы жизни в Зимнем дворце я настолько привыкла к однотипной снежной белизне, что сейчас, выглянув в окно, изумленно застыла и на мгновение забыла обо всем.

Лето! Настоящее лето! Это потрясающе! Все эти зеленые деревья и трава, веселая птичья трель, которую я не слышала много лет, и прохожие в легкой одежде меня так захватили, что я не сразу заметила неладное.

Из размытого отражения окна на меня смотрела не я, а совершенно незнакомая девушка.

Отказываясь верить глазам и все еще надеясь на то, что от волнения мне просто показалось, я отошла от окна и встала перед зеркалом, висящем на противоположной стене... и содрогнулась от ужаса.

Невозможно!

Вместо родных рыжих кудрей и знакомых серых глаз у отражения имелись прямые каштановые волосы и карие глаза, да в добавок ко всему курносый носик взамен моего прямого.

Некоторое время я изумленно разглядывала свою новую внешность, подмечая все больше неожиданных деталей и с трудом находя в себе силы поверить в произошедшее. Мало того, что место незнакомое и муж чужой, так еще и тело не мое!

Но как такое вообще возможно? Не могло же все произойти само собой! Неужели кто-то в силах осуществить подобное — просто взять чью-то душу и переместить в другое тело? И что в таком случае стало с настоящей хозяйкой этого тела?..

Столько вопросов и ни одного ответа...

Я понимала, что необходимо успокоиться, собраться с мыслями, постараться вспомнить в мельчайших подробностях события предыдущих дней и решить, что делать дальше. Но буря эмоций, охватившая душу, была мне не подвластна. Она заслонила собой

разум, тело охватила дрожь, сердце бешено колотилось, не желая униматься...

— Ты чего там делаешь, любимая? — донесся сонный голос незнакомца. — Иди ко мне. Тут теплее.

От неожиданности я подпрыгнула и повернулась к незнакомцу. Может, я еще сплю и вижу страшный сон? Или умираю, и это все предсмертный бред?

Видя, что не собираюсь двигаться с места, мужчина сам поднялся с постели и подошел ко мне с явным намерением заключить в крепкие объятия. Прежде чем ему удалось это сделать, я выпалила:

— Ты кто?

Вероятно, мне стоило притвориться той, кем он меня считал, играть роль его жены, а самой попытаться во всем разобраться. Но я себя знала хорошо — ложь и притворство мне даются с большим трудом.

Но и правду этому чужаку я тоже не могу сказать. Если он стражник, то должен быть верен его величеству. И вряд ли он будет сидеть сложа руки, узнав, что я — приемная дочь короля Леонарда, своим внезапным обмороком нарушившая его планы на выгодный брак. Зная, что за будущее ждет меня в Зимнем дворце, я не стремилась туда возвращаться и восприняла этот странный, почти невозможный обмен телами за реальный шанс на свободу.

К тому же, вряд ли мужчина проникнется ко мне симпатией и сочувствием, узнав, что я заняла тело той, кого он наверняка любил...

В таком случае, выход только один — мнимая потеря памяти.

— Ты чего, Инна? Что за глупые шутки? Не пугай меня так! — мужчина всерьез забеспокоился.

— Инна? Это мое имя? — спросила я, всем видом изображая крайнюю растерянность. Это было несложно, потому что именно так я себя и чувствовала.

Мужчина нахмурился. Кажется, до него начало доходить.

— Постой. Ты не помнишь, как тебя зовут?

Я молча помотала головой.

— А меня ты помнишь? — продолжал допрашивать он.

Я повторила жест.

Мужчина досадливо вздохнул.

— Значит, все хуже, чем я думал, — сказал он скорее себе, чем мне. А потом его взгляд снова обратился на меня.

Глаза его оказались большими, серо-голубыми. И главное — в них явственно читались глубокая нежность и искреннее беспокойство за меня. Глядя в них мне хотелось верить, что он не причинит мне вреда. Вот только он — верный слуга человека, принадлежать которому я больше не желала. Каким бы добрым он мне не казался сейчас, доверять ему не стоит.

— Я не понимаю...

— Послушай, любимая, — он взял меня за руку, — я тебе все объясню, только не волнуйся, пожалуйста. Меня зовут Глеб, а тебя Инна. Мы любим друг друга. Вчера мы с тобой поженились, но после церемонии, когда возвращались домой, произошло столкновение на дороге. Наша карета съехала в кювет и перевернулась. Никто почти не пострадал, кроме... В общем, ты ударилась головой и потеряла сознание. Я отнес тебя в дом, вызвал лекаря. Он тебя осмотрел и сказал, что у тебя небольшое сотрясение, но ничего страшного не случилось, угрозы жизни нет...

— Но оказалось, у меня отшибло память, — закончила я мысль.

Глеб на это лишь угрюмо кивнул.

Воцарилось молчание. Он смотрел на меня, не зная, как теперь вести себя с ничего не помнящей женой. А я мысленно планировала дальнейшую линию поведения со своим... супругом.

Господи, я все-таки замужем! Пусть за другим человеком, но тем не менее...

— Что последнее ты помнишь? — спросил Глеб.

Я наморщила лоб, делая вид, что вспоминаю, а сама промямлила:

— Я... не знаю... правда. В голове каша...

— Ладно, ладно. Не напрягайся так. Лучше ложись обратно в постель, полежи. Тебе нужен отдых. Уверен, воспоминания рано или поздно вернутся. А пока не стесняйся, спрашивай, что хочешь, отвечу на любые вопросы.

Весьма ценное предложение, но вряд ли простому стражнику может быть известно что-то о перемещении душ.

А вот лежать в постели я не собиралась.

— Где мои вещи? Хочу одеться и позавтракать.

Мужчина с сомнением посмотрел на меня, не желая соглашаться с моим решением.

— Не бойся, ничего со мной не случится! — уверенно заявила я. — Или ты собрался меня с ложечки кормить?

По его лицу было видно, что именно это он и собирался делать.

Ох уж эта забота! Я уже начинала сомневаться в том, что потеря памяти — верная тактика.

— Ты же не думаешь, что сидение или, точнее, лежание в четырех стенах вернет мне память? Мне кажется, чем больше я смогу увидеть всего, что так или иначе касается моей жизни, тем быстрее смогу все вспомнить.

— Да, возможно, ты права, — нехотя согласился он. — Тогда я пойду позову горничную. Она тебе поможет, — и вышел из комнаты, ненадолго оставив меня одну.

Горничную?

Наличие прислуги в доме меня сильно удивило. Я полагала, что Глеб — простой стражник, а Инна — такая же простолюдинка. Но видимо, все совсем не так просто.

Тем не менее, сам дом был небольшим — всего два этажа. Потому и штат прислуги был весьма символическим: горничная, повар и садовник.

И все же мое положение облегчало то, что не придется заниматься хозяйством самой. Вряд ли бы я справилась. А если Инна все это умела, то даже потеря памяти не помешала бы девушке успешно справляться с бытовыми делами. Вот тут бы я и прокололась.

Но пока все было более или менее привычно, и мне оставалось только радоваться небольшому количеству людей и отсутствию пристального внимания с постоянными перешептываниями за спиной, что неизменно сопровождало меня в любом уголке Зимнего дворца.

Завтракали мы в светлой столовой на первом этаже. Легкие занавески на окнах развевались на ветру, пропуская в комнату свежий воздух и запах свежескошенной травы.

Помешивая чай ложечкой, я решила разузнать побольше об Инне.

— А чем я любила заниматься? Может, привычное занятие поможет мне вернуть память?

Муж оторвался от газеты и с нежной улыбкой посмотрел на меня.

— Искусство. Ты очень любила искусство.

— Я занималась пением? Или музыкой? — уточнила я.

Глеб нахмурился. Видимо, решил, что при слове «искусство» я сама вспомню, чем занималась.

— Не совсем. Ты работаешь в художественной галерее. Изобразительное искусство — твоя страсть.

Я едва сдержалась, чтобы сохранить относительно невозмутимое выражение лица. Но как же меня перекосило внутри!

Я, как принцесса, пусть и не совсем настоящая, должна была обладать всеми положенными истинной леди знаниями и умениями. Писать картины, сочинять стихи, вышивать крестиком, плести бусы, играть на рояле и виолончели, танцевать десять видов вальса, ездить верхом и даже плавать. Однако, к своему стыду, распыляясь на все сразу, ни в одном из этих занятий особых успехов я не достигла. А тут целая галерея!

— А что, я сама создаю все эти... произведения искусства? — повертела головой, озираясь. — И что-то я не наблюдаю в этом доме ни одной картины...

— Еще до свадьбы мы с тобой договорились, что все твои работы будут храниться в мастерской в галерее. Ты решила, что так будет удобнее. Все равно большую часть времени ты проводишь там. А вообще, если хочешь, можем съездить туда. Думаю, тебе будет полезно увидеть плоды своих трудов. Может, и память быстрее вернется.

Я попыталась благодарно улыбнуться, но вышло как-то натянуто. Если мне придется писать картины, это будет полный провал...

— Обязательно! Только, если не против, давай не сейчас. Мне кажется, не стоит с этим спешить.

— Как знаешь, — пожал плечами Глеб и уткнулся взглядом в газету.

Мое внимание привлекло название заголовка с первой страницы.

— «Без ума от счастья», — прочитала я вслух. — О чем это? — хотя сама уже догадывалась.

Глеб вернулся на ту статью, о которой я спрашивала, и зачитал:

— «...принцесса София, приемная дочь нашего великого и глубоко почитаемого короля Леонарда, во время церемонии венчания потеряла сознание. Вероятно, юная леди была сильно взволнована столь важным событием и до глубины души очарована невероятной

красотой своего жениха, прекрасного лорда Ясеня Мартовского. А может, не смогла до конца поверить своему счастью, ведь такой завидный жених...», — Глеб прервался и с сомнением взглянул на меня. — Слушай, тебе и правда это интересно?

Услышанное заставило меня поморщиться. Ясно, что ничего полезного я для себя из этой сомнительной статейки не почерпну, но все же...

— Продолжай, пожалуйста, — ответила я, хотя на самом деле хотелось попросить противоположного. Но вдруг там есть что-то важное?

Глеб обреченно вздохнул, словно я принудила его к чему-то криминальному, и пересказал оставшуюся часть статьи своими словами:

— В общем, принцесса София на собственной свадьбе упала в обморок и теперь наблюдается лучшими лекарями королевства. Как только она придет в себя, церемония венчания возобновится. Теперь твое любопытство удовлетворено, любимая?

— Да, спасибо.

Глеб кивнул и вернулся к тому, что читал до этого.

А я принялась обдумывать услышанное.

От Зимнего дворца до Эльтереса новости доходят с задержкой, и неизвестно, какова ситуация в данный момент. Если душа Инны в моем теле, то есть вероятность, что в эту самую минуту она уже очнулась. И наверняка недоумевает от происходящего.

Как она поведет себя, поняв кем стала, где находится, и что за люди ее окружают? Этого я предсказать не могла. Так же, как и надеяться на то, что свадьба между леди Осень и лордом Ясенем не состоится.

Думаю, король Леонард готов в крайнем случае выдать за Ясеня даже мое мертвое тело. Знать бы только, почему...

Но об этом можно подумать и позднее. А пока...

— Какие планы на сегодня? — поинтересовалась я.

Глеб свернул газету и отложил в сторону, а потом поднял на меня свои очаровательные глаза и посмотрел так пронзительно, словно в душу заглядывал. Я отвела взгляд, на мгновение испугавшись, что он может разглядеть что-то внутри меня, узнать сокрытую тайну. Но тут

же мысленно отругала себя за глупые страхи — такое мое поведение вызовет лишь больше подозрений — и вновь посмотрела на него.

— Сегодня первый день нашей совместной жизни, — произнес он. — Мы должны были отправиться на юг, в двухнедельный круиз по Летнему морю. А оставшиеся полмесяца до конца моего отпуска провели бы на пляже, в снятом заранее домике на берегу. Загорали бы, купались, ели мороженое... Только ты, я и море. Все, как ты хотела. На этот месяц мне как раз дали отпуск, так что нас бы совершенно никто не побеспокоил... Но теперь я даже не знаю...

Я присвистнула. Насколько мне известно, перечисленные Глебом развлечения — удовольствия не из дешевых.

— Двухнедельный круиз... домик на пляже... — повторила я, а потом ляпнула, не подумав: — Откуда такие деньги? Не думала, что стражникам так хорошо платят.

Глеб хитро прищурился и, не скрывая иронии, спросил:

— А ты помнишь, сколько платят стражникам?

— Нет, Глеб, — пришлось признаться. — Понятия не имею, сколько платят стражникам. Просто заметила форму в спальне и решила, что ты эльтересский стражник.

— Понятно... — протянул он. — А мою фамилию, значит, не помнишь?

— Нет, прости.

Он кивнул и задумался о чем-то. Выражение его лица мне совсем не понравилось. Неужели он обо всем догадался?

Молчание затягивалось. Нервы мои натянулись до предела, ладошки вспотели, губы искусаны, а в мыслях уже готовились объяснения тому, кто я такая, откуда взялась, и куда делась настоящая Инна...

Наконец Глеб что-то для себя решил и сказал вовсе не то, что я ожидала услышать:

— Дорогая, у меня к тебе предложение.

Я встрепелась и едва смогла скрыть вздох облегчения, когда услышала следующие слова:

— Дело в том, что несколько дней назад мои родители приглашали нас провести выходные у них дома. Помнишь? Нет? Жаль... В общем, мы с тобой собирались съездить к ним после окончания медового месяца, но... Что, если нам отправиться к ним

прямо сейчас? Там будет Дара, моя сестра. Помнишь ее? Вы с ней лучшие подруги. Возможно, общение с ней поможет вернуть тебе память.

Я задумалась. Еще больше людей, с которыми я не знаю, как себя вести... Еще больший риск выдать себя... Минуту назад и так едва не прокололась.

Но с другой стороны, оставался еще вариант первоначального плана медового месяца: Летний Двор, необитаемый пляж, бескрайнее море... Практически край света и отсутствие цивилизации. А значит, отсутствие новостей — я все еще не оставляла надежды узнать что-нибудь о судьбе Инны, убедиться, что меня не будут искать.

Да и что я там буду делать наедине с мужчиной, который считает меня своей законной супругой? Уж точно не кроссворды разгадывать и звезды на небе считать... Ну уж нет!

Поэтому мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Родители Глеба жили в загородном поместье в часе езды от его городского дома (называть этот дом «нашим» я, наверное, никогда не смогу). В дороге он рассказывал мне о своей семье, о том, кто чем занимается, кого как зовут, и у кого какие интересы.

Запомнить все оказалось несложно. Семья состояла всего из трех человек, не считая Глеба.

Глава семейства, Артур, командовал королевской гвардией, пока не вышел в отставку, и теперь все свободное время проводил на охоте, за игрой в шахматы или чтением газет.

Его супруга, Катерина, до замужества увлекалась путешествиями по королевству. Сейчас она коллекционирует географические карты и атласы, а также сказки и легенды всех четырех Дворов.

Дара, младшая сестра Глеба, как и Инна увлекалась искусством, в особенности, скульптурами. Она организовала в саду родового поместья свой маленький музей, между прочим, не без помощи самой Инны, и часто устраивала выставки, приглашая на них близких друзей.

Все это показалось мне очень интересным, и я с нетерпением ждала встречи с родней Глеба.

Единственное, чего он мне за всю дорогу так и не назвал — своей фамилии.

Дом, представший перед моим взором, был впечатляющим. И это еще слабо сказано. Едва увидев это поместье, похожее на небольшой дворец, я поняла — семья Глеба носит фамилию одного из месяцев. И это было неприятным для меня открытием, ведь это значит, что они — дворяне. А где дворяне, там и король...

Глеб помог мне выбраться из кареты, а потом провел в дом, здороваясь по пути со слугами. Никто из хозяев нас не встречал. Очевидно, нашего прибытия не ждали.

Внутри дом оказался несколько мрачноватым по цвету мебели и многочисленным картинам, изображающих батальные сцены и морские сражения. Но все компенсировали большие окна и обилие живых цветов в вазах и горшках. Это навело меня на мысль о принадлежности семьи к Весеннему Двору — только весенние лорды и леди так сильно любят цветы.

Но я могла ошибаться. Ведь и зимние лорды по какой-то причине питают необъятный интерес к сражениям и войнам, но, к счастью, лишь теоретический. На моей памяти в королевстве пока не случилось войн и серьезных конфликтов. Надеюсь, так будет и впредь.

В одной из комнат в уютном кресле сидела немолодая женщина. У нее были светлые с проседью волосы и зеленые глаза. Типичная представительница Весеннего Двора.

Когда-то моя подруга Лана хвасталась, что может определить, к какому роду относится тот или иной человек лишь по оттенку его глаз и волос. Конечно, она лукавила. Не было никаких закономерностей во внешности дворян, тем более, что очень часто они заключали династические браки друг с другом, смешивая внешние черты. Но тем не менее, принято считать, что представители зимних родов — голубоглазые брюнеты, весенних — зеленоглазые блондины, летних — кареглазые шатены, а осенних — сероглазые рыжие.

И пусть в моем случае данное правило сработало идеально, в остальном же это полная чушь! Достаточно посмотреть на Глеба, чтобы понять, как сильно он не похож ни на весенних, ни на зимних лордов.

Женщина пила чай и смотрела в окно, погруженная в глубокие раздумья. Настолько глубокие, что Глебу пришлось несколько раз повторить приветствие, чтобы привлечь ее внимание.

— Здравствуй, матушка!

— Ох! Мальчик мой! — Катерина наконец заметила нас, вскочила на ноги и захватила в объятия. — А почему вы здесь? Вы же должны были уехать отдыхать.

— Возникли непредвиденные обстоятельства...

Тут женщина посмотрела на меня и защебетала:

— Инночка! Солнышко! Как же я рада тебя видеть! А почему ты такая бледная? Что-то случилось?

— Мама, успокойся, — поспешил вмешаться Глеб, пока Катерина не затискала меня до смерти. — Давай присядем. У нас не очень приятные известия.

Катерина удивилась, но сделала так, как предложил ее сын.

Стоило женщине выслушать объяснения Глеба на счет моего состояния, как сочувствие полилось рекой. И что самое главное — оно было искренним. Было видно, что Катерина давно знала Инну и очень ее любила. В этот момент я почувствовала горечь сожаления и укол вины, будто это я своими руками по собственной воле забрала тело Инны, ее жизнь.

А еще меня съедала зависть.

Всю жизнь я была сиротой. Даже когда король Леонард принял меня в свою семью, я не получала семейного тепла и родительской любви ни от него, ни от его жены. У меня была няня, но и она не проявляла ко мне никаких чувств, лишь четко выполняла свои обязанности, заботилась о моем комфорте и воспитании. Да, мне не давали голодать и мерзнуть — даже наоборот, окружали самыми дорогими и редкими вещами. Мне дали хорошее образование, даже пытались помочь развить магию. Но самого главного я не получила. И теперь чувствовала себя обездоленной.

Кажется, Катерина заметила, что со мной что-то не так, и предложила:

— Сынок, отведи Инну наверх. Ей нужно отдохнуть с дороги. И, наверное, лучше выделить ей отдельную комнату. Нужно время, чтобы прийти в себя, вернуть память. Я права, солнышко? — обратилась она ко мне.

От избытка чувств я не смогла ничего ответить и просто кивнула, вложив в этот жест всю свою благодарность. Мне и правда не хотелось спать в одной кровати с чужим мужем.

Мы поднялись в приготовленную для меня гостевую комнату и вновь остались вдвоем. Мне хотелось дать волю слезам, выпустить наружу все эмоции и переживания, что скопились за целый день. Но при Глебе я не могла себе этого позволить. Воспитание не позволяло. Да и могла ненароком сболтнуть лишнего...

— Ты как? — спросил он.

Я пожала плечами и подошла к окну.

Снаружи раскинулся чудесный сад, полный цветущих растений. Тут и там стояли разнообразные статуи, представляющие собой нечто абстрактное и совершенно невообразимое. Видимо, это тот самый «музей на дому» Дары, о котором рассказывал Глеб.

— У тебя замечательная мама, — сказала я, не оборачиваясь.

— Так странно снова слышать это от тебя, — заметил он. — Прости, хоть я и понимаю, что ты не помнишь своего первого знакомства с моей семьей, мне до сих пор сложно привыкнуть к этой мысли.

Я вдруг ощутила его руки на своей талии и невольно напряглась. Он обнял меня со спины и прижал к своей груди, как самое ценное и дорогое сокровище. А я чувствовала себя до нельзя неуютно и хотела отстраниться, но не позволила себе этого сделать.

Только сейчас вдруг осознала, насколько тяжело ему приходится. Как это, должно быть, больно видеть свою любимую женщину, находиться с ней рядом, но понимать, что она тебя совершенно не помнит. Не помнит первую встречу, первое свидание, первый поцелуй, признание в любви, свадьбу...

Поэтому я просто застыла и некоторое время позволила ему обнимать себя. Но когда почувствовала на своей шее его губы, не выдержала.

— А у меня есть родители?

Как и ожидала, романтическое настроение Глеба оказалось нарушено, и он с разочарованным вздохом выпустил меня из кольца своих рук.

— К сожалению, нет, — ответил он. — Насколько мне известно, ты жила без отца. Лишь с мамой. А она скончалась два года назад от

какой-то тяжелой болезни.

Не могу сказать, что обрадовалась, но некоторое облегчение все же испытала. Если бы у Инны имелись родители, и Глеб предложил их навестить, я бы просто не смогла найти в себе силы так бессовестно их обманывать. А рассказав им правду, несомненно причинила бы боль...

С усилием отгоняя прочь пессимистичные мысли, я обернулась и прищурилась.

— И все-таки. Какая у тебя фамилия?

На лице Глеба расцвела хитрая улыбка.

— У нас, ты хотела сказать? — зачем-то уточнил он.

— Хорошо. Какая у нас фамилия? — исправила я.

Некоторое время он загадочно молчал, навевая больше драматизма, и наконец выдал:

— Февральские.

— Не может быть! — пораженно выдохнула я.

Да уж, такого я не ожидала...

Глеб самодовольно ухмылялся в ответ. И тому имелось основание.

— То есть, ты родственник самого наместника?! — не могла поверить я. — Но как же так? Я думала, если вы живете в весенней части Эльтереса, то... К тому же, твоя мама... — от неожиданности я вдруг стала запинаться.

Но Глеб меня понял.

— Нет, моя мама не имеет никакого отношения в Весеннему Двору. Разве что очень отдаленное. Вполне возможно, кто-то из ее далеких предков имел связь с кем-то из его представителей. Сама понимаешь...

— Да-да, о любвеобильности весенней знати ходят целые легенды!

Кто ж об этом не знает! Говорят, барды в тавернах даже песни об их любовных похождениях слагают. Настолько они... неугомонные в этом плане. Это еще одна причина, по которой мне не хотелось замуж за Ясеня. Такому, как он, никогда не будет хватать одной спутницы жизни. Да и среди женщин не найдется той, кто смог бы ему отказать. И плевать, что он не свободен...

— Верно. Но в любом случае, фамилию весенних месяцев ни она, ни ее родители не носили.

— Зато теперь носит зимнюю... — я все никак не могла остановиться, продолжая вертеть в голове одну и ту же мысль. — Боже, ты родственник наместника!..

— Племянник, если быть точнее.

Еще лучше... Нет, это безобразие, в самом деле!

— Чему ты так удивляешься? — недоуменно спросил Глеб.

— Да нет, совершенно ничему, — нервно хихикнула я. — Разве что тому, как простая художница стала женой племянника наместника Эльтереса. И почему этот самый племянник работает простым стражником.

Ну и еще, конечно, тому, как меня угораздило так влипнуть. Это ж надо было умудриться попасть именно в это тело, именно в эту семью!

Король Леонард не просто так сделал наместником Эльтереса лорда Теодора Февральского. Мало того, что они приходились друг другу троюродными братьями, так еще и отношения у них были замечательные. Наместник был прямо-таки образцом верности монархии, и король не раз ставил его в пример остальным придворным, как публично, так и в частном порядке.

А еще каждый раз, когда король приезжает с визитом в Эльтерес, наместник устраивает шикарные балы и приемы, на которых обязательно присутствует вся его семья. На одном из таких приемов я уже бывала и, кажется, даже была представлена наместнику и кому-то из его родни. Правда ни Катерину, ни Глеба я не запомнила. Возможно, потому что была тогда слишком мала.

Хотя, может, я зря так переживаю. У меня ведь почти идеальное прикрытие — чужая внешность, чужая жизнь. И мне пока что верят. Под боком у наместника меня точно никто не будет искать.

— Не вижу ничего плохого в том, чтобы быть простым стражником, — заявил Глеб. — И вообще, кажется, ты говорила, что именно это тебе нравится и во мне.

Мне показалось, в его голосе проскальзывала обида.

— Что именно? — спросила я.

— Независимость. Своими силами, без помощи дяди я в свои двадцать пять лет заработал звание капитана и горжусь этим.

— Имеешь право... — буркнула я.

Нет, я его не осуждаю. Честное слово! Наоборот, это весьма похвально иметь цель и самостоятельно добиваться ее. Просто не

совсем понимаю, зачем намеренно игнорировать возможности, которые сами падают в руки. А ведь, уверена, в случае Глеба все именно так и было. Хотя, учитывая его звание, может, он и не игнорировал. Просто не догадывался о том, что все это время могучий дядюшка ненавязчиво продвигал его по службе...

Видя, что мужчина нахмурился, я испугалась, что он может неправильно воспринять мои слова, и поспешила перевести тему:

— А как мы познакомились?

Видимо, эта тема была Глебу приятнее предыдущей, потому что он тут же расплылся в улыбке.

— О! Это долгая история! Но если вкратце, то виновница нашего знакомства — Дара.

— Твоя сестра? — удивилась я.

— Да. Кстати, скоро нас позовут на ужин. Там и расспросишь ее. Не буду тебя больше беспокоить. Отдыхай, собирайся. Встретимся у лестницы через два часа.

Я кивнула, а Глеб покинул мою комнату, оставив меня в одиночестве.

Оставшееся до ужина время я в точности выполняла его указания: расслаблялась, стараясь не забивать себе голову ненужными мыслями и тревогами — от них и так уже голова пухнет! — и переодевалась к ужину. Как бы по-простому Инна и Глеб не жили у себя в городе, здесь, в родительском доме они вынуждены были следовать порядкам высшего света.

Уж не знаю, как воспринимала это Инна, но по крайней мере для меня это все было более чем привычным.

За ужином я наконец-то смогла увидеть остальных членов семьи. Артур оказался практически точной копией наместника, правда более подтянутой и крепкой. Вероятно, благодаря военной выправке.

Дара же оказалась очень похожа на мать. Радушная, жизнерадостная, открытая. Так и не смогла понять, старше она своего брата или младше. На вид примерно ровесники.

Когда мы с Глебом вошли в столовую, она весело щебетала о чем-то с Катериной, но как только увидела меня, прервалась на полуслове и подскочила к нам.

— Ох, Инночка! Мне так жаль! — она обняла меня, точь-в-точь как несколькими часами ранее ее мать, и стала шептать на ухо всякие

утешительные глупости. Пустые, но несомненно приятные.

— Что ж вы все так стремитесь расплющить мою жену? — беззлобно заворчал Глеб и приказал сестре: — Ну-ка сядь на место! Хватит тискать Инну! Она тебе не плюшевый медведь.

Дара усмехнулась, показывая, что не боится командирского тона брата, но все же отстранилась.

— Конечно! Она даже лучше! — воскликнула девушка и ущипнула меня за щеку.

Я опешила. Пусть мы и считались теперь родственниками, но такой фамильярности я точно не ожидала. В Зимнем дворце никто себе такого никогда не позволял.

Но видимо здесь это в порядке вещей, поэтому пришлось последовать примеру Глеба и, смущенно улыбаясь, сесть за стол.

Трапеза протекала в благодушном настроении. Все старались плавно обтекать тему моей амнезии, не касаясь ее напрямую. Обсуждали что-то отвлеченное, незначительное и известное всем, как например, погода в разных частях города, ближайшие праздники, светские приемы, домашняя кухня и местные сплетни.

В разговоре я участия в основном не принимала, сосредоточившись на поглощении пищи и наблюдении за домочадцами.

Однако вскоре Глеб попросил сестру:

— Дара, напомни-ка Инне о вашей первой встрече.

Эта информация была мне интереснее, поэтому я обратилась в слух.

— О, это было бесподобно! — тут же отозвалась девушка. — Не устану это повторять, но именно ты, Инночка, привила мне любовь к искусству. За это я тебе безмерно благодарна! Ты тогда была простым уличным художником. Стояла на Торговой площади и рисовала прохожих. Мы с моим другом проходили мимо, когда одному из твоих клиентов не понравилось, как ты его нарисовала. Он тогда отказался платить за портрет и разорался на всю площадь, что ты бездарная мошенница, жалкая побирушка... — под грозным взглядом Глеба она вдруг поперхнулась.

Даже мне от его взгляда стало не по себе. Не думала, что он так умеет.

— Кхе-кхе... — откашлялась Дара и вняла предупреждению брата, перейдя к сути. — В общем, поливал он тебя грязью, а мы, привлеченные его истерикой, подошли посмотреть, что ему так не понравилось. И знаешь, ему не понравилась собственная рожа!

— Дара! — теперь уже делал замечание Артур.

— Что Дара? Рожа она и есть рожа! Как мне еще называть это уродство? — искренне недоумевала эта леди-непосредственность. — Жаль ты не помнишь, Инна. Ты так точно его изобразила! Просто идеально! Даже зеркало не отразит точнее! Я тогда тебе именно так и сказала, кстати. Мы с другом прогнали того мерзкого страхолюда...

— Дара! — настала очередь Катерины недовольно шипеть на дочь.

Но девушка просто отмахнулась.

— ...и заказали у тебя собственные портреты. Они у меня в комнате. Могу показать, если хочешь.

Она даже начала уже подниматься со стула, чтобы бежать за картиной, но под хмурыми взглядами родственников опустила обратно.

— После ужина, конечно, — добавила она и продолжила, как ни в чем не бывало: — Так вот, этот мой друг, между прочим, хозяин той самой галереи, в которой ты сейчас работаешь и выставляешься. И как только ты закончила писать наши портреты, он очень высоко оценил твоё творчество и поинтересовался, можешь ли ты писать что-то еще. Естественно, можешь, что и доказала позднее! В общем, работа работой, а мы с тобой очень быстро сдружились, и я пригласила тебя в гости к нам домой. Здесь ты познакомилась с моими родителями и легко с ними поладила. Так ведь? — спросила она у них.

Те согласно закивали.

— А вот с Глебом ты встретилась на своей первой выставке, на которую мне пришлось его силком тащить. Зато пото-о-ом... — протянула Дара и как-то загадочно посмотрела на брата.

Глеб беззлобно цокнул языком и закатил глаза, а я, не скрывая улыбки, поторопила:

— Так что потом? — так сильно меня захватил ее рассказ.

— А потом его уже даже силком было не затащить обратно! Влюбился в тебя братец с первого взгляда! Ходил, как привороженный. Только о тебе днем и ночью твердил!

— Все не так... — возразил Глеб и попытался оправдаться, но Дара его перебила.

— Так, так! — воскликнула она и начала передразнивать брата: — Инна то... Инна это... А сегодня мы с ней идем в цирк, а завтра на концерт... Ах, еще одна ночь без Инны! Как мне это пережить?..

Глеб смутился, а я неосознанно снова начала кусать губы. Дурацкая привычка!

Хоть и понимала, что Дара просто дразнится и преувеличивает, все же ясно видела, что чувства Глеба к жене и правда были сильны. Снова начали грызть сомнения в том, правильно ли я поступаю, обманывая этих замечательных людей. Ведь рано или поздно они все равно обо всем узнают. Так может лучше признаться сейчас? Сорвать разом этот пластырь, столкнуться с последствиями лицом к лицу...

Я уже даже открыла рот, собираясь говорить, пока не передумала, как вдруг в столовую влетел дворецкий, положил на стол конверт и скрылся за дверью.

Все замерли. Настороженные взгляды присутствующих прикованы к конверту, словно тот должен вот-вот разразиться взрывом. В комнате воцарилась гнетущая тишина.

Я не понимала, что происходит. Что такого страшного может находиться в этом конверте?

Ответ не заставил себя долго ждать.

Страхнув с себя оцепенение, глава семейства раскрыл конверт и достал оттуда письмо. Быстро пробежав по нему глазами, передал его сыну, а тот в свою очередь, едва взглянув на текст, подскочил с места.

Но тут же был остановлен матерью.

— Сядь! И доешь сначала! Никуда твоя работа не денется, если потратишь еще несколько минут, чтобы спокойно закончить ужин в семейном кругу, в котором и без того бываешь едва ли пару раз в год.

Глеб согласно кивнул и повиновался. Ужин продолжился.

Столовые приборы тихо позвякивали, большие напольные часы гулко тикали, равномерно отсчитывая ход времени. В комнате вновь повисло молчание, в котором теперь уже сквозила некоторая нервозность присутствующих.

— Нет, ну что за беспредел! — возмущенно озвучила всеобщее мнение Дара. — Даже медовый месяц человеку спокойно провести не дают! Что там у них опять стряслось?

Глеб был занят тем, что сосредоточенно пережевывал еду, потому вместо него ответил Артур:

— Принцессу Софию похитили. Всех стражей в срочном порядке подняли на поиски.

— Что?! — не сдержалась я. — Как похитили? Зачем?

— Да кто ж их знает? — пожал плечами Артур.

— Но как это случилось? Есть известия? — не унималась я.

— В письме ничего об этом не сказано. Есть лишь приказ срочно явиться на службу. А приказы не обсуждаются.

Расспрашивать дальше смысла не было. Все равно мне никто не ответит.

Пока Глеб торопливо доедал остатки своей порции, мысли его уже были далеко. Расправившись с ужином, он повернулся ко мне:

— Прости, любимая. Я должен идти. Не могу сказать, когда вернусь, но сделаю все возможное, чтобы это произошло как можно скорее.

Он выглядел взволнованным. Видно, что не хотел меня покидать.

Пытаясь ободрить его, я улыбнулась.

— Иди. Не беспокойся обо мне. Я буду здесь с твоей семьей.

— С нашей семьей, — поправил он меня и нежно чмокнул в щеку.

Потом стремительно покинул столовую, а вскоре и дом.

Остаток вечера я просидела в своей комнате, гадая над тем, кому могло понадобиться похищать принцессу, то есть меня. Все это время мне казалось, что леди Осень ни для кого не представляет особого интереса. Подумаешь, последняя из Осеннего Двора. У меня даже наследства приличного не осталось. Наш край был самым унылым и совершенно безлюдным.

Рассказывают, что когда-то Осенний Двор был самой красивой и богатой частью королевства. Леса сверкали золотом и багрянцем. Урожай собирался круглый год. Деревни и села разрастались в крепкие города. Величественные замки привлекали множество гостей со всего королевства. Жизнь кипела, работа шла. Все были довольны.

А потом все изменилось. Сначала по всему Осеннему Двору беспричинно прошлась череда лесных пожаров, спаливших все до основания. Затем зарядили бесконечные дожди, которые не прекращаются и по сей день. Урожай стал гнить, ничего нового с тех пор не вырастает. Города опустели. Замки разрушены. Некогда

красивый и богатый край опустел и превратился в затонувшее пепелище.

Какой человек в своем уме мог позариться на такое?

Очевидно, дело было в чем-то другом. Может, это недовольные правлением короля хотели таким образом надавить на него? Мало ли у него врагов, готовых прибегнуть к грязному шантажу? Или тут была какая-то связь с Ясенем? А может, все вместе, ведь они всегда были заодно...

Каким образом тогда это все связано с переносом моей души в чужое тело? В похищении виновен тот же недоброжелатель или кто-то другой?

Множество вопросов и предположений крутилось в моей голове до поздней ночи, не давая уснуть. В конце концов все эти тревожные мысли настолько измотали меня, что я все-таки отключилась и оставшееся до рассвета время проспала без сновидений.

Утром подскочила чуть свет — так мне не терпелось выяснить хоть что-то.

Весь дом еще спал, кроме слуг, разумеется, и Артура, наслаждавшегося завтраком в безмятежном одиночестве. Я присоединилась к нему в столовой как раз в тот момент, когда он раскрывал свежую газету.

— Ты, кажется, вчера интересовалась похищением принцессы? — вспомнил отец Глеба.

Я кивнула, и он зачитал отрывок:

— Слушай: «...сразу после заключения брака молодожены отправились в свой новый дом в городе Озёра, что находится на территории Весеннего Двора. По дороге на их карету напали бандиты, убили охрану, кучера и лакея, избили и ограбили лорда Ясеня и похитили принцессу Софию...»

— А дальше? — нетерпеливо спросила я.

— А дальше ведется следствие. Все королевство поставлено на уши. Принцессу ищут. Мартовского лечат от сотрясения. Говорит: «Не смог защитить жену, потому что из-за удара по голове сам оказался без сознания». Ох уж эти мне весенние неженки... — презрительно выплюнул Артур.

Да уж... Только равный по статусу мог позволить себе назвать лучшего друга короля просто по фамилии, да еще так нелестно

отозваться о его качествах. В иной ситуации я бы, наверное, посмеялась этому. Но сейчас могла думать лишь о том, как же сильно я подставила Инну...

...алые листья облаком невесомых конфетти окружили нас. Мы держались за руки и смотрели на пламенеющий закат. Улыбки не сходили с наших лиц, и глаза не переставали лучиться счастьем. Было так легко и радостно. Понимание того, что все так, как должно быть, грело душу.

Пока мы вместе ничто иное не имеет значения. Есть только он и я. Наши души неразрывно связаны. И эта связь правильна, естественна. Ведь от нашей любви зависит столь многое.

Лишь для него одного поет мое сердце. Лишь им одним я живу. Лишь его одного я жду...

С этих мыслей началось мое пробуждение. Я никак не могла вспомнить, что мне снилось, но почему-то была уверена — то, что видела во сне, уже когда-то происходило на самом деле.

Что это? Воспоминания о детстве, той жизни с родителями, что я позабыла? Или что-то другое?

Во сне я была не одна, это ясно чувствовалось. Присутствие необычайно дорогого моему сердцу человека. Настолько близкого, что, проснувшись, я ощутила разочарование и холод от того, что его нет рядом.

Странно...

Мне нередко снилось то, чему не находилось логичных обоснований. И сны эти я никогда не запоминала. Они были столь сумбурны и наполнены разными, абсолютно не связанными на первый взгляд образами, что, в результате, просто не откладывались в голове. Было уже привычно отмахиваться от необычных ощущений и странных мыслей, что дарили эти видения. Но не сегодня.

Все мое естество кричало о том, что мне катастрофически не хватает чего-то. Нет, не так. Кого-то. Без этого «Кого-то» я просто физически не могу существовать. Рассыплюсь на множество частиц и развеюсь по ветру, вновь став частью природы...

Очень странные мысли.

Тряхнув головой, я все же заставила себя думать о менее эфемерном и более насущном — Глеб уехал, но я все еще в доме его семьи и должна продолжать играть свою роль.

Особого труда это не составляло. Главное — перестать проявлять чрезмерный интерес к судьбе принцессы Софии.

А вот это уже было сложнее. К сожалению, ее судьба вовсе не то, от чего можно отмахнуться так же легко, как от странного сна. Ведь если случится так, что именно Глеб будет тем, кто первым найдет ее, — что маловероятно, но все же вполне допустимо, — то мне конец. Она поведаст ему всю правду, и меня выпроводят отсюда, торжественно вручив королю... И настоящему мужу...

Прошло уже три дня с того злополучного вечера, как мы узнали о похищении моего родного тела. С тех пор от Глеба не поступало ни единого известия, а в газетах больше не упоминали принцессу. О ней будто бы все позабыли. Дом зажил по-старому, как до моего приезда, и каждый занялся своим делом. Одна лишь я бродила по поместью, как неприкаянная, в поисках чего-то, что могло бы утолить мою скуку.

В конце концов, заметив, что я маюсь от безделья, Дара решила уделить мне внимание и предложила съездить в галерею, где работала Инна. Я согласилась.

Здание галереи находилось недалеко от дома наместника в зимней части города. Снова я увидела сугробы снега, хмурое небо и морозные узоры на окнах.

Работники галереи и коллеги Инны встретили меня так же, как до этого встречали родственники Глеба — никто не ожидал, что я так скоро заявлюсь, но узнав о причине этого, разразились сочувственными вздохами и почти искренними сожалениями. Почти.

Как бы все хорошо ни казалось на первый взгляд, я сразу заметила, что Инну тут не любили. И я догадывалась, почему. Простая девушка, без специального образования, торговавшая на улице портретами прохожих, не прилагая особых усилий, вдруг, ни с того ни с сего стала одной из самых знаменитых художников Эльтереса. Да еще и породнилась с самим наместником.

Разбираться во всем этом мне было совершенно неинтересно. Я вообще не планировала тут задерживаться. Поэтому сделала вид, что приняла фальшивое сопереживание за истинное, и прошла вместе с Дарой в мастерскую Инны.

— Вот твоя святая святых! — девушка склонилась в шутовском поклоне и с изяществом опытного швейцара открыла передо мной дверь. — Прошу.

Комната оказалась очень светлой и небольшой. Хотя, возможно, так казалось из-за того, что картин здесь было просто немерено. Портреты, натюрморты, пейзажи...

Я медленно обходила помещение, приглядываясь к каждому предмету, делая вид, что пытаюсь вспомнить, как работала здесь. Проводила пальцами по краю мольберта, по рельефу рамы, по поверхности стола. Перебирала кисти, вдыхала запах краски, любовалась незавершенными работами...

Да, у Инны и правда талант. Настолько качественно изображать реальность с помощью красок способен далеко не каждый художник. Я так точно не смогу...

— Ну что? Есть успехи? — донеслось до меня с другого конца комнаты.

— Не знаю... — ответила я. — Кажется, я вспоминаю, как работала над этой картиной... — я наугад ткнула в одну из них.

— О, я знаю, где ты это писала! — возбужденно воскликнула Дара и подбежала ко мне. — Это было полгода назад у нас дома. В саду, если быть точнее. Мы с тобой сидели у фонтана, и я рассказывала о том, как король воспринял мою новую статую. Ну, уже не новую, но тогда она была новой...

— Постой! Король Леонард? — прервала я ее.

— Ну конечно! У нас что, есть еще какой-то король? — рассмеялась она. — Дядя знал о моем невинном увлечении, и пригласил его величество посмотреть.

— Невинном... — не сдержавшись, хмыкнула я. — Когда результаты невинного увлечения привлекают внимание первого лорда королевства, оно перестает быть невинным...

— Вот! — вдруг пронзительно воскликнула Дара. — Ты тогда то же самое сказала! Теперь я вижу, что прогресс есть. Ты кое-что вспоминаешь. Все-таки хорошо, что я тебя сюда привела! Правда?

Я кивнула, стараясь не показывать своей удрученности. Но мне вдруг стало не по себе. Надеюсь, это всего лишь совпадение, и мы с Инной просто мыслим схожим образом. Не могла же я и правда заимствовать воспоминания Инны. Или могла?..

Нет. Лучше не думать об этом. Есть кое-что более важное, о чем я не могу не спросить:

— А часто вы видите с королем?

— Ой, да довольно часто! Раз в несколько месяцев. Иногда каждый, — небрежно махнула рукой девушка, будто визит короля — сущая мелочь. — Правда, он не всегда у нас дома гостит. Говорит, что недолюбливает весеннюю часть города. Иногда мы встречаемся на балу у дяди или на каком-нибудь другом мероприятии. В следующий раз я обязательно вас познакомлю! Поверь, он чудесный человек!

О, да! Просто душа!

Я с трудом сдержала сарказм и вежливо ответила:

— Буду рада!

Паниковать не было смысла. Если даже мне не повезет встретиться с ним вновь, он меня не узнает. Уж я-то постараюсь.

Дни и ночи непрерывно сменяли друг друга, каждый раз принося с собой что-то новое. Прогулки в парке с Катериной под ее воспоминания о детстве Глеба или о давних путешествиях по разным городам королевства. Увлекательные партии в шахматы с Артуром и гораздо менее увлекательные беседы о политике. Творческие будни на пару с Дарой в саду, где она играючи лепит и ваяет, а я прикладываю все свои скромные умения лишь на то, чтобы создать хотя бы видимость написания картины.

За это время я узнала много новой, но совершенно бесполезной информации. Об Инне. О Глебе. О семье Февральских. Зато теперь с легкостью смогу ответить даже на самые каверзные вопросы, касающиеся жизни настоящей Инны.

Ночи тоже не оставались без подарков. Каждая из них приносила новый сон. И новые разочарования.

Я все сильнее убеждалась, что они показывают мое собственное прошлое, причем, очень важную его часть. Однако стоило мне поутру открыть глаза, как все мгновенно забывалось. Вот только оставались эмоции, которые я совершенно не могла себе объяснить.

Иногда мне хотелось сорваться с места и бежать, бежать, бежать... Так далеко, как только возможно. Куда, зачем? Не знаю. Главное — не останавливаться, пока не найду то, что нужно.

Иногда мне казалось, что я чувствую чьи-то прикосновения на своей коже и крепкие объятия. И они не были неприятными. Напротив,

ими хотелось наслаждаться, нежиться в них, утонуть навсегда... Но рядом со мной никого не было. Никто меня не трогал. Никому я не нужна.

Кроме Глеба, который не нужен мне. И кроме Ясеня, который пусть обломится!

А еще после таких снов я чувствовала себя больной и ослабленной. Казалось, что всю ночь занималась тяжелым физическим трудом и совершенно выбилась из сил. Ближе к полудню состояние вновь приходило в норму, но с каждым днем мне становилось лишь хуже.

К сожалению, я не сразу обратила на это внимание. А когда, игнорировать мое состояние стало невозможно, его заметили все окружающие.

Во время очередного сеанса творческой деятельности, когда от внезапно нагрянувшего головокружения кисть выпала из рук, а я чуть не свалилась со стула, Дара спросила:

— А ты случайно не беременна? У вас же с Глебом уже было? Ну... ночь любви и страсти... или не ночь...

От удивленного возмущения я выпучила глаза и подавилась воздухом, что рассмешило девушку.

— Вот только не надо так на меня смотреть! Что я такого сказала? Ты жена моего брата и моя лучшая подруга! Я имею право задавать подобные вопросы. Так было или нет? Я помню, что ты после аварии и все такое... Но может...

— Нет! — отрезала я. — Я не беременна!

— А может все-таки...

— Я сказала нет!

Дара пожала плечами, но больше не стала приставать с вопросами, мгновенно переключившись на свою незаконченную скульптуру. А я, увы, сосредоточиться на своей работе так и не смогла. Глубоко в душе я чувствовала, что внезапное головокружение, тошнота и общее недомогание имеют какое-то отношение к странным снам. В крайнем случае виноват перенос души из моего настоящего тела в это.

Но с другой стороны, подобные симптомы и правда напоминают беременность. Так может ли быть такое, что Инна уже была беременна к тому моменту, как я заняла ее тело?

В тот же день за ужином Катерина тоже поинтересовалась моим самочувствием.

— Солнышко, что же ты такая бледная? И не ешь ничего. Ты часом не заболела?

Только я хотела ответить, что все в порядке, как Дара вставила:

— Все хорошо, матушка! Она просто беременна!

— Что?! — удивилась Катерина.

— Нет! — одновременно с ней воскликнула я.

Но мое категоричное отрицание осталось незамеченным.

— Надо же! У меня будет внук! — Катерина буквально засияла от счастья. — Завтра же пригласим нашего семейного лекаря. Он тебя осмотрит, даст рекомендации. Если будут какие-нибудь особые пожелания, не стесняйся, проси. Ради благополучия наследника сделаем все возможное!

— У меня будет племянник... — мечтательно протянула Дара.

— А вот тебе пора бы и своих детей завести! — обратилась к дочери Катерина. — Только и делаешь, что кривляешься. Или ты до сих пор надеешься, что старший брат будет за вас обоих отдуваться?

Девушка скорчила недовольную рожицу, но ничего не ответила.

— Глеб уже в курсе? — поинтересовался в свою очередь Артур.

— О, мы ему тотчас же напишем! — сказала Катерина и приказала дворецкому принести ей бумагу и письменные принадлежности.

— Пойдите, не надо никому ничего писать! — попросила я.

— Как это не надо? — удивился Артур.

— А-а-а! Я поняла, ты хотела сделать Глебу сюрприз! — Дара радостно захлопала в ладоши. Какие ей дети, если она сама, как ребенок? — Вот почему ты ничего нам не рассказывала!

— Я не рассказывала, потому что не о чем было рассказывать. Я не беременна! Просто, наверное, простыла, только и всего!

— Ой, да ладно тебе! — отмахнулась Дара. — Подумаешь, забеременела до свадьбы. С кем не бывает! — похоже, она уже сделала свои выводы. И в том, что они неверны, ее теперь не убедить...

Катерина недовольно цокнула, явно не поощряя поведение дочери и ее взгляды на жизнь. Но ничего против ее слов она не сказала, и перо все же обмакнула в чернилах и уже держала занесенным над пустым

листом бумаги. Кажется, кто-то настолько сильно хочет внуков, что готов выдумать даже несуществующих...

— Как бы там ни было, в любом случае тебя завтра осмотрит специалист, — объявил Артур, единственный из присутствующих не потерявший здравомыслие. — А дальше будем действовать, исходя из его заключения, — с этими словами он посмотрел на жену, и та под его укоризненным взглядом все же отложила письменные принадлежности в сторону.

До конца ужина я все-таки не досидела, потому что постоянно чувствовала на себе цепкие взгляды попеременно то одной, то другой женщины. Тем более, после всего произошедшего аппетит пропал окончательно, и я с чистой совестью могла отправляться спать.

Наутро я едва смогла подняться с постели. Страшная слабость разлилась по всему телу, вызывая отвратительное настроение. Положение не спасали ни веселые шутки Дары, ни пение птиц за окном, ни вкусная еда за завтраком.

Чуть легче стало только после прихода лекаря, который, к моему облегчению и великому разочарованию старших родственников, объявил, что никакой беременности не наблюдает.

— В таком случае, что с ней происходит? — спросил у лекаря Артур.

— Ничего страшного, не переживайте! Простое нарушение энергетических потоков в организме. Такое бывает после перенесения опасных травм или тяжелых заболеваний. Амнезия, между прочим, вполне может являться результатом данного нарушения. Это как с кровообращением. Если палец туго перевязать нитью, кровь не будет в него поступать, и начнется постепенное отмирание тканей. То же самое происходит на уровне души. Отсутствие или недостаток нужной энергии блокирует память.

— А это можно как-то вылечить? — спросила успокоившаяся наконец Катерина.

— Конечно! Я пропишу специальные настойки и зелья, которые необходимо регулярно принимать, и тогда вскоре все придет в норму.

— Мы сделаем все, как вы скажете! — твердо заявила женщина.

Лекарь усмехнулся:

— Вам не надо ничего делать, леди Катерина. Это вот пациентке надо.

— О, она будет! А я обязательно за этим прослежу! — она предупредительно посмотрела на меня, будто я собиралась отлынивать от лечения.

А сама я в этот момент думала о том, что, судя по объяснениям лекаря, он наверняка мог что-то знать о перемещениях душ. И мне не мешало бы этот момент прояснить. Но как это сделать, чтобы не вызвать подозрений?

Как и обещала Катерина, за моим выздоровлением она следила пристально. Как по мне, даже слишком. Всю следующую неделю, что я по наставлению лекаря провела в постели, меня ни на минуту не оставляли в одиночестве. Поблизости обязательно кто-нибудь крутился: если не беспокойные родственники, то слуги, прикрывающиеся работой по хозяйству.

Это ужасно раздражало, и я даже не пыталась сдерживать свое возмущение по этому поводу. Но кто б меня еще слушал! Казалось, что в этом доме если ты больной человек, то ты не человек вовсе...

Тем не менее, один положительный момент в данных обстоятельствах все же имелся. Все свежие новости я получала не за совместными приемами пищи во время беседы, как раньше, а сразу же, как только о них узнавал кто-то из членов семьи.

И одна из таких новостей была совершенно неприятной.

— Ох, ну наконец-то! — воскликнула Катерина, вскрывая конверт и читая письмо. — На следующих выходных его величество прибывает в Эльтерес! Мы все приглашены в театр! Будем сидеть вместе с ним и его семьей в одной ложе, — она достала из конверта стопку билетов, разложила их веером и помахала перед лицом, улыбаясь при этом во весь рот.

Я ее радости не разделяла. Напротив, в голове уже рождались трусливые мысли и планы, как бы избежать этого похода. Увы, сказатьсся больной теперь не выйдет. Да и после этой недели я твердо решила больше ни в коем случае не болеть.

— А мое присутствие там обязательно?

— Ну разумеется! Что за вопросы? Неужели тебе не хочется познакомиться с королем? Ты же все это время так переживала за бедняжку Софию, его дочь.

— Приемную дочь, — машинально исправила я. Пусть он и принял меня в семью, своим отцом я его никогда не считала. — А известно уже что-нибудь о ней? Неужели ее так и не нашли? Глеб вам ничего об этом не писал?

Катерина пожала плечами.

— Ты же знаешь, какой он скрытный. С родными никогда о работе не говорит. Но, думаю, если бы принцессу нашли, Глеба уже отпустили домой. Да и что же ты сама его не спросишь? Я думала, вы регулярно переписываетесь.

Так и было. Глеб писал мне даже чаще, чем я успевала отвечать. Видимо капитану стражи полагается личная почтовая птица — несомненное преимущество данного звания. В каждом своем письме я не перестаю намекать на то, что мне хотелось бы узнать больше о поисках леди Осень. Но либо он совершенно не понимает намеков, либо упорно их игнорирует — в любом случае этой темы всячески избегает.

Если учесть, что с того единственного раза в газетах об этом тоже больше не было ни слова, складывается впечатление, что даже первое упоминание о похищении принцессы вышло по ошибке. Кто-то (возможно, сам король) тщательно скрывал от общественности это известие. Но по какой причине?

— В любом случае, — продолжила Катерина, — ты сможешь узнать обо всем у его величества. Из первых уст, так сказать. Еще одна причина принять приглашение!

С этими словами она протянула мне билет. Недолго думая, я приняла его, хоть и понимала, что вряд ли Леонард так просто возьмет и поведаст мне всю правду. Но попробовать разговорить его все же стоило. Бояться мне теперь нечего. В теле Инны он меня не узнает, особенно если буду проявлять осторожность.

Несмотря на то, что до похода в театр оставалось еще несколько дней, Катерина основательно принялась за подготовку уже сейчас. В общем-то основательность — ее второе имя. Поэтому я не особенно удивилась, когда на следующий день после окончания моего постельного режима в поместье нагрянула модистка с целой свитой помощниц.

С процессом создания образа и примерки я знакома не понаслышке. Во дворце было принято каждый новый прием посещать в новом платье, шитом на заказ. А приемов там было немерено. Тем не менее, я предпочитала более простые и удобные готовые платья, за что часто удостоивалась осуждающих взглядов. За одно лишь это леди Осень прозвали эксцентричной юной особой. Это, конечно, не считая всего остального, что я, по их мнению, делала не так.

Последний раз я так крутилась перед зеркалом в окружении стайки хлопочущих швей перед самой свадьбой... С тех пор прошел уже целый месяц. Месяц, что я должна была провести в статусе счастливой замужней женщины в компании новообретенного супруга. Одного из двух...

— Нет! Нет! Нет! — сквозь размышления до меня донесся раздраженный возглас модистки. — Вы что, не видите?! Этот цвет не подходит оттенку ее волос! У нее не шатен, а медный! Сюда нужно совершенно другое! Так, Инна, — сказала она мне, коснувшись моего подбородка, — посмотри на меня! Вот! Как я и говорила! Совершенно не пойдет!

Она отпустила меня и повернулась к Катерине, переходя на более дружелюбный тон:

— Леди Катерина, вы говорили, ваша невестка кареглазая шатенка, а она оказывается сероглазой рыжей. Мои девочки на это не рассчитывали, везя сюда свои варианты, — она кивнула на ворох разноцветных тканей, занявших почти все горизонтальные поверхности комнаты. — Но не беспокойтесь! Они еще только учатся, и конечно же создание вечернего платья для вашей прекрасной Инны я им не доверю. Теперь я вижу, с чем мне работать, так что все будет готово в срок и по высшему разряду!

— Как и всегда! — улыбнулась Катерина. — Даже не сомневаюсь в этом!

Они еще о чем-то мило щебетали, а я тем временем с недоумением присматривалась к своей внешности. Изменения почти незаметные. Для тех, кто видит меня каждый день, их и правда не уловить. Да и сама я за время болезни редко подходила к зеркалу. А внимательно вглядываться в отражение вообще не приходилось.

Прямые каштановые волосы Инны приобрели чуть рыжеватый оттенок и стали слегка виться. До моего родного цвета, конечно, далеко, но что-то мне подсказывало, что это еще не конец. Пусть медленно и постепенно, но они будут продолжать меняться, пока вновь не станут такими, как прежде.

И с этим необходимо было срочно что-то делать. Лишь одна единственная девушка во всем королевстве обладала таким цветом волос — леди Осень. Уверена, принцессу ищут прежде всего именно по этому признаку.

Но волосы можно покрасить — не беда! В алхимических лавках продаются различные средства для закрашивания седины, например. Менять цвет волос у нас не принято, но при большом желании, можно убедить мастера создать особую краску.

Только вот... что делать с глазами? Карие глаза Инны посветлели и приобрели холодный оттенок. Стали серыми — точь-в-точь такими, как были у меня. Не зря говорят: «глаза — зеркало души, а волосы — цвет магии». И пусть осенняя магия во мне до сих пор не пробудилась, но душа-то моя собственная прямо здесь, в этом самом теле.

На следующий день сообщив всем, что намереваюсь отправиться в галерею немного поработать, я вместо этого поехала искать алхимика, способного мне помочь. Волосы на всякий случай прикрыла платком. В Эльтересе он точно не будет лишним и не вызовет вопросов: в летней части города спасет от солнца, в зимней — от холода, в остальных — от ветра, а на деле — от внимательных прохожих.

Алхимических лавок в городе было множество. Я могла бы войти в первую попавшуюся и просто купить все необходимое, но не спешила этого делать. Краску для волос, без сомнения, сможет создать даже самый неопытный подмастерье алхимика, но мне нужно было не только это.

Разузнать у лекаря подробнее о перемещении душ мне удалось только в последний его визит, когда он проводил контрольный осмотр. Мне невероятно повезло, что в тот день вместо Катерины у моей постели дежурила Дара. Зная, что с минуты на минуту должен появиться лекарь, заранее разговорила ее на тему перемещения душ и завела спор о том, возможны ли они вообще.

Девушка утверждала, что верит в реинкарнацию и в то, что душа каждого из нас проходит свой путь на протяжении нескольких жизней, а после смерти ничего не кончается. Я же, дабы раззадорить ее, настаивала на том, что ничего подобного не существует.

— Какая же ты все-таки неромантическая! — укоризненно произнесла Дара. — Ты же художница! Значит, должна верить во второй шанс или вечную жизнь.

— Тогда почему мы ничего не помним о прошлых жизнях?

— Ой, да мы и о нынешней-то мало что помним! — отмахнулась она. — Вот скажи, ты можешь вспомнить себя десять лет назад? Во

всех подробностях. Какой была, что делала, с кем общалась, о чем мечтала?

Стоило ей задать этот вопрос, как я с некоторым удивлением поняла: да, могу. Причем в мельчайших деталях практически каждый день того периода времени. Поминутно могу расписать, что делала, о чем думала, чего хотела...

Но ей ответила:

— Нет, не могу.

— Вот видишь! И я не могу. Это просто нереально. Наша память не способна вмещать в себя абсолютно все. Десять лет назад я потеряла свою любимую игрушку, но совершенно не помню, как это произошло. Да и вообще плохо помню то время, хотя возраст у меня был уже довольно сознательный. Так что не заморачивайся! Вряд ли найдутся достоверные источники, способные доказать, что я права или ошибаюсь. Здесь главное — вера.

Я сделала вид, что задумалась, и после недолгой паузы сказала:

— Вообще-то, кажется, я знаю того, кто способен разрешить наш спор.

Дара недоуменно посмотрела на меня, но через мгновение озарилась пониманием:

— Лекарь!

— Да-да, слушаю вас, леди Дара, — раздался заинтересованный мужской голос со стороны двери.

Мы обернулись. В комнату как раз вошел лекарь собственной персоной и, не дожидаясь ответа девушки, приступил к осмотру пациентки, то есть меня.

Дара сначала немного помялась, будто не решалась отвлекать человека от работы, но все же не выдержала.

— Вот скажите нам, уважаемый мастер, как профессионал. Как вы считаете, возможно ли перемещение души из одного тела в другое?

— Повернитесь! Не дышите! — сказал он мне. — Так, отлично, можете вдохнуть. Перемещение душ? Что ж, теоретически это возможно. Душа — источник энергии. Выньте из тела душу, и оно перестанет функционировать даже если совершенно здорово. А вот практически... — он пожал плечами. — Сложно сказать. Душа обычно очень крепко сплетена с телом. Энергетические каналы буквально насквозь пропитывают каждую клеточку организма. Вместе душа и

тело представляют собой единый механизм. Случаются, конечно, исключения, как например, в вашем случае, леди Инна. Ваше тело абсолютно здорово и работает исправно, внутренние процессы не нарушены. Но при этом по какой-то причине вело себя так, будто отторгало вашу душу, как нечто чужеродное. Весьма интересный случай, должен сказать.

— То есть это действительно возможно? — обрадовалась Дара.

— Вполне. Не могу утверждать с полной уверенностью, но думаю, если бы вдруг кто-нибудь решил взять сейчас душу леди Инны и переместить в другое тело, у него могло бы получиться.

— Но как бы он это сделал? — спросила уже я.

— Если сильно нужно, способ всегда найдется, — усмехнулся лекарь. — А вообще, полагаю, примерно так же, как я воздействовал на вашу энергию, только наоборот: с помощью мазей, настоек, зелий и всего подобного, что способно разорвать связь между телом и душой.

— И такие... препараты существуют на самом деле? — насторожилась я.

— Если есть вещества, способные наладить потоки энергии в организме, то обязаны быть и такие, которые их разрушат.

— Что за страшные вещи вы рассказываете моей больной девочке? — послышался голос вошедшей в комнату Катерины.

— Если вы о леди Инне, то она уже идет на поправку, — ответил мужчина. — Ее жизни теперь ничто не угрожает. Больше нет нужды соблюдать постельный режим. Наоборот, я бы настоятельно рекомендовал побольше двигаться и проводить время на свежем воздухе.

Разговор окончательно ушел прочь от темы перемещения душ, но мне было достаточно и того, что удалось узнать. Вряд ли лекарь способен дать какие-то практические советы по поводу того, как вернуть мою душу обратно в родное тело. Да и сама я еще не решила, нужно ли мне это. Но тем не менее, я бы предпочла точно знать, можно ли что-то сделать и если да, то каким образом. А расспросить об этом стоит людей, специализирующихся на создании зелий и ядов.

Именно за этим я теперь здесь, у магазина алхимика, товары которого, по мнению местных, считаются самыми действенными и качественными.

Один лишь тот факт, что алхимическая лавка занимала целый двухэтажный дом, когда хозяева прочих торговых лавок, бывало, впятером делили между собой один угол первого этажа какого-нибудь жилого дома, говорил о многом. Кого-то это убедит в высоком уровне доверия граждан к хозяину лавки, кого-то — в его популярности. А меня — лишь в том, что за дополнительную плату мастер охотно поможет разобраться даже с самой невыполнимой проблемой.

Как раз то, что нужно!

Войдя внутрь, я осмотрелась. Посетителей было очень много, и все они выстраивались в несколько очередей к разным продавцам — вероятно, то были ученики и помощники хозяина лавки. Понять, кто из них является тем самым знаменитым мастером-алхимиком не составило труда — очередь к нему была самой длинной.

Довольно долгое время я просто бесцельно кружила по магазину, делая вид, что разглядываю витрины. Дождавшись, когда людей в помещении немного поубавится, и нужный мне алхимик освободится, я подошла к прилавку.

— Добрый день, леди! Чем могу помочь? — приветливо улыбнулся он.

— Здравствуйте, мастер! У меня... довольно деликатная проблема... — я указала на волосы под платком и понизила голос до шепота. — Представляете, этим утром я обнаружила у себя несколько седых волосков! В моем-то возрасте! Мне необходимо избавиться от них как можно скорее, пока муж не заметил это безобразие!

Алхимик понимающе улыбнулся.

— Не переживайте, леди! Такое бывает, — успокоил он меня. — Это дело поправимое. Достаточно закрасить их специальным составом. Какой ваш натуральный цвет волос?

Я молча вытащила из-под косынки еще не успевшую поменять цвет прядку и показала ему.

— Хорошо, я вас понял! — мужчина склонился, разыскивая что-то под прилавком, а затем протянул мне баночку. — Вот, возьмите! Наносите на влажные волосы и спустя десять минут смывайте.

— Спасибо большое! — я заплатила за средство и, видя, что посетителей пока не прибавилось, поспешила добавить: — А вот скажите, мастер. Вы ведь настоящий профессионал в алхимии. В этом

городе нет никого, кто мог бы с вами сравниться. Уверена, вы, как никто другой, сможете ответить на мой вопрос!

— Именно так, — уверенно ответил он. — Если вопрос хотя бы косвенно связан с алхимией, я непременно на него отвечу.

Я немного помялась, решая, как бы завуалировать вопрос так, чтобы не выдать себя прямо, но и наиболее точно передать суть. Не сомневаюсь, что алхимик бережно хранит тайны своих клиентов, особенно тех, кто щедро ему платит. Но мало ли кто может проходить мимо и случайно подслушать наш разговор, а потом сложить некоторые факты и... нагрянуть в поместье Февральских со стражей. Возможно, я перестраховываюсь, но осторожность еще никому не вредила.

— Недавно я прочитала один увлекательнейший фантастический роман, — тщательно подбирая слова, начала я. — Там описывалось, как главного героя отравили, после чего его душа перенеслась в тело другого человека. Представляете, насколько это невероятно!

Я ждала, что меня высмеют и откажутся помогать, но мастер терпеливо молчал, ожидая продолжения.

Тогда я спросила:

— Так вот, как по-вашему он смог перебраться обратно?

С последними словами я пристально посмотрела алхимику в глаза, стараясь даже не моргать, чтобы не пропустить его реакцию. Вместе с этим незаметно протолкнула на другой конец прилавка мешочек с деньгами, в четыре раза превышающие стоимость баночки с краской. Надеюсь, этого будет достаточно.

Мастер остался невозмутим, но улыбаться перестал. Мельком взглянув на мешочек, он забрал его и ответил:

— Полагаю, так же, как и попал туда. С помощью того же самого средства.

Окрыленная, успешным началом диалога, я поторопилась со следующим вопросом:

— А что, их может быть несколько?

Ответ был ожидаем:

— Не знаю, леди, — подчеркнуто равнодушно пожал плечами мужчина. — Вы же понимаете, что это всего лишь фантастика, чей-то вымысел...

Вздыхнув, я выложила на прилавок еще один мешочек, который тут же исчез в карманах мастера.

— Средство одно, — сказал он. — Но может употребляться в разном виде, а значит, и с разной дозировкой и длительностью. Порошок для достижения результата принимается с едой в течение минимум двух приемов пищи. Чайные листья завариваются в литре кипятка, который должен быть полностью употреблен, иначе нужного эффекта не достичь. Есть еще курительные смеси, испускающие фиолетовый дым. Его нужно вдыхать каждый день по сорок минут на протяжении недели.

От обилия вариантов голова пошла кругом. Судя по всему, перенос души в другое тело достаточно распространенная практика. И я вовсе не единственная жертва этой страшной отравы. А может, некоторые даже намеренно этим занимаются? Так и вижу, как группа каких-нибудь фанатиков, мечтающих о вечной жизни, запирается в темной комнате, наполненной фиолетовым дымом и спустя неделю их души оказываются в более молодых и сильных телах, а из той комнаты наружу выползают растерянные дряхлые старики... Или уже не выползают... Жуть...

— Есть еще концентрированный раствор, который вкалывают под кожу, — добавил алхимик. — Как именно ваш герой был отравлен?

Я задумалась, пытаюсь вспомнить тот день.

Было утро. Я так волновалась, что даже позавтракать нормально не смогла. Потому порошок, чай и дым отменяются. А вот позже...

Капля алой крови на белом платье, такая незаметная на фоне всех этих пестрых цветов...

Проколотая кожа за несколько минут до церемонии и обморока...

Неужели это Лана меня отравила? Она ведь сама вызвалась помочь приколоть цветы к фате.

Нет! Не может быть! Лана — моя лучшая подруга, которая меня всегда поддерживала, которая всегда была рядом, которая... искренне верила в то, что я увела у нее любимого... Значит, все-таки она?

Мне не хотелось в это верить, но других вариантов не находилось. В попытке оправдать лучшую подругу я чуть было не задала еще один вопрос: «Как много времени должно пройти, чтобы средство подействовало?» Ведь может быть такое, что мне что-то подлили за

несколько дней до этого. Но я вовремя вспомнила, что мешочков с деньгами осталось всего два, и один из них — на обратную дорогу.

К тому же, нетрудно догадаться, что концентрированный раствор, попавший в кровь, подействует почти моментально.

Поэтому ответила:

— Иглой, — и протянула деньги. — Беру.

В этот момент в лавку вошло сразу несколько человек, и одним из них был незнакомый стражник. Я невольно напряглась, что не укрылось от цепкого взгляда человека в форме. Но к счастью, он быстро утратил ко мне интерес, окликнутый кем-то из толпы.

Оборачиваясь к алхимику, я обнаружила, что все деньги с прилавка уже исчезли, а сам мастер протягивает мне крошечный флакончик темно-синей жидкости.

— Воистину увлекательнейший роман, леди!

— Рада, что вам понравилось, мастер! — натянуто улыбнулась я, пряча флакон. — Благодарю за приятную беседу! До свидания!

— Буду с нетерпением ждать от вас нового фантастического сюжета!

«Ну уж нет! Надеюсь, ничего «фантастического» в моей жизни больше не произойдет!» — мысленно проговорила я и вышла на улицу.

За несколько часов до нашего выхода из дома и начала представления в театре я, одетая и накрашенная, сидела в кресле перед зеркалом и слушала восторженные восклицания Дары по поводу моей внешности. А все дело было в волосах. Теперь на мою беду еще более рыжих.

— Это ты здорово придумала! Перекрасить волосы! Надо же! Ты ведь теперь как сама леди Осень! — кружила она вокруг меня. — И почему никто до этого прежде не перекрашивался?

Сестра Глеба — по-настоящему творческий человек, открытый ко всему новому и необычному. Поэтому не просто спокойно приняла новую внешность Инны, но еще и активно поддержала. А вот Катерина и Артур, напротив, были крайне недовольны.

— Ох, что же скажет Глеб, когда увидит? — досадливо щелкала языком женщина.

— Куда катится мир! — вторил ей мужчина, качая головой.

А я просто помалкивала и не пыталась ничего доказывать. Лучше пусть считают, что я намеренно перекрасила волосы, подражая принцессе Софии, чем узнают, что я и есть та самая принцесса...

На самом деле, краска алхимика сработала как надо. Целых два дня я ходила спокойная и уверенная в том, что замела все следы. А потом вдруг проснулась на коричневой от краски подушке с рыжими, как медь, волосами.

Вот почему на самом деле люди не меняют цвет волос...

У дворян, в чьих жилах вместе с кровью течет сезонная магия, краска просто не держится. Седину она способна закрасить, но сохранить цвет, отличный от натурального, — нет.

Простолюдины же обычно перенимают моду от тех, кто известнее и богаче, поэтому тоже не занимаются ничем подобным. Хотя у них бы все держалось, как положено.

А вот я, хоть и занимала тело простой девушки Инны, была все же наследницей Осеннего Двора. Вероятно, во всем виноваты зелья мастера лекаря. Они наладили связь души и тела, и теперь моя

истинная сущность начала проявляться в полной мере. И никакое тело не способно скрыть ее.

Это означало лишь одно — полный крах моей конспирации. Но к счастью, не окончательный. Да, волосы и глаза немного изменились, но в остальном тело сохраняло черты своей прежней хозяйки. За леди Осень меня могут принять только те, кто никогда не видел ее в лицо. И оставалась надежда, что король и его свита будут придерживаться того же мнения, что и семья Глеба — что я просто молодая эксцентричная художница, склонная к экспериментам, в том числе и со внешностью.

«Свою роль я отыграю до конца. Чего бы мне это ни стоило!» — с этими мыслями я выходила из дома и погружалась в карету, а затем выходила из нее же перед зданием театра в самом центре Эльтереса.

Монументальное строение невероятной красоты подсвечивалось множеством разноцветных огней. Играла красивая ненавязчивая музыка, придающая атмосфере еще большую торжественность. Снаружи и внутри уже собралась публика в богатых нарядах, с дорогими украшениями и шикарными прическами.

Я выглядела ничуть не хуже. Вечернее платье, сшитое модисткой, из темно-зеленого бархата было великолепным и действительно подчеркивало лучшие стороны моей внешности. Волосы уложены в сложную прическу — я специально попросила служанку сделать так, чтобы ни единой прядки не свисало свободно. Да, рыжину уже не скрыть, но может, хоть так меньше внимания привлекут.

Все это дополнял изумрудный гарнитур, подаренный мне Катериной. В честь нашей с Глебом свадьбы, как она сказала. Его блеск удивительным образом отвлекал от цвета моих глаз, что было мне лишь на руку.

Короля Леонарда Январского, стоящего в компании жены, наместника Теодора и еще нескольких неизвестных людей, мы заметили сразу. Они расположились в самом центре холла, о чем-то увлеченно беседуя и время от времени отвечая на приветствия проходящих мимо гостей.

Мы тоже не стали исключением, хотя я бы с большим удовольствием по широкой дуге обогнула эту компанию и незаметно смылась куда-нибудь. В уборную, например. Но увы, это было невозможно. Не поприветствовать короля — верх неприличия. Да и не

замеченной я бы в любом случае не осталась — то и дело ловила на себе взгляды окружающих.

Какие-то из них были недоуменными, принадлежащие, вероятно, тем, кто сперва принял меня за леди Осень. Другие выражали крайнюю степень осуждения или даже брезгливости. Эти принадлежали ярым противникам всего, что выбивается из общепринятого. Но, как ни странно, были еще и заинтересованные взгляды. Эти даже меня удивили.

Глаза короля тоже были прикованы ко мне все то время, что мы приближались, кланялись, а потом произносили длинную приветственную речь. Точнее, говорил в основном Артур, как глава семейства и всей нашей компании. А мы просто мило улыбались и кивали в подтверждение его слов о том, какая это большая честь быть представленным его величеству, как это лестно, да и вообще, мы буквально разрываемся от счастья его лицезреть...

Для достоверности я еще и вылупилась на него так восторженно, как только могла. Настоящая я никогда бы так на него не посмотрела. А простушка Инна вполне могла позволить себе беззастенчиво разглядывать такого мужчину, как Леонард. Пусть все думают, что я никогда в жизни короля не видела.

Уж не знаю, насколько правдоподобно я притворялась, но король, заметив мою реакцию, быстро потерял ко мне всякий интерес. Но расслабляться рано. Он не единственный, кого стоит опасаться.

— Вся семья снова в сборе, — заметил Теодор, оглядывая нас. — Да еще и с пополнением! Рад наконец-то с вами познакомиться, Инна. Мой племянник много о вас рассказывал.

Я мысленно отметила, что он не посчитал нужным обращаться ко мне со словом «леди», как к равной себе, кем Инна теперь и являлась, войдя в семью Февральских, а предпочел более фамильярное обращение. Упрекнуть его в несоблюдении этикета я не могла. Формально, он имел на это право, ведь я теперь его родственница. Да и вряд ли кто-то решится делать замечание самому наместнику, особенно в присутствии королевской четы.

Но то пренебрежение, каким сквозила вся его реплика, ясно давало понять, насколько дядя Глеба не доволен выбором его спутницы жизни.

Тем не менее, я сделала вид, что встреча с ним для меня не меньшее счастье, чем встреча с королем. Еле сдержалась, чтобы не ляпнуть что-нибудь язвительное...

— Жаль только, что все наши встречи происходят в столь формальной обстановке, — вставил Леонард. — Если не возражаете, лорд Артур, я бы хотел пригласить вас всех на ужин после спектакля. Частный ужин. Только для своих.

— Благодарю, ваше величество, — поклонившись, ответил Артур. — Мы непременно будем.

Наместник снова с превосходством посмотрел на меня и сказал:

— Ужин будет проходить в моем доме. Там у нас будет достаточно времени, чтобы узнать друг друга получше.

— Жду с нетерпением, — улыбнулась я.

Что ж, я и без этих слов прекрасно поняла, что лучше бы мне туда не соваться — устроят допрос с пристрастием. Но избежать этот ужин не было никакой возможности.

Так оно всегда и происходит в подобных семьях. Все блюдут чистоту крови и избегают связей с «чернью», как они называют простолудинов. По крайней мере, официальных связей...

Как, интересно, при таком несносном брате, Артур умудрился официально взять в жены Катерину?

Пусть я улыбалась во весь рот так, что от напряжения сводило скулы, внутри меня все дрожало от страха перед возможным публичным разоблачением и последующим наказанием. Однако после беседы с наместником весь страх испарился без следа. Теперь меня переполняли решительность и раздражение.

Как же я ненавижу лгать и притворяться! Но иного выхода просто не было. Произошедшее со мной — отличный шанс на новую, свободную жизнь. Именно сейчас я поняла, как сильно не хотела иметь ничего общего со всеми этими придворными снобами, возомнившими себя выше остальных.

Как ни странно, ко мне всегда относились так же пренебрежительно. Пусть я была настоящей леди по происхождению, наследницей всего Осеннего Двора, но в то же время оставалась беззащитным ребенком. Не было никого, кто мог постоять за меня и мою честь. Ни родителей, ни братьев и сестер, ни даже троюродных дяди или тети. Поэтому окружающие безнаказанно позволяли себе

говорить всякое в мой адрес. Открыто мне вредить, конечно, никто не решался — король бы этого не простил, а я все-таки была на его попечении. Но во дворце я все время чувствовала себя одиноко.

Теперь же, вкусив полную искренней любви и внимания жизнь Инны, я поняла, сколь многого была лишена все эти годы. Мне хотелось того же. Найти человека, которому я смогу доверить свое сердце, обрести семью. Просто быть счастливой.

Поэтому я была готова пойти даже на этот злосчастный ужин и с честью пройти испытание наместника, ответить на все его вопросы, даже самые каверзные. Не зря же я за эти недели наслушалась столько подробностей про жизнь Инны. А заодно возможно удастся разговорить Леонарда или его жену на тему похищения принцессы.

Выдохнуть с облегчением я смогла лишь только тогда, когда мы отошли от короля и его компании в сторону, давая дорогу следующим желающим его поприветствовать. Отвернувшись, я неосознанно закатила глаза... и наткнулась взглядом на только что вошедшего в холл Глеба. Тот смотрел прямо на меня и почему-то был зол. Очень зол.

Мне стало не по себе.

За все время моего знакомства с этим мужчиной, нам удалось пообщаться совсем немного, но мне казалось, я успела полностью составить представление о нем. Глеб был чутким, сдержанным, внимательным и необычайно нежным. По крайней мере по отношению к семье. Но таким, как сейчас, я его видела впервые.

Мужчина стремительно приближался, чеканя шаг и прожигая меня гневным взглядом. От него исходила столь сильная аура злости и ненависти, что люди мгновенно расступались перед ним, давая дорогу, а знакомые не решались подойти поздороваться.

Что на него нашло? Неужели Катерина была права, и ему не понравился цвет моих волос? Или он заметил, как я улыбалась другим мужчинам и позволяла им целовать мне руку? А может...

Нет! Точно нет! Даже король и королева ничего не заподозрили, а они, между прочим, знали меня лучше всех присутствующих здесь.

И все же меня снедало нехорошее предчувствие.

— Глеб, дорогой! И ты здесь! — удивленно воскликнула Катерина, когда он подошел. — Какая приятная неожиданность!

— Добрый вечер! — поприветствовал он нас всех, но смотрел при этом только на меня. А я от волнения начала кусать губы и не знала куда деть взгляд. Ой не нравится мне все это... — Мне дали выходной, поэтому сегодня я с вами.

— Ну это же прекрасно! Его величество как раз пригласил нас на ужин после представления. Кстати, иди поприветствуй его!

— Обязательно. Только на ужин мы не пойдем.

— Как не пойдем?! — подала голос возмущенная Дара. — Я ведь уже...

— Я имею в виду меня и Инну, — пояснил Глеб, перебив сестру. — А вы можете идти, куда хотите.

— Ох, точно! Ты же так давно не видел свою жену! — спохватилась Катерина. — Вам же нужно побыть вместе, пока ты вновь не уехал...

— Я уже не уеду. Точнее Инне больше нет смысла оставаться у вас дома. Она возвращается обратно, — заявил он категоричным тоном. — Пришлете потом ее вещи?

— Конечно, не переживай, сынок! Все будет в лучшем виде.

— Благодарю, — коротко кивнул он и отошел поприветствовать короля и его свиту, оставляя меня недоуменно хлопать глазами.

Что это вообще было?!

Явился, раздал указания и ушел. Смотрел только на меня, но вел себя так, будто я пустое место и меня не существует. А остальные не заметили в его поведении ничего странного. Или для них это нормально?

До самого начала спектакля он так и не вернулся. Я видела, как Теодор отозвал его в сторону, и они о чем-то долго беседовали. Судя по выражению их лиц, разговор был серьезным и крайне неприятным, что еще сильнее выводило меня из себя.

Все представление я сидела, как на иголках. Глеб находился рядом, но ни разу даже не прикоснулся ко мне, хотя я ощущала на себе его тяжелый взгляд. Его эмоции давили на меня, и я не понимала, почему другие этого не чувствуют. Мне казалось, своим присутствием он должен портить окружающим настроение, но все были полностью зачарованы действием, развернувшимся на сцене.

Я тоже внимательно смотрела спектакль. По крайней мере, пыталась. Напряжение не позволяло мне даже улыбнуться, когда

смеялся весь зал, а когда все плакали, выражение моего лица оставалось каменным. В результате, я не запомнила ничего из того, что происходило на сцене, и выходила из зала на ватных ногах.

От волнения меня снова начали мучить головокружение и тошнота, и весь антракт я провела в уборной. А после спектакля Глеб, не церемонясь, схватил меня за руку и выволок из театра, на ходу прощаясь с родными, а потом запихнул в карету и увез домой. В тот самый дом, в котором я очнулась в теле Инны месяц назад.

Там было темно и пусто. Нас никто не ждал. Слуг дома не было, и от этого все внутри сжалось от страха. Если меня сейчас начнут убивать, никто не придет на помощь...

Хлопнула дверь. Щелкнул ключ в замке. Путь назад отрезан.

Раздался голос Глеба:

— Кто ты такая и что сделала с моей женой?

Ну вот... Началось...

Я давно для себя решила, что, услышав этот вопрос, не буду юлить и лукавить, а тут же во всем сознаюсь. В некотором роде я даже ждала этого момента, ведь так устала притворяться той, кем не являюсь, тщательно следить за словами, увиливать от вопросов, на которые не знаю ответа, и постоянно что-то недоговаривать.

Однако, вероятно, страх и волнение повлияли на меня не лучшим образом, пробуждая глупое упрямство. Поэтому, задрав подбородок, я ответила:

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

Все еще оставалась надежда на то, что это глупый розыгрыш, простая шутка удивленного внешностью жены мужчины. Но приглядевшись к лицу Глеба, я поняла — он серьезен, как никогда.

— Не понимаешь, значит... — обманчиво спокойным голосом произнес он, надвигаясь на меня.

С трудом подавив желание отшатнуться, я замерла на месте, глядя ему прямо в глаза.

— Если тебе не нравится рыжий цвет, я могу перекраситься обратно. Твоя мама тоже была против, но после той аварии мне захотелось что-то в себе изменить. Прости, что не посоветовалась с тоб...

— Ты меня совсем за идиота держишь?! — рявкнул Глеб, прерывая меня на полуслове и больно впиваясь пальцами в мои плечи.

— Думаешь, я не смогу узнать свою жену?! Ту, что изучил вдоль и поперек, каждое движение, взгляд, вздох и жест? Цвет волос тут не при чем! Ты говоришь не так, делаешь не то, даже мыслишь иначе! Про глаза я вообще молчу. Не понимаю, как другие оказались настолько слепы, что так близко подпустили к себе такую змею, — презрительно выплюнул он. — Я был в галерее, искал тебя. Мне сказали, ты там появилась лишь однажды на десять минут. А сама писала, что едешь туда регулярно. Да что там! У тебя даже почерк не тот! И в шахматы Инна играть не умеет. А ты еще и умудрялась обыгрывать моего отца, опытного шахматиста и стратега, который много лет командовал королевской гвардией. Рыбалка, охота, политика... И ни одной написанной картины! Тайные дела с алхимиками... — он усмехнулся, заметив выражение моего лица. — Мне передали, что недавно ты потратила весьма кругленькую сумму на краску для волос...

Продолжая удерживать меня одной рукой на месте, второй он коснулся моих волос и задумчиво накрутил прядь на палец. А потом пронзительно заглянул в мои глаза:

— Коричневую!

Сердце бешено колотилось о грудную клетку. Я тяжело дышала и мысленно проклинала себя за неосторожность. Стоило Глебу уехать, как я совсем расслабилась. Не думала, что у него будет время следить за каждым моим шагом, пытаться выведать все мои тайны.

Про почерк в письме я даже не подумала. А в шахматы поначалу упорно пыталась проигрывать, но в конце концов азарт настолько захватил меня, что все планы на конспирацию просто забылись. Ездить в галерею я не видела смысла, полагая, что могу писать дома в более приятной обстановке, в компании приятных мне людей, а не тех ядовитых змей, что кишели в галерее. В тот момент я даже не задумывалась о том, что настоящая Инна поступила бы совсем иначе.

А тот стражник в алхимической лавке оказывается заметил гораздо больше, чем я надеялась. После этого наверняка еще и умудрился мастера-алхимика разговорить. Надеюсь, тот не все ему разболтал...

— Где Инна?! — с силой потрянул он меня. — Что ты с ней сделала? Отвечай! Решила таким образом шпионить за мной? Притворившись моей женой? Где она?!

Глеб сжимал меня с такой силой, что ко мне пришла уверенность — на коже обязательно останутся синяки. В его глазах горело пламя ярости, челюсть была напряжена так, что слышался скрип зубов. Кто знает, на что он способен в таком состоянии! И проверять на себе я не желала. Поэтому выдохнула и призналась:

— Не знаю.

Такой ответ мужчине явно не устроил, потому что он вдруг прижал меня к стене и наклонился к моему лицу.

— Где Инна, я спрашиваю! — рыкнул он.

— Я не знаю! — закричала я с истеричной ноткой в голосе.

— Врешь!!! — он дернул меня так, что я ударила головой об стену.

В глазах все закружилось и на миг потемнело. Я схватила его за руки, пытаюсь отцепить от себя, но безуспешно — Глеб был слишком силен для такой хрупкой девушки, как я.

Внезапно я почувствовала в груди какое-то тепло. Приятное, немного щекотное, тягучее, как мед. Не знаю, что это, но оно придало мне уверенности и решительности. Да, я виновата перед Глебом, не спорю. Но не могу позволить себе проявить слабость, попросить о пощаде и просто все объяснить. Он не поймет мою ситуацию, не захочет войти в мое положение и уж точно не согласится на компромисс. Поэтому я пошла в наступление:

— Не знаю, где сейчас душа Инны, но ее тело прямо перед тобой! — словно разъяренная кошка прошипела я, злобно прищутив глаза. — Причинив мне вред, ты навредишь в первую очередь ей! Хочешь, чтобы она вернулась в искалеченное тело?! Как ты ей после этого в глаза посмотришь? Или, может, ты вообще не желаешь ее возвращения?

— Да как ты смеешь!.. — воскликнул он, но все же отпустил меня.

И пока он не успел опомниться, я продолжила:

— К твоему сведению, не я виновата в произошедшем! Поверь, мне тоже не понравилось ни с того, ни с сего вдруг очутиться в чужом теле, да еще и терпеть после этого... побочные эффекты. Лично я твоей Инне ничего не делала. До недавнего времени я даже не знала о ее существовании! Как, собственно, и о твоём.

— С чего я должен тебе верить?! Ты столько времени всех обманывала! Втерлась в доверие к моей семье. И явно неспроста! Чего ты хотела этим добиться? Вызвать наши тайны? Выйти на связь с наместником? Устроить государственный переворот?

Я рассмеялась.

— Ты себя вообще слышал? Государственный переворот! И как я по-твоему должна была его проверить?

На Глеба мои выпады не произвели никакого впечатления. Он продолжал стоять на своем:

— Для начала втереться в доверие к наместнику за ужином. Затем, может, и королю. Кто тебя знает вообще, на что ты еще способна...

— Ну да, конечно! К тому самому наместнику, что смотрел на меня, как на шавку подзаборную, которую проще утопить, чем вышвырнуть вон! Как он, должно быть, счастлив, что еще одна безродная запятнает его чистую голубую кровь!..

Не знаю, что на меня нашло, но я не сразу осознала, что именно сказала. И уж точно не поняла, почему это сделала. Знала только, что хотела сильнее задеть Глеба, ответить чем-то обидным на его нелепые обвинения, а в результате невольно оскорбила двух в высшей степени достойных женщин.

Но мое намерение удалось на славу — Глеб настолько вышел из себя, что, наплевав на все, сомкнул вдруг руки на моей шее и принялся душить.

Мысленно раскаявшись в содеянном, я пыталась его оттолкнуть, но никак не выходило. Паника стремительно подступала, а вместе с ней крепло то неясное чувство в груди.

Странное тепло все нарастало, ширилось, плавилось во мне, буквально выжигая все мысли и чувства без остатка. Краем уха я уловила грохот оконной рамы, распахнувшейся от сильного ветра и ударившейся со всей силы о стену. На пол посыпалось разбитое стекло.

Вихрь холодного ветра окружил нас, всколыхнув мои волосы, которые, казалось, стали еще длиннее и рыжее. Запахло чем-то необычным, но отдаленно знакомым. Чем-то непохожим ни на что, но в то же время таким родным и близким...

Кончики пальцев начало покалывать. На ум тут же пришли услышанные когда-то на уроке слова лорда Ясеня: — «Во время применения магии обычно ощущается легкое покалывание в пальцах рук. Это абсолютно нормально, хотя поначалу может быть довольно неприятно».

Так вот, значит, что это! Магия! Во мне проснулась осенняя магия!

Ликование накрыло меня с той же силой, с какой легкий прелый аромат осени затопил комнату. Я даже не заметила, что Глеб уже давно выпустил меня из рук, отошел на пару шагов назад и потрясенно взирал на меня и произошедшие со мной изменения.

А я увлеченно рассматривала свои руки и улыбалась во весь рот от небывалого счастья. Наконец-то! Долгожданная магия! Она теперь со мной!

Вот только...

Радость вдруг сменилась неподдельным ужасом. Ведь прямо на моих глазах кожа на руках вдруг начала меняться. Приятное покалывание сменилось жжением, да таким сильным, что слезы брызнули из глаз. Кисти рук вдруг посерели и покрылись жуткими морщинами. Кожа ни с того, ни с сего стала очень сухой и тонкой, как бумага.

Я поднесла ладони к лицу и застонала от ужаса. «Это невозможно! Просто невозможно! Мое тело, хоть и чужое, молодо и прекрасно, я не могу иметь такие кошмарные скрюченные, как у старухи, руки!» — пронеслось в голове отчаянные мысли.

А потом я уже ничего не видела — в глазах резко потемнело, ноги подкосились, и я начала падать.

Я очнулась в смутно знакомой комнате. Тусклый свет проникал сквозь неплотно задернутые шторы, возвещая о наступлении утра.

Ощущая сильную слабость, тяжело вздохнула и подняла руку, чтобы откинуть волосы с лица — и замерла. Жуткие костлявые пальцы с потемневшими ногтями и морщинистой кожей промелькнули у меня перед глазами, словно отголосок жуткого кошмара. Но это был не сон. И теперь события прошлого вечера воскресли в моей памяти.

Я обрела магию! Но, правда, ненадолго... Что-то явно пошло не так, и, глядя на обезображенные руки, я даже начала догадываться, что именно.

Вот она — магия осени во всем своем великолепии! Магия увядания и разложения, созревания и иссушения. Говорят, при правильном использовании она способна творить настоящие чудеса: приносить мгновенный урожай, делать почву плодородной, засеивать ее семенами, покрывая все большим количеством растительности — иными словами, приносить богатство. Неудивительно, что в прежние времена Осенний Двор занимался пропитанием всего королевства.

Но я, по всей видимости, использовала ее неправильно. Вот и поплатилась. Видимо, в тот момент именно страх за свою жизнь и сильная злость заставили магию, дремавшую где-то в глубинах моей души, пробудиться. Сконцентрировавшись в кончиках пальцев, она почему-то застряла на месте, не пошла дальше, не смогла найти выход наружу. В результате, Глеб остался цел и невредим, а вот по мне моя же сила ударила вдвойне...

Необходимо во всем разобраться, понять, как это можно исправить. Если конечно тут вообще можно исправить хоть что-то... Что если процесс необратим? А самое страшное — что если то же самое будет с другими конечностями?

И ладно бы руки принадлежали мне, так ведь это по-прежнему тело Инны! Глеб меня точно убьет за это...

Кстати, а где Глеб?

Я перевернулась на другой бок, и обнаружила его там же, где и в первую нашу встречу — за спиной на кровати в той же самой спальне

городского дома молодоженов. И он снова спал! Неужели после всего, что вчера произошло, он позволил мне мирно отдыхать в святой святой его дома, да еще и без круглосуточного надзора?

Я честно старалась не шуметь и осторожно вставать с постели, чтобы не разбудить мужчину, но натужное пыхтение вырывалось само собой. Зато обошлось без старушечьего кряхтения и скрипа суставов — хотя я и чувствовала, что была близка к этому.

Нет, постарели, к счастью, только мои руки, остальные части тела были в норме, что было даже немного странно. Но тем не менее, тело ломило нещадно, да и в целом самочувствие было крайне паршивым. Ощущение было таким, словно меня закидали булыжниками или перемололи в мельнице...

Видимо, шуму я наделала много, а может, Глеб вовсе не спал, потому что вдруг услышала:

— Далеко собралась?

Жесткий, без малейших намеков на мягкость и благосклонность голос Глеба мгновенно напомнил о нашей недавней ссоре. Как же глупо мы оба себя вели! Может, еще не поздно все исправить?

Я обернулась.

— Слушай, Глеб. Прости меня, пожалуйста, за вчерашнее. Я много гадостей наговорила про... — было так стыдно, что я даже не смогла заставить себя произнести имена Катерины и Инны. Но мужчина и так меня понял, поэтому продолжила: — На самом деле я так не считаю. Я давно хотела во всем сознаться, но не решалась. Боялась.

— Чего? — он рывком сел на кровати, не сводя с меня глаз. — Того, что я схвачу тебя за руку, приведу к королю и скажу: «Забирайте вашу дочь?»

— Приемную дочь... — по привычке исправила я.

Но мое замечание осталось без внимания.

— Признаться, я так и собирался вначале поступить, — продолжал Глеб, поднимаясь с кровати и приближаясь ко мне. — Прямо там, в театре. На глазах у всего высшего света Эльтереса. Представь, как публика была бы довольна! Такой скандал! Поводов для сплетен на десять лет вперед хватило бы! Но кроме них там была еще и моя семья. Я не мог с ними так поступить. Да и король вряд ли похвалил бы меня за это представление.

— Как ты понял, что я...

— Леди Осень?

Давно забытое имя заставило меня недовольно скривиться. Увидев это, Глеб усмехнулся.

— Сложно не понять! — он указал на мои взлохмаченные после сна волосы, а потом перевел взгляд на руки, которые я все это время прятала за спиной.

Уверена, он и без того знает, что с ними случилось, но, к счастью, не заставил меня выставить их перед собой и не стал вновь обвинять во всех грехах. Просто тяжело вздохнул и принялся одеваться.

— Приведи себя в порядок и спускайся к завтраку. Там поговорим. Как нормальные цивилизованные люди, — одевшись, он направился к выходу из комнаты и тут вспомнил. — Да, кстати! Слуг я распустил, поэтому тебе придется справляться самой. Принцесса, — с презрением добавил он.

Дверь за ним захлопнулась, и я осталась одна. Он что, думает, я с одеждой сама не справлюсь? Да раз плюнуть!

И в доказательство этого я открыла дверь гардеробной и без труда выбрала себе наряд. К счастью, Инна тоже предпочитала готовые платья, не загроможденные кринолином или трудными для ухода рюшами, бантами и оборками. Наиболее проблемным оказалось подобрать перчатки. Их жена Глеба явно недолгоблывала, так как нашлась всего одна пара. Да и те оказались белыми, шелковыми, длиной до локтя. Наверняка шли в комплекте со свадебным нарядом.

Но делать нечего, пришлось надеть их — не сверкать же мне изуродованными ладошками!

С прической я ничего сложного мудрить не стала — просто расчесала и завязала на затылке. Покончив с остальными приготовлениями, спустилась в столовую, где уже все было накрыто к завтраку. Во главе стола восседал Глеб, пока еще не притронувшийся к еде, и сворачивал газету, за чтением которой, видимо, и ожидал моего появления.

— Я конечно знал, что ты задержишься. Но не думал, что настолько, — проворчал он, протыкая вилкой желток в своей порции яичницы.

— Не так уж я и долго, — пожала плечами. — Чай еще даже остыть не успел.

— Потому что я его уже дважды заваривал заново.

Я с сомнением посмотрела на него. Вряд ли он стал бы так стараться ради меня. А значит, разговор нас ждет очень серьезный. Даже гадать не надо, о чем он будет.

Словно услышав мои мысли, он пояснил:

— Мы с тобой теперь в одной лодке и вынуждены помогать друг другу. Хотя бы по минимуму. Не думала же ты, что я пущу все на самотек? Если ты, леди София, оказалась в теле моей жены, значит Инна сейчас должна быть в твоём теле.

Я кивнула, подтверждая его выводы. К точно таким же пришла я сама еще месяц назад.

— Проблема только в том, что принцессу, то есть твоё тело, то есть... В общем, ее так и не нашли. Никаких следов на месте происшествия. Она скрылась в неизвестном направлении и как таковых зацепок у нас не имеется.

— Совсем ничего? До сих пор?!

Пока я думала, радует меня эта новость или огорчает, в дверь позвонили.

Некоторое время мы с Глебом недоуменно переглядывались, пытаясь понять, кого там принесло в такую рань. И оба ждали, когда же этот неизвестный наконец войдет и объявит, зачем пришел. Но звонок все звонил и звонил, а неожиданный гость все не показывался...

И тут Глеб стукнул себя по лбу:

— А, точно! — и подорвался с места, чтобы лично открыть входную дверь.

Вот и увольняй после этого слуг... Даже не представляю, как мы теперь будем жить. Ладно одеться самой или дверь открыть, но как же уборка и готовка? Неужели мне тоже придется этим заниматься?

В прихожей слышались невнятные голоса, и спустя пару секунд Глеб вернулся в столовую в сопровождении своей сестры. Вот уж кого не ожидали увидеть!

— Доброе утро, Инночка! Принимай подарочки! — радостно пропела Дара, ставя передо мной на стол бумажные пакеты, из которых доносился соблазнительный запах свежей выпечки.

Все проблемы тут же позабылись, а настрой на серьезную беседу улетучился, как дым, и губы сами собой сложились в довольную улыбку.

— М-м-м... Против таких незваных гостей не имею ничего против! — заметила я, опустошая пакеты. — Проходи, присаживайся! Выпей с нами чаю... — тут я запнулась, осознав, что не вижу чайника поблизости и понятия не имею, где его найти.

К счастью, Глеб быстро пришел на помощь — сбегал за новой чашкой и налил сестре чай.

— Спасибо, дорогой братец! — поблагодарила девушка, принимая чашку. На то, что Глеб лично выполнял обязанности прислуги, она не обратила внимания.

— Пожалуйста. Итак, — сложил он руки в замок и испытующим взглядом уставился на сестру. — Какими судьбами?

Девушка ответила ему снисходительным взглядом, показывая, что ее ничуть не заботит его подозрительность, и демонстративно пожала плечами, наводя интригу:

— Я просто решила, что вам будет интересно узнать о том, что произошло вчера на ужине, который вы оба пропустили. Я знаю, что Инночка очень хотела познакомиться с королем и расспросить его о принцессе. Но раз вы вчера были заняты другими, более важными и интересными вещами...

— Ага... обтирали стены в яростных объятиях, пытаюсь вытрясти друг из друга чистосердечное признание, а заодно и душу... — ляпнула я.

Глеб метнул в меня предостерегающий взгляд, не обещающий ничего хорошего за такие шутки. Я жестом показала, что молчу и больше не скажу ни слова.

— Ох, какая страсть! — по-своему поняла мою реплику девушка. — А знаете, я даже хочу теперь создать скульптуру вас двоих, которая бы передавала всю глубину ваших чувств! И ты, Инночка, подсказала мне замечательную идею! Только представьте: два обнаженных тела, сплетенных в танце любви, языки пламени всепоглощающей страсти лижут их кожу...

Я закашлялась от такой интерпретации наших с Глебом отношений, а сам мужчина скривился и поспешил спустить сестру с небес на землю:

— Если ты поставишь такую скульптуру в родительском саду, они тебя точно за это не похвалят.

Дара поджала губы и нехотя согласилась:

— Да, действительно. Матушка увидит в этом какой-то ненормальный подтекст и снова заведет песню о замужестве. А папенька, особо не церемонясь, разобьет мое творение вдребезги, сказав, что я снова позорю их семью, вместо того, чтобы завести собственную и позорить уже ту сколько влезет, если уж без этого жизнь мне не мила...

Девушка так погрустнела, что мне стало ее очень жаль. Она всегда трепетно относилась к своему творчеству и искусству в целом и очень болезненно воспринимала критику или невозможность как-то себя проявить. Ее веселость, отзывчивость и непосредственность всегда казались мне такими вдохновляющими. Но иногда, когда думает, что ее никто не видит, Дара погружается в глубокую меланхоличную задумчивость. В такие моменты она перестает казаться маленькой беспечной девчонкой, быстро увлекающейся всем необычным, и предстает в совсем ином свете — взрослой сознательной девушкой, отчаянно избегающей трудностей и неудач взрослой жизни.

За этот месяц мы и правда очень сблизились и, хотелось бы верить, стали настоящими подругами. Куда более близкими, чем были с Ланой.

Мне захотелось ее поддержать, но я не знала, как. Поэтому просто постаралась отвлечь ее от негативных мыслей, переведя разговор на более, как мне казалось, безопасную тему:

— Так что там с ужином? Тебе хоть понравилось?

Дара тут же оживилась:

— О, ну разумеется! Как мне могло там не понравиться? Это, конечно, не светский раут, а скорее, ужин в семейном кругу, когда все могут позволить себе расслабиться и не думать о том, что нужно сказать, как правильно держать вилку, можно ли смотреть этим людям прямо в глаза и тому подобное.

Ну-ну... помню я эти семейные ужины в присутствии короля... Ни о каком расслаблении там не могло идти и речи. Когда каждое твое слово, каждый жест, каждый взгляд взвешивается и оценивается едва ли не тщательнее, чем на публичных приемах. Ведь в такой располагающей непринужденной обстановке предателей выявить куда проще...

Помню, что на такие вечера король часто звал кого-нибудь из подданных, не входящих в состав его семьи или близких друзей, якобы удостаивая их великой честью и выказывая полное доверие. А сам проверял, как они поведут себя в той или иной ситуации.

В этот раз, возможно, именно я, точнее Инна, должна была оказаться на месте испытуемого. Но благодаря нетерпеливости Глеба, стремившегося вывести меня на чистую воду, к счастью, избежала этого. В таком случае, может, там был кто-то еще, в чьей верности Леонард сомневается?

— То есть, там были только члены семьи? — уточнила я.

— В основном, — кивнула Дара. — Правда, был еще такой интересный мужчина... Такой, знаете... Не сказать, что красавец, по крайней мере, не такой, как лорды Весеннего Двора. Но от него веяло чем-то таким... опасным, я бы даже сказала, хищным... А это безумно притягательно! Кстати, он спрашивал о тебе, Инночка.

Я недоуменно нахмурилась и встретила с настороженным взглядом Глеба. Его такой поворот тоже мало устраивал.

— Точно об Инне? Что именно он спрашивал? — спросил он.

— Ну может, и не совсем об Инне, — вдруг засомневалась девушка. — Он просто спросил, не встречала ли я где-нибудь молодую рыжеволосую девушку. Сказал, что увидел ее однажды на улице, сядущую в экипаж, такую утонченную, хрупкую и элегантную. Хотел подойти, познакомиться, но не успел, и она уехала. Я почему-то сразу вспомнила о тебе, Инночка. Ты же часто ездила в галерею в последнее время и уже перекрасилась тогда...

Мы снова обменялись с Глебом отнюдь не радостными взглядами. Уж он-то точно знает, что загородное поместье Февральских я покидала лишь однажды, когда ездила к алхимику. И ему должно быть доподлинно известно от того стражника, который меня застукал, что я тщательно скрывала волосы под платком.

А значит, речь идет либо о настоящей Инне, находящейся сейчас в моем теле, которая каким-то образом тоже оказалась в Эльтересе, либо о еще одной рыжеволосой девушке, которая живет в этом городе.

Однако последний вариант так маловероятен, что его можно моментально отбросить в сторону. Рыжие волосы настолько редко встречаются, что многие убеждены в том, что леди Осень —

единственная, кто может похвастаться таким цветом. И такое совпадение выглядит слишком подозрительным.

Но есть и еще один вариант — все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Никакую девушку этот мужчина не встречал, но точно знает обо мне и о том, кем я являюсь на самом деле, и просто выводил у Дары мои точные координаты, чтобы... Чтобы что?

— А как, ты говоришь, его зовут? — спросила я. — Ну, того мужчину.

— Я разве не сказала? — удивилась она. — У него такое имя необычное. Как, впрочем, у всех летних дворян. И что самое главное, так точно его характеризует!

— Ну не томи же! — не выдержала я.

— Мне он представился лордом Филином Июньским, наследником Летнего Двора.

Я почувствовала, как все внутри похолодело. Ощущение, будто я чуть было не угодила в ловушку, которая захлопнулась, едва не прищемив мне хвост, натянуло нервы до предела.

Что ж, я сильно ошибалась, когда думала, что смогу обмануть короля своим притворством. И еще сильнее ошиблась, когда посчитала, что он меня ни в чем не заподозрил. Сейчас я была готова в ноги Глебу упасть и благодарить за то, что вчера вечером пошел на поводу у своего гнева и не пустил на этот чертов семейный ужин.

Не знаю, как наместник, но король явно не проверить меня хотел, а разоблачить. Он был уверен в том, кто я такая. Иначе зачем тогда приглашать этого Филина?

О лорде Филине Июньском ходит множество разных слухов. Одни из них правдивые, другие — глупый вымысел. Но что о нем известно точно, так это то, что Леонард всегда обращается к нему, когда нужно кого-то найти или расследовать какое-то происшествие. Кем бы ты ни был, где бы ни скрывался, Филин выследит тебя, достанет хоть из-под земли, но обязательно схватит, как беззащитную мышку в темном лесу, и подаст его величеству на блюде с голубой каемочкой, причем уже в разделанном и сервированном виде...

Уж не знаю, как он это делает, но уверена — даже смена тела мне не поможет спрятаться от него, если он взял след. Да и, как оказалось, чужое тело, чужая жизнь — вовсе не такое надежное прикрытие, как можно подумать.

Судя по тому, как побледнел Глеб, он тоже был наслышан о талантах королевского следопыта. Но мужчина быстро взял себя в руки и принялся расспрашивать сестру о том, не рассказал ли король что-нибудь о пропавшей принцессе.

На нашу беду об этом Даре ничего не удалось выяснить — Леонард тщательно избегал этой темы в разговоре. Да и не его вовсе надо было спрашивать, а нового знакомого следопыта. Но по-видимому, Дара даже не догадывалась об истинном роде деятельности лорда Филина при дворе.

Оставшаяся часть разговора для меня прошла как в тумане. Мысли путались, накатила слабость — то ли от волнения, то ли от магии. А может, от всего сразу. Я ощущала энергию внутри себя, будто снежный шар, который все рос и тяжелел, но был заперт внутри и не мог выйти за пределы моего тела.

Помнится, лорд Ясень учил, что магия, как и физическая энергия, имеет свойство накапливаться. От нее необходимо избавляться. Но для этого вовсе не нужно делать что-то сверхъестественное. Физическая энергия в течение дня выходит сама собой во время движения. Так же и с магией. Она выходит в окружающий мир с дыханием, прикосновениями и ненавязчиво меняет его.

Я часто наблюдала, как после Ланы, прошедшей босиком по ковру моей комнаты, на том оставалась цепочка цветочных следов. Я так завидовала ей в эти моменты... Бывало замечала, как от дыхания Артура во время трапезы все бокалы на столе покрывались легкой изморосью... А слишком близкое нахождение рядом с королем Леонардом может грозить затяжной простудой...

Это естественно для таких, как мы. Эмоции могут еще и усиливать этот эффект. И сейчас, находясь в смятении, я чувствовала, как эта сила растет внутри меня... но почему-то не выходит наружу.

За тяжкими думами не заметила, как ушла Дара, и даже не попрощалась с ней. Просто почувствовала в какой-то момент, что Глеб пытается помочь мне подняться из-за стола и отвести наверх в спальню.

От осознания собственной беспомощности мне стало стыдно. Я чувствовала злость и обиду на себя, на Лану, предавшую меня и поставившую в такое положение, на судьбу, так неудачно сложившуюся... Но вскоре поняла, что совершила еще одну ошибку —

позволила себе утонуть в этих эмоциях. Потому что теперь меня начал мучить страшный зуд на коже рук.

Я сняла перчатки и взглянула на свои руки. Кажется, случилось именно то, чего так боялась — болезнь начала распространяться. Теперь не только кисти рук выглядели постаревшими, но и предплечья. Почти до локтя. Все, что было скрыто перчатками теперь напоминало совершенно незнакомые руки, словно оторванные от чужого тела и пришитые к этому.

Ужасно...

Глеб уложил меня на постель прямо в одежде, укрыл одеялом и наказал не тратить силы понапрасну, а просто отдыхать. Я хотела было возразить, сказать, что не могу лежать без дела, что нужно срочно действовать, искать лекарство. Инну, в конце концов! Но вовремя прикусила язык, заметив с какой болью и ненавистью он смотрел на мои руки.

Не нужно и гадать на что, или точнее на кого, направлено последнее чувство.

Я понимала, что он не простил меня. И никогда не простит, пусть даже и верит, что я ни в чем не виновата. Будь я на его месте, чувствовала бы то же самое.

Но действительно ли в этом нет моей вины? Я присвоила себе чужую жизнь, целый месяц нагло врала всем вокруг. А теперь еще и умолчала об одном важном средстве, которое могло бы прямо сейчас вернуть меня в прежнее тело и спасти Инну от похитителей.

Это было бы благородно с моей стороны просто признаться Глебу в том, на что на самом деле ушли его деньги в алхимической лавке. Или не признаваться вовсе, а молча взять и уколоть себя купленным средством. Но...

Мое настоящее тело похитили. Оно наверняка находится в опасности на данный момент. Хотя, если честно, на счет последнего пункта я уже не уверена. В свете последних событий тело Инны, преследуемое королевским сыщиком, в куда большей опасности, чем мое настоящее. Так может, стоит прекратить мучить всех вокруг и завершить все прямо сейчас?

Приняв решение, я не без труда поднялась с постели и, преодолевая накатывающие волнами тошноту и головокружение,

подошла к повешенному на дверце шкафа платью, в котором была вчера в театре.

Не желая расставаться с драгоценным во всех смыслах флаконом, я заранее пришила кармашки на внутренних сторонах всех своих платьев, в которых и хранила все это время зелье. Это платье не было исключением.

К моему великому удивлению, в платье флакона не оказалось. Надеюсь, что просто невнимательно все осмотрела, я принялась обшаривать каждый дюйм ткани с обеих сторон — мало ли, может, застрял где-нибудь под подкладкой...

За этим занятием меня и застал Глеб, неожиданно вошедший в комнату.

— Не это ищешь? — спросил он, демонстрируя тот самый флакончик.

— Отдай! — воскликнула я, рванув было к нему, но тут же упала на пол, подвернув ногу.

Да что ж я такая немогущая, в конце-то концов!

Всплеснув руками от досады, так и осталась сидеть на полу, наблюдая, как Глеб медленно движется в мою сторону.

Он не стал подавать мне руку и вообще помогать подняться. Присел на корточки рядом со мной и, словно дразнясь, показал и тут же спрятал флакон в кулаке.

— И когда ты собиралась об этом рассказать?

Я упрямо поджала губы, поначалу не собираясь отвечать. Но потом все же выпалила:

— А зачем тебе об этом знать? Я бы все сделала сама! Спокойно вернулась бы в свое тело, а утром ты уже был бы со своей Инной!

— Ушла бы, не прощаясь? — зачем-то вставил он.

Я пожала плечами:

— Я и пришла-то, не приветствуя...

— И то верно! — усмехнулся он.

Станный он какой-то. То орет и кулаками размахивает, то посмеивается и отпускать не желает... Еще говорят, женщины нелогичные... Что вообще у этих мужчин на уме?

— Неужели будешь по мне скучать? — задиристо произнесла я.

— Еще чего! — фыркнул он и тут же сделался серьезным. — Как бы мне не хотелось, чтобы моя жена вернулась скорее, у нас есть более

важные проблемы, которые требуют от тебя задержаться тут еще немного.

Да-да. Именно от этих самых «проблем» под названием «ночная хищная птица» я и хотела бы сбежать поскорее...

Не найдя меня в теле Инны, он бы оставил Февральских в покое и продолжил бы поиски. Конечно, рано или поздно он найдет меня, где бы я не пряталась. Но у меня был бы шанс оттянуть как можно дальше по времени это неприятное знакомство...

Видимо, Глеб что-то увидел в выражении моего лица, потому что вдруг произнес:

— Если ты думаешь, что Филин нас пожалеет, то сильно ошибаешься. Как думаешь, что с нами будет, когда он поймет, что принцесса София все это время была здесь, у меня под носом? А я мало того, что не доложил об этом королю, так еще и дал ей возможность ускользнуть в неизвестном направлении.

Ответ ясен, как божий день: им всем не поздоровится. Всей семье грозит суд. Их смогут обвинить в чем угодно, начиная от сговора с похитителями принцессы и заканчивая заговором против его величества. Ведь вся ситуация сама по себе выглядит так странно и неоднозначно... И вовсе неважно, что обвинения ложные. И даже неважно, если их оправдают. Само разбирательство доставит семейству Февральских, к членам которой я за этот месяц так сильно привязалась, столько хлопот! И повлечет за собой испорченную репутацию при дворе...

— Но если Инна вернется, она сможет рассказать, где была, кто ее похитил и что с ней происходило все это время, — все же возразила я.

— Вы сможете найти меня и вернуть королю. Все будут в выигрыше!

— Не все.

Ну да, Филин допросит Инну — Глеб просто не посмеет ему помешать — а потом найдет принцессу. У него и возможностей больше, и связей. Не то, что у простого стражника Глеба. А сам Глеб окажется не при делах и не удостоится столь желанной похвалы от его величества за великолепную службу...

Я прищурилась:

— А тебе не кажется, что ты слишком многого хочешь? Собрался гнаться за двумя зайцами? Не боишься упустить обоих? — я помахала перед его лицом постаревшей рукой, намекая на то, что молодость тела

его жены стремительно утекает. Да и про местонахождение моего собственного тела он до сих пор ничего не знает.

Глеб угрожающе оскалился.

— Я знаю, как решить эту проблему. От тебя лишь требуется сидеть тут и не высовываться. И ни в коем случае не применять магию!

Весь остаток дня я провела в постели, пока Глеб занимался решением текущих задач. Где и как именно он их решал, я не знаю, но по возвращении принялся поить меня каким-то зельем.

— Что это? — не скрывая подозрения спросила я.

— Отвар, который должен успокоить тебя и твою магию. И я настоятельно рекомендую выпить все до последней капли. Иначе придется носить это, — он указал на два железных браслета, тихо звякнувших в его руке.

От одного их вида меня передернуло...

Случалось, что магия выходила из-под контроля и вредила жизням других людей. Когда какой-нибудь зимний лорд в особенно эмоциональном споре вдруг срывался и промораживал насквозь своего оппонента... Когда какая-нибудь весенняя леди, оказавшись в отчаянии, невольно ускоряла рост окружающих деревьев так, что находящиеся поблизости люди буквально своими телами натыкались на острые ветки, как на пики, или задыхались в крепких объятиях лоз... Когда кто-то из Летнего Двора, впадая в ярость, оборачивался диким зверем и загрызал на смерть всю свою семью...

Или я. Случайно попавшая в чужое тело и иссушившая его...

К сожалению, таких случаев предостаточно. Сезонная магия зачастую приносит не только пользу. Об этом стараются не говорить, но подобные происшествия в последнее время случаются все чаще. Так, не успев оглянуться, сильные мира сего превращаются в презренных преступников.

Их не запирают в тюрьмах, как простолюдинов, не казнят на городских площадях, как отпетых разбойников и пиратов. Их заковывают в простые, ничем не примечательные с виду и совершенно безвредные для всех остальных железяки, которые не только полностью блокируют магию, но и постепенно отравляют организм мага, навсегда лишая его магической силы.

Учитывая то, что большинство дворян занимают важные государственные посты, после блокировки они спокойно

возвращаются к своим прежним жизням, к привычному окружению. И вроде бы ничего не меняется, но на самом деле меняется все.

Они продолжают, как раньше, ходить на работу, но быстро теряют свой авторитет среди коллег и подчиненных. Они посещают балы и светские рауты, но уже не купаются как прежде в восхищении окружающих. Даже друзья и родственники начинают избегать их общества, но не столько потому, что те совершили ужасный поступок, отняв чью-то жизнь, сколько за то, что навсегда утратили магию. Иными словами, сравнялись с чернью...

Ненавижу высший свет! Но все же...

Я не хотела, как преступница, носить на себе железо. И уж точно не хотела лишиться только что обретенной магии. Того, чего была лишена все эти годы.

Только сейчас я наконец-то осознала, почему все так за нее цепляются. Это ведь ни с чем не сравнимое блаженство, когда тебя изнутри до самых краев наполняет сила родственного времени года, когда ощущаешь свою связь с ним, с самой природой и понимаешь, что это настолько же естественно, как само дыхание...

Поэтому я послушно выпила предложенный отвар, не сводя при этом пристального взгляда с мужчины.

Признаться честно, Глебу я не доверяла. Особенно после того, как узнала, что он готов использовать и меня, и свою жену в корыстных целях.

Уверена, его чувства к Инне остались неизменны. Но что-то он ее совсем не бережет... Или это он меня так пытается наказать? Запереть в четырех стенах и изматывать бездельем и скукой? Что ж, довольно действенно. Меня это уже пугает.

— Это и есть твой план? — спросила я. — Напоить меня зельем и спрятать от всего мира?

— Нет. Мой план — найти Инну. С твоей помощью.

Недоуменно подняла брови:

— А что я-то могу сделать?

Глеб бросил взгляд на настенные часы, недовольно цокнул и бросил:

— Позже узнаешь. А пока нам надо торопиться. Мы должны покинуть город до наступления темноты.

Он помог мне подняться, а потом открыл платяной шкаф и принялся выбирать вещи для меня и себя.

— Почему сейчас? Еще ведь даже солнце не село! Не лучше ли будет незаметно исчезнуть под покровом ночи? Чтобы не заметили соседи?

— Не лучше, — отрезал мужчина. — Ты забыла, кто должен явиться по твою душу?

В ответ я скорчила гримасу — и правда забыла. Филин ведь ночная птица. И хотя мы мало о нем знаем, можно предположить, что днем он действует как человек, уважаемый летний лорд, а ночью оборачивается в филина, свою вторую ипостась, в честь которого ему дали имя при рождении, и... отправляется на охоту. Как правило, успешную охоту...

— Вот. Надень, — Глеб протянул мне длинный черный плащ с капюшоном и теплые кожаные перчатки.

Когда я полностью оделась и собралась, мы спустились на первый этаж. В небольшой прихожей у самой двери уже стояли сумки, забитые всевозможными вещами.

— Когда ты успел все это собрать? — удивилась я.

Глеб не ответил. Да и не надо было — и так ясно, что весь сегодняшний день он провел не только в поисках успокаивающего зелья и железных браслетов, но и готовился к отъезду.

Снаружи у ворот нас уже поджидал наемный экипаж. Лакей помог разобраться с багажом, а мы тем временем сели в карету.

Уже внутри, устроившись на сидении напротив Глеба, я выглянула в окно и посмотрела на опустевший дом. С темными окнами он теперь казался безжизненным и неприметным. Ничего особенного, просто один из многих точно таких же домов на этой летней улице...

— А зачем ты уволил всех слуг? — вдруг поинтересовалась я.

Не знаю, почему именно этот вопрос пришел мне в голову. Почему не поинтересоваться о том, куда мы едем, что собираемся делать?

Может, просто вдруг захотелось почувствовать себя нормальной супружеской парой, отправляющейся в приятную поездку. Парой, не обремененной сомнениями, неопределенностью по поводу будущего, не отягощенной странными отношениями на грани ненависти... или

даже за гранью. Парой, не сбегаящей сейчас от преследования опасного человека, не пытающейся найти то, что до сих пор никому найти не удалось...

— Я их не увольнял, — вполне спокойно ответил Глеб, словно тоже ощущал потребность в передышке, в нормальном разговоре. — Мы же должны были отправиться в круиз по Летнему морю. На это время я отпустил слуг в отпуск. Пусть повидают свои семьи.

— Но ведь... медовый месяц уже давно закончился, — заметила с некоторой нерешительностью. Не уверена, что имею право вообще об этом напоминать.

Но Глеб невозмутимо пожал плечами:

— Пусть отдыхают. Мы все равно уезжаем.

— Верно, — выдохнула я, а сама подумала, что его подозрения обо мне действительно зародились довольно давно. И он возможно даже предполагал, что все обернется именно так.

На этом наш «нормальный разговор» иссяк. Карета тронулась с места.

Ехали мы долго, но я этого даже не заметила. За пару часов успели выехать из города, а потом меня сморил сон — очевидно, успокаивающее зелье вышло слишком действенным.

Сон оказался из разряда тех странных видений, приносящих странное чувство дежа вю, что появились с тех пор, как я рассталась со своим телом. Только на этот раз не только на уровне эмоций и смутных воспоминаний, а более детальный.

...густой осенний лес, и я бегу со всех ног без оглядки, петляя между деревьями, перепрыгивая через кочки, с головой ныряя в высокие заросли и прислушиваясь к звукам вокруг. Это выходит так легко и уверенно, словно росла я не в королевском дворце в окружении комфорта и роскоши, а в этом самом лесу или где-то поблизости. Все здесь до боли знакомо: каждый листик, каждая травинка, каждый камушек. И звуки, издаваемые лесом, созвучны моим шагам, моему дыханию, биению моего сердца.

Но есть и еще один звук, выбивающийся из всеобщей гармонии. Шорох тяжелых крыльев позади, шепот, зовущий меня по имени. Услышав его, я ускоряюсь, пытаюсь увеличить расстояние между мной и преследователем. Но не выходит. Я уже вижу чью-то тень,

накрывающую меня, ощущаю затылком чье-то теплое дыхание, чувствую чье-то касание на своем плече...

Где-то на краю сознания появляется мысль, что за мной гонится вовсе не птица. Но и сама я не человек, а мое имя не совсем мое... Но самое странное даже не это. Я не чувствую страха — напротив, мне весело, я смеюсь в голос, но вместо смеха слышу лишь шелест листьев и журчание реки.

Азарт и предвкушение встречи борются внутри. Часть меня хочет остановиться, сдаться на волю преследователя. Другая заставляет отбросить все сомнения и двигаться только вперед.

И вот я собираю все силы, делаю рывок... моя нога цепляется за торчащий из земли корень... Последнее, что чувствую — искреннее изумление собственной неловкости и ощущение падения...

Проснулась, как ни странно, не от удара, а от странного грохота. Весь сон тут же как рукой сняло. Даже обдумать увиденное хорошенько не успела.

Как оказалось, это были звуки оркестра. Выглянув в окно, заметила, что мы стоим на месте посреди дороги, и нас неспешно огибает шумная людская толпа.

— Что происходит? — обратилась к Глебу.

— Сегодня ночь Первоцвета, — хмуро ответил он.

— И что? — не поняла я. Спросонья до меня медленно доходило.

— Мы въехали на территорию Весеннего Двора, а здесь это важнейший праздник.

Что ж, это верно. Ночь Первоцвета — традиционный праздник весны, любви и плодородия. В других Дворах его почти не празднуют, — разве что семейные пары, желающие завести ребенка, на это время часто берут отпуск с работы, чтобы провести время наедине. А здесь он считается одним из первостепенных и основополагающих. И сейчас, вновь выглядывая в окно, я замечала множество обнимающихся и целующихся парочек, безоглядно отдающихся своим чувствам и совершенно не стесняющихся чужого внимания. Благо хоть до откровенного распутства дело не доходило... Хотя еще не вечер...

— Судя по всему, нам придется пойти пешком. Карета здесь не проедет, — заключил Глеб, беспокойно оглядываясь по сторонам.

— А если в объезд?

— Поздно. Мы застряли. Все дороги забиты. К тому же, чем дальше будем продвигаться вглубь Весеннего Двора, тем большее столпотворение нам будет встречаться. Придется переждать хотя бы пару дней. Надеюсь, гостиницы еще не все заняты...

— Может, это и к лучшему, — вздохнула я. — Думаю, в толпе Филину будет сложнее нас найти.

Судя по выражению лица Глеба, он явно в этом сомневался. Но иных вариантов в данной ситуации не было. Поэтому, покинув карету и отдав последние распоряжения кучеру, мы не без некоторой опаски влились в толпу и невольно стали частью праздничного шествия.

Я многое слышала об этом празднике. Холодные и чопорные аристократы Зимнего Двора отзывались о нем как об официально разрешенном торжестве похоти и разврата. Летний Двор относился к нему довольно философски, мол, каждый развлекается, как может, не стоит судить их слишком строго. Сами же представители Весеннего Двора умудрялись приписывать данным гуляниям определенную долю романтики, как собственно и всему, что они делают:

«Ах, я изменил своей жене с ее родной сестрой! И хоть они близнецы, но на самом деле совершенно разные! Такой чувственной и нежной женщины я в жизни не встречал. Ее соблазнительный образ навсегда в моем сердце, ведь любовь — это так прекрасно! И неважно, что уже завтра я вполне неплохо развлекусь с их общей кузиной. Она ведь столь восхитительна...»

Или:

«Ох, в пылу страсти я разболтала иностранному шпиону все государственные тайны! Но это было какое-то наваждение! Чувствам, вспыхнувшим между нами, было невозможно противиться! Они разжигают кровь, перехватывают дыхание, развязывают язык... Они выше нашей воли...»

Все это, конечно, утрировано, но во дворце и не о таких историях шептались. К счастью, не все дети Весны настолько беспечны, что готовы идти на поводу у своих желаний и сиюминутных порывов страсти, пренебрегая своими обязанностями и семейными ценностями. Иначе от нашего великого королевства уже бы давно ничего не осталось.

Лишь одну ночь в году Весенний Двор позволяет своим жителям окунуться в котел бурлящих чувств, отдаться эмоциям, воплотить в

жизнь самые сокровенные фантазии и просто насладиться свободой. И сейчас, продвигаясь вместе со всеми вглубь праздничного города, я могла видеть, насколько на самом деле богата их фантазия.

Буквально каждый уголок улицы был украшен цветами. За ними почти не видно было стен зданий. Музыка звучала со всех сторон и, смешиваясь, превращалась в какофонию. Танцовщицы в легких полупрозрачных нарядах, не скрывающих почти ничего на своих телах, плавно кружились на расположенных вдоль улиц платформах. Другие девушки разгуливали прямо в толпе и одаривали понравившихся им мужчин цветочными венками. Их раскованные движения так и притягивали взгляд, заставляя щеки отчаянно краснеть, а сердце учащенно биться.

В попытке отвлечься, решила расспросить Глеба:

— А ты разве не знал, что здесь будет такое? Зачем было выбирать это направление?

— Потому, что следы принцессы ведут именно сюда, — ответил он. На девушек вокруг не смотрел — упрямо прокладывал путь сквозь толпу. Я старалась не отставать ни на шаг. — Судя по показаниям лорда Ясеня, в ту ночь они успели пересечь границу Весеннего Двора, но в лесу на них напали и разлучили друг с другом. Принцессу увезли на Озера, это совершенно точно. Вот только там след и обрывается. Город большой, затеряться проще простого. Я даже подозреваю, что Озера она так и не покидала. Скорее всего ее до сих пор прячут где-то там. И теперь, когда я узнал правду о ней... и тебе... у меня созрел план.

— Какой?

— Ты выманишь ее похитителей, — огорошил Глеб.

— Что?! — я застыла столбом посреди улицы, но тут же спохватилась и продолжила движение, боясь потеряться в потоке людей. — Как ты себе это представляешь?!

На мои возмущенные крики обратили внимание окружающие.

— Милая девушка не в настроении? Не желаете потанцевать? Или выпить? Сразу станет веселее! — предложил мне какой-то мужчина.

— А может, сразу уединиться? Чего время тянуть? — добавил другой.

Глеб грубо схватил меня за руку, показывая, что никуда я с ними не пойду, и прогнал их прочь. А мне заявил:

— Подробности потом. Найдем место поспокойнее, там и поговорим.

И правда, здесь было слишком шумно, людно и суетливо. Много посторонних ушей и языков, стремящихся влезть не в свое дело. Но эти недомолвки и откладывания на потом уже начинали порядком раздражать. Что за недоверие? Я ведь уже признала свою вину, раскаялась и согласилась помогать!

Хотелось узнать подробности. Как выяснилось, что мое тело с Инной сейчас именно в Озерах, самом крупном весеннем городе? Зачем король приказал действовать скрытно? Почему бы не призвать на помощь общественность, а не вести себя так, будто ничего страшного не произошло? И почему за целый месяц поисков дело так и не продвинулось вперед?

Вопросы рождали сомнения, а сомнения — абсолютно нерациональную злость, от которой вновь начала пробуждаться магия. Видно, действие зелья длится недолго. А мельтешащие вокруг люди и достающие бессмысленными вопросами ничуть не упрощали ситуацию.

Знакомое тепло в груди стало разрастаться, а голова — отчаянно кружиться. Так, надо срочно успокоиться, а то мне что-то снова нехорошо... Не хватало еще прямо тут в обморок грохнуться... или выпить все оставшиеся соки из этого тела...

— С вами все в порядке? Я помогу, — поинтересовался очередной незнакомый голос за спиной.

Вот только этот уже вызывал не брезгливость, а совсем другие чувства.

Притягательный, бархатный, прямо-таки ласкающий мой слух в этой адской смеси раздражающих звуков. Такой желанный, как глоток холодной воды в жаркой пустыне. Не терпелось увидеть обладателя этого голоса, и я обернулась...

ОН! Это он! Тот самый мужчина со свадьбы! Его глаза я узнаю из тысячи! Нет, из миллиона! Серо-зеленые, как у многих, казалось бы, но на самом деле особенные... Совершенно неповторимые и такие родные...

— Вы!.. — выдохнула я.

Не зная, чего в моем голосе было больше, радости или удивления, а может даже облегчения, но это мгновенно привлекло внимание

Глеба, успевшего уйти чуть вперед. Он тоже обернулся посмотреть, кто это тут решил мне помочь, и обомлел.

— Вы?! — в его голосе слышался шок вперемешку со страхом или даже каким-то ужасом.

Незнакомец рассмеялся:

— Я, — подтвердил он, не отрывая от меня взгляда. — А вы шустрые! Далеко успели уйти. Должен признать, пришлось изрядно попотеть, чтобы вас найти.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы понять — этот мужчина и есть Филин. Тот самый!

Только не это!

Не успела я ничего ответить, как тьма накрыла меня с головой, унося на самое дно. Последнее, что почувствовала — как теплые руки подхватили меня, ограждая от окружающего мира, а потом пустота... и долгожданная тишина.

— Я сказал, нет! По какому праву вы вообще вмешиваетесь?!

— Это вы, по-моему, слишком много на себя берете!

— Я ее муж!

— Ее ли? — насмешливое.

Пауза. Затем упрямое:

— Это не важно! Магия убьет то, что осталось от моей жены. Неужели не понятно? Сами же видите, что с ней происходит! Теряет сознание на каждом шагу, от бывшей красоты не осталось и следа...

— А вам только красота в ней важна?

— В ней? — горький смешок. — В ней мне вообще ничего не важно. Я лишь хочу, чтобы моей жене потом было куда вернуться!

Сразу стало как-то больно и ужасно обидно. Не то чтобы я дорожила мнением Глеба, но просто... неприятно вдруг осознать, что никому не нужен, что твоя судьба не имеет значения, что своим существованием лишь мешаешь окружающим...

Понятное дело, ему хотелось бы видеть на моем месте Инну. Я бы может тоже предпочла сейчас находиться на своем месте, а не терпеть эти жуткие неудобства. Но кого это волнует? А то, что я ни в чем не виновата, что я — такая же жертва обстоятельств, как и он сам... Это не важно...

Вот уже полчаса я лежу здесь, на жесткой кровати, в тесном гостиничном номере — единственном, какой удалось найти в этот насыщенный день — слушаю эту бессмысленную ругань двух совершенно посторонних для меня мужчин и жду их решения, просто потому, что ничего иного мне не остается. Они конечно вышли в другую комнату, чтобы не мешать мне своими криками, но с тем же успехом могли спокойно устроиться в моей постели и укрыться тем же одеялом...

Будь я на это способна, давно сбежала бы от них через окно под шумок. Уверена, они не скоро бы заметили пропажу. А некоторые, может, даже и обрадовались бы такому исходу. Вот только сил не было совершенно. Даже веки и те разлепить удавалось с трудом. Только горячие слезы жгли кожу, стекая по щекам на подушку...

— И это вы говорите о принцессе, — холодно, почти враждебно напомнил голос.

Вряд ли ему удалось пристыдить Глеба хоть немного, но ответное молчание говорило о том, что впредь тот постарается быть осторожнее в своих высказываниях. Никто ему не запрещает меня ненавидеть. Просто не стоит заявлять об этом в открытую верному слуге королевской семьи.

— В таком случае, вы тем более не должны возражать против моего метода, лорд Февральский.

— Да делайте что хотите! — раздраженно бросил Глеб и, судя по звукам удаляющихся шагов, покинул номер, громко хлопнув дверью.

На некоторое время воцарилась тишина. А потом я ощутила на своей щеке чьи-то пальцы, бережно стирающие мои слезы.

— Не стоит так переживать из-за него. Ему сейчас тоже нелегко. На эмоциях можно и не такого наговорить.

Я это понимаю. Вот только б если осознание приносило душевное облегчение...

Хотела вслух ответить ему, но горло так пересохло, что я закашлялась.

Мужчина подал мне воды и поддержал, помогая выпить. Его неожиданная забота так удивила, что я, словно допуская, что мои глаза обманывают меня, и передо мной совершенно другой человек, зачем-то уточнила:

— Филин?

Уголки его губ едва заметно дрогнули, словно он хотел улыбнуться, но потом передумал.

— Филипп мне больше по душе, если не возражаешь. И давай на «ты»?

Я пожала плечами. На «ты», так на «ты». А то, что имя родное ему, по всей видимости, не очень-то нравится... Ну, тут у каждого свои причуды. Меня так даже больше устраивает. А то упоминание хищных птиц при общении с человеком, который может оборачиваться этой самой птицей, не очень-то способствует сближению.

Боже, о каком сближении вообще речь? Да еще и с королевским-то сыщиком, выполняющим поручения Леонарда, жаждущего меня схватить и наказать за побег. Похоже, магия не только мои жизненные силы выпила, но еще и мозгами успела полакомиться...

— Вы вернете меня королю? — спросила я с надеждой на отрицательный ответ.

Филипп молча смотрел на меня, будто пытаясь что-то разглядеть в моих глазах и чертах лица. Ожидание затянулась. Я уже было решила, что ответа не дожусь, что сбежавшая принцесса, которая ведет себя, как упрямый ребенок, просто недостойна откровенности такого уважаемого и ответственного человека, но тут услышала:

— Как бы я в дальнейшем не поступил, знай — я никогда не причиню тебе вреда и не позволю никому другому это сделать.

Это... неожиданный ответ... И самое главное, очень хотелось ему верить. Даже сомнений не возникло в том, что все будет так, как он сказал, что он действительно не даст меня в обиду.

Но на мой вопрос Филипп так и не ответил. Вместо этого сказал:

— А сейчас закрывай глаза и спи. Тебе надо отдыхать, набираться сил.

Мои глаза — будто бы все это время только и ждали его команды — стали закрываться. Прежде чем уснула, почувствовала мягкое прикосновение чужой руки к своей.

«Нет! — хотелось мне одернуть руку и спрятать ее от чужих глаз. — Не надо на нее смотреть. Она ведь так уродлива...» Но все это пронеслось лишь в мыслях, а на деле я даже шевельнуться не смогла.

Ощущение чужого присутствия ни капли не раздражало, а напротив, успокаивало, дарило чувство защищенности и надежности. Потому не удивительно, что приснилось мне нечто невероятно чудесное и замечательное.

Сон был наполнен легкостью и счастьем, нежностью и любовью. Казалось, я наконец-то нашла то, что так долго искала...

...Сентябрь. Ясное солнце ласкает мою кожу своими теплыми лучами сквозь пока еще зеленые листья на деревьях. Я сижу на увядающей травке на пике невысокого холма, утопая в объятиях самого родного на свете человека, и лениво наблюдаю за протекающей под нами деятельностью.

Мы находились на границе яблоневого сада. Наши фрукты всегда славилась своими спелостью и вкусом. Десятки ребятишек весело лазили по деревьям, помогая своим родителям собирать урожай. Их веселый смех проносился по всем близлежащим окрестностям.

А прямо за нами, за холмом, начинались виноградные сады, где также кипела работа. Из собранного урожая затем будут изготавливаться лучшие вина, столь востребованные во всем королевстве, а потому и самые дорогие...

Да, нет края богаче нашего! Нет края прекраснее...

— Вот, значит, как оно когда-то было, — со вздохом сказала я и доверчиво положила голову на плечо своего мужа...

Да, точно! Мужа! Кем еще может быть этот мужчина, с такой любовью обнимающий меня, нежно целующий мою шею, шепчущий на ухо приятные слова...

Я повернулась, чтобы посмотреть на него — так хотелось увидеть его глаза!.. Но никого не обнаружила... Все это время я находилась здесь одна. Вместо глаз мужа на меня смотрели тускло-зеленые листья, вместо его голоса слышался шепот прохладного ветра, вместо его губ меня целовало низко светящее солнце, а обнимал меня... Сентябрь...

Проснулась с ощущением тоски, но глубоко в душе тлела странная надежда на то, что рано или поздно все наладится, все обязательно будет хорошо. Как прежде или даже лучше.

Комната была пуста. Филиппа рядом не было. Хотя что это я? Неужели и правда надеялась, что он останется со мной на всю ночь? Наивная...

Светило утреннее солнце, а значит, все веселье ночи Первоцвета прошло мимо меня. Что ж, не больно-то хотелось!

Я поднялась с постели, потянулась и вдруг заметила: что-то явно изменилось. Понадобилось несколько минут, чтобы понять — я больше не чувствую себя разбитой и уставшей, мое тело полно сил и энергии, а руки... Руки снова молодые и красивые!

Даже не верится! И это всего за одну ночь? Но разве такое вообще возможно?

Стремясь поскорее узнать подробности своего чудесного исцеления, я выбежала из комнаты и натолкнулась на мрачного Глеба, размеренно потягивающего горячий чай за круглым столиком в гостиной.

— А, проснулась? Надо же! Я думал, больше времени потребуется... — ворчливо заметил он.

— Потребуется на что? И где Филипп? То есть...

— Я понял, о ком ты, — перебил меня Глеб и почему-то недовольно поморщился, словно не одобрял и малейшего намека на наше сближение. — Отсыпается. Где ж ему еще быть. После того, как столько энергии в тебя влил, я еще удивлюсь, если к ужину встанет.

— Что значит влил? О чем ты?

Глеб посмотрел на меня, как на недалекую.

— То и значит. Думаешь, если бы не его помощь, ты бы была сейчас такой бодрой и здоровой?

Филипп поделился своей энергией? Но как? Для этого же нужна похожая магия, в идеале полностью совместимая. Но это явно не про нас. У него летняя магия оборота, у меня осенняя магия увядания — совершенно ничего общего.

Однако в данный момент мое настроение было слишком прекрасным, чтобы раздумывать над такими странными вещами и искать, кто из мужчин врет и с какой целью.

— Так это же прекрасно! — просто заявила я. — Мы должны быть ему благодарны! Разве нет? Не понимаю, чем ты не доволен?

— Тем, что теперь мы вынуждены терять время, ожидая, когда он проснется! Время, которое мы могли бы потратить на поиски Инны...

— Неправда! — послышался голос Филиппа за моей спиной. — Ты не из-за этого переживаешь.

Я обернулась и увидела вполне бодрого и полного сил королевского следопыта. И не похоже, чтобы ночное вливание энергии хоть сколько-нибудь утомило его. Без своего темного камзола он выглядел еще более высоким и мощным. Тонкая ткань рубашки четко обрисовывала мышцы его рук, скрещенных на груди. Уверена, силы в них немерено...

Он приветливо улыбнулся мне, отчего сердце вдруг радостно запело, а потом перевел взгляд на Глеба и насмешливо произнес:

— Он просто решил, что я покушаюсь на твою честь.

— Что?! — опешила я.

— Ты залез к ней в кровать! — воскликнул Глеб, подскочив со стула.

— Это было нужно для передачи энергии, — спокойно объяснил Филипп, видимо, повторяя эту фразу уже не в первый раз.

— Ты должен был спросить у меня разрешения!

— С чего бы это?

— Я ее муж!

Филипп по-птичьи склонил голову набок и с неподдельным интересом взглянул на собеседника.

— Да ну! Ты уже определись, муж, чей ты на самом деле муж!

Глаза Глеба загорелись уже знакомым злобным блеском. Было заметно, что еще немного, и он нападет на королевского посланника с кулаками. А конфликты нам совершенно не нужны.

Поэтому, пока мужчины еще были способны себя контролировать, я быстро вклинилась между ними и миролюбивым тоном произнесла:

— Господа! Может, присядем за стол и спокойно все обсудим? Я вот, например, не отказалась бы от завтрака.

Удивительно, но меня услышали, и вроде бы даже немного успокоились. Глеб молчаливо расставил и наполнил кружки горячим ароматным чаем, а Филипп перенес с подноса, принесенного служанкой, тарелки с едой.

Некоторое время мы в полной тишине поглощали пищу, периодически бросая друг на друга хмурые взгляды. И вскоре я осознала — каким бы прекрасным изначально ни было мое настроение, недостаток информации и напряжение, возникшее между моими спутниками, не позволят насладиться им в полной мере.

Мысли вернулись к только что услышанному. Глеб сказал, Филипп спал со мной в одной кровати? Это ведь... должно вызывать возмущение, как минимум. Я, замужняя (или не совсем?) леди, провожу ночь наедине с посторонним человеком, в то время, как мой муж (или не совсем?) спокойно спит за стеной!..

Или, если смотреть на это с другой стороны, все еще ужаснее — я, уважаемая (или не совсем?) леди, принцесса, в конце концов, могла быть скомпрометирована, стань известие о прошедшей ночи достоянием общественности... О, боже!

Не то, чтобы я переживала за свою репутацию — она меня мало заботила. О любом человеке можно выдумать любую ложь, да притом сделать это так искусно, что тот потом до конца жизни не отмоется. «Репутация — вещь хрупкая, а общественное мнение податливо, как глина...» — часто говорил король Леонард.

Тем более, за последние недели я и так уже натворила всякого, чего обществу обо мне точно знать не следует. Куда уж дальше-то

переживать!

Другое дело, что я очень хорошо себя знаю и уверена, что никогда бы не позволила чужому малознакомому мужчине перешагнуть границы, намеренно остаться с ним наедине, лишившись поддержки того, кто обязан меня защищать...

Но ведь именно это я и сделала! И вот что странно — вопреки здравому смыслу в данной ситуации я была абсолютна спокойна. Даже если Филипп без моего согласия воздействовал на меня какими-то чарами, меня это не волновало. Точнее, приятно волновала его близость, присутствие рядом со мной и ночью, и сейчас... Мне казалось это естественным, правильным и, возможно, даже хотелось большего, продлить это ощущение...

Наверное, на меня так повлиял тот странный сон. Да, определенно так и есть! В нем меня преследовали те же чувства.

А вот с лордом Июньским стоит быть осторожнее и ни в коем случае не расслабляться. Все-таки нельзя забывать, кем он является, на кого работает и чьи приказы исполняет. Вдруг он и сейчас поддерживает связь с его величеством, собирает на меня компромат, докладывает ему обо всех моих промахах, держит в курсе происходящего? Чтобы потом, когда я вернусь ко двору уже в собственном облике, тот мог держать меня в ежовых рукавицах и контролировать каждый мой шаг, что по причине моего упрямства ему прежде удавалось не всегда...

Не успела я хорошенько обдумать эту мысль, как Филипп, решивший, видимо, все расставить по своим местам и прояснить ситуацию, в которой мы все оказались, заговорил:

— А теперь послушайте меня внимательно. Во-первых, все, что я делаю, необходимо для дела. Можете сомневаться в необходимости этих действий или моих истинных намерениях, но ни в коем случае не смейте препятствовать мне!

Звучал он грозно, как, собственно, и выглядел. Смотрел при этом только на Глеба. И из-за того, что изначально взял официальный тон, сложно было понять, обращается он только к нему или меня тоже касаются эти замечания.

На всякий случай я решила внимать и помалкивать, ибо мало ли...
Дождавшись покорного кивка Глеба, лорд Июньский продолжил:

— Во-вторых, что касается самого дела. Во все подробности плана вдаваться не буду. Вам следует знать только одно: прежде всего необходимо добраться до леди Инны и провести обратный ритуал обмена телами. Надеюсь, зелье при вас?

— Да, вот оно, — Глеб достал синий флакончик из внутреннего кармана куртки и собирался сначала поставить его перед всеми на стол, но тут же спрятал обратно, видимо опасаясь расстаться с единственной важной вещью, оставляющий ему хоть какой-то контроль над ситуацией.

Жаль, мне было бы спокойнее, будь он у меня. Думаю, лорд Филин, как очевидный лидер нашей группы, также не отказался бы присвоить себе все козыри. Но к моему удивлению, тот просто кивнул и не стал требовать отдать зелье.

— Задерживаться в этом городе мы больше не можем. Как и ждать окончания праздника. Нужно торопиться. Той энергии, что я передал принцессе Софии должно хватить на первое время. Но она не задержится надолго. Тело чужое, несовместимое с душой и магией, похоже на сито — жизненная энергия стремительно вытекает из него. Проснувшаяся магия, неспособная правильным образом циркулировать по каналам организма, отравляет его и ускоряет процесс потери жизненных сил... Сами видели, к какому результату это приводит.

О да... Лучше бы не видели...

Что ж, некоторые моменты теперь прояснились, но меня по-прежнему продолжал мучить один вопрос.

— Простите, лорд Филин, — обратилась я так же официально. — Позволено ли мне узнать подробности этой... передачи энергии?

Глеб тихо хмыкнул, по-видимому, знакомый с этим процессом. Но насколько хорошо он с ним знаком, по его реакции понять было сложно.

А лорд Июньский объяснил:

— Я разделил с вами сон, леди София. Буквально. Эта практика довольно распространена среди моего рода и очень удобна, для поддержки тех из нас, кто от истощения не может обернуться обратно из животного облика в человеческий.

Так значит, именно его присутствие я ощущала во сне? Тогда все еще более странно... Почему я приняла его за некоего

несуществующего мужа? И почему мне было так приятно с ним?

Несмотря ни на что, мне такое объяснение показалось вполне логичным. В отличие от Глеба.

— Насколько мне известно, — заметил он, — это касается прежде всего магической энергии, а не жизненной. Вы забрали у Софи излишки ее магии. Осенней магии. Которая должна была вам навредить, так как вы — летний лорд. И этот факт вызывает некоторые подозрения.

— Интересно, какие? — усмехнулся Филипп. — Небось считаете меня самозванцем из Осеннего Двора?

— Нет, что вы. В вашей личности я уверен. А вот в ваших корнях... — с намеком протянул Глеб.

— Держите свои умозаключения при себе! За свои корни вы также вряд ли сможете поручиться...

И оба вроде бы ничего такого не сказали, но заставили меня задуматься вот о чем. Правящая верхушка Дворов живет, как правило, обособленно друг от друга и нечасто сочетается браками между собой. Виновата в этом прежде всего конфликтная магия и непредсказуемый результат — какой магией будут обладать дети?

От этого будет зависеть очень многое: чью фамилию будет носить ребенок, где жить, кем работать... Наследникам Лета тяжело живется в Зимнем Дворе, так же, как наследникам Зимы, проблематично жить в Летнем. Зато с весенней магией и летняя, и зимняя ладят вполне неплохо, о чем лишний раз подтверждает брак между родителями Глеба.

Самый лучший способ, позволяющий в таких ситуациях не расставаться членам образовавшейся семьи, — переехать в Эльтерес. Но даже тогда им приходится идти на компромисс и выбирать, в какой части города жить. К тому же, не все могут себе это позволить.

А еще бывают такие ситуации, как у меня. Когда магия заблокирована или отказывается проявляться. И вот тут... есть над чем подумать.

Почему она была заблокирована? Мне всегда говорили, что мое время еще не пришло, и нужно немного подождать — рано или поздно магия обязательно проявит себя. Все верили в это, ведь не зря же со мной занимался сам лорд Ясень Мартовский!

Но что, если он, прекрасно зная о нашем с ним будущем браке, вовсе не желал пробуждения моей магии? И все это время каким-то образом блокировал ее? Ведь осенняя и весенняя магия тоже конфликтуют друг с другом.

Это также проявляется и в характерах. Дети Весны, как их часто называют, как правило, очень эмоциональны и общительны, в то время, как детей Осени, наоборот, принято считать слишком сдержанными и замкнутыми. Долгое время их вообще считали чуть ли не отшельниками.

Но я об этом прежде не задумывалась просто потому, что не видела подобных примеров. Ведь детей Осени больше не существует, как и самого Двора...

Мысли мои унеслись так далеко, что я не заметила, как пропустила часть разговора.

— ...нужно торопиться, поэтому придется пробираться сквозь толпу, — говорил тем временем Филипп. — Главное, держитесь поближе ко мне. Я знаю кратчайший путь до Озер.

— Так значит, она все-таки в Озерах, — выдохнул Глеб.

— Да.

— И что дальше? Как мы будем ее искать? — начал допытываться муж Инны, внезапно воодушевившийся новостью. — Как разберемся с похитителями? Нужно продумать план от и до! Нельзя нестись туда сломя голову... — тут он посмотрел на меня. — Куда денем Софи? Ей не следует идти с нами. Это может быть опасно...

Я удивленно подняла брови. Да ладно! Не он ли еще вчера предлагал мне лично выманить преступников? Откуда вдруг такая заботливость?

Ах, да! Ну конечно! Вдруг с этим телом что-нибудь случится... Испорчу еще в пылу схватки...

— В этом нет необходимости, — заверил Филипп. — Нам не придется ее искать. Так же, как и опасаться похитителей.

— Почему? — в один голос спросили мы с Глебом.

Королевский следопыт молча перевел взгляд с одного на другого, словно раздумывая, стоит ли нам рассказывать. И наконец решился.

— Потому, что это именно я отвез ее туда.

На второй день праздника Первоцвета улицы были заполнены людьми ненамного меньше, чем в первый. Правда теперь мы даже не стали пытаться воспользоваться транспортом. Как сказал Филипп, иногда пешком добраться до цели получается гораздо быстрее.

Так оно и оказалось. Благодаря тому, что наша гостиница находилась близко к окраине города, его пределы мы покинули довольно скоро и оказались в живописном весеннем лесу.

Все цвело и пахло, щебетали птицы и бегали мелкие звери. За распустившимися на деревьях и кустарниках соцветиями почти не видно было редких и маленьких зеленых листочков.

Да, с красотой этого места поспорить сложно! Вот только она вовсе не вязалась со всеобщим взволнованным настроением. Все находились в нетерпении от скорой встречи с Инной. В том числе и я. Еще немного, и мы проведем ритуал, и тогда я снова окажусь в родном теле, только теперь уже с пробужденной магией... По крайней мере, хотелось бы верить, что она так же легко пробудится и в другом теле.

Долгое время мы двигались в абсолютном молчании, так как очень спешили, а разговаривать на ходу довольно тяжело. Но в лесу пришлось сбавить шаг, а потому Глеб наконец смог задать Филиппу интересующие его вопросы. Меня они, кстати, волновали не меньше.

— Так как ты, говоришь, так вышло, что именно ты связан с нахождением моей жены в Озерах? — с намеком спросил он. Уж не подозревает ли он Филиппа в похищении принцессы? Или в чем-то еще более преступном?

Судя по ироничной улыбке, Филипп тоже обратил внимание на тон спутника.

— Я и не говорил, — невозмутимо отозвался он. — Я лишь сказал, что лично отвез ее туда, потому что ей необходимо было укрытие. Вот и все.

Глебу явно не понравилось, что королевский следопыт тянет с ответами. Зная о бесконечных перепадах его настроения в последнее время, я решила сама расспросить следопыта во избежание новой ссоры, предчувствие которой уже стремительно надвигалось.

— Прости, Филипп, но нам все же хотелось бы узнать подробности. Лично для меня период времени с моей свадьбой и до настоящего момента выглядит, как большое темное пятно. Я была в теле Инны, жила ее жизнью и невольно отстранилась от всего того, что прежде являлось частью моей настоящей жизни. Про похищение толком ничего не удалось выяснить, как ни пыталась, а ведь это в первую очередь касается именно меня!

Моя взволнованная речь, кажется, заставила Филиппа изменить свое решение хранить таинственное молчание, и он со вздохом, будто нехотя, начал немного издалека:

— В день вашего с Ясением венчания, когда ты потеряла сознание у алтаря, я тоже там был, как ты помнишь, и успел стать свидетелем многих... неожиданностей. Твое состояние никого не оставило равнодушным. Кто-то искренне переживал, а кто-то...

Я нахмурилась и несколько более резким тоном, чем хотелось, поторопила:

— Говори прямо! Я знаю, что немногие меня любили при дворе. Этим ты меня не сильно огорчишь.

— Что ж... — он пожал плечами, мол, как знаешь. — Большинство восприняло произошедшее как хороший повод позлорадствовать и посплетничать. Но важно другое. Король и его приближенные — они были очень злы и, кажется, немного растеряны. Весь последующий день Леонард раздражался по любому поводу. Они с Ясением заперлись в кабинете и долго что-то обсуждали, пока им не принесли свежую прессу с «горячими» новостями. Тогда его величество вновь явил себя публике и объявил, что не потерпит сплетен на счет случившегося и желает, чтобы свидетели не распространялись о твоём состоянии.

Интересно... и совершенно непонятно. Про то, что у него с Ясением какие-то дела, касающиеся меня, я давно поняла, но почему он боялся огласки? Или не боялся, а просто это вывело его из себя? Но ведь это совсем на него непохоже! Лорд Январский — само олицетворение холодности и непоколебимости! Что такого важного он планировал на мой счет?

Лишенный эмоций голос Филиппа вырвал меня из раздумий, продолжая сухо делиться фактами давно произошедших событий.

— Для всех принцесса провела в своих покоях в бессознательном состоянии до следующего полудня. На деле же она очнулась гораздо раньше, с рассветом. Довольно быстро поняла, где и в чьем теле находится, но, разумеется, была в смятении и никак не ожидала, что на чистосердечное признание о своей истинной личности король только рассмеется ей в лицо и прикажет несмотря ни на что выйти замуж за Ясеня.

Что ж, это уже не сильно удивляло. После всего, что я услышала, моя убежденность в том, что Леонарду просто как воздух был необходим этот брак, только укрепилась. Может, он рассчитывал на то, что Инна, как верная подданная просто подчинится его воле? Или он, напротив, заранее предвидел ее непокорность и провоцировал на определенные действия, после которых ей будет легче управлять?

— Понимая, что иного пути нет, — продолжил мужчина, — девушка попыталась сбежать из дворца, но потерпела неудачу. Тогда ее заперли и не давали покинуть собственные покои вплоть до повторной церемонии венчания. А потом, оказавшись в полном отчаянии и растерянности, ей ничего не оставалось, кроме как подчиниться... Это все мне стало известно уже позже, когда Инна лично мне об этом поведала. А в тот момент я, как и все гости, даже не догадывался ни о чем...

Ненадолго повисло молчание, нарушаемое тихим шелестом травы под ногами.

Филипп обдумывал продолжение рассказа, глядя прямо перед собой. Его лицо при этом, словно маска, ничего не выражало. Но я, казалось, чувствовала отголоски его эмоций, бушевавших в душе. Это было нечто сильное, яркое и горячее, как пламя, похожее на чувство справедливости и желание защитить любой ценой. А в случае неудачи свершить правосудие...

Относились ли хоть каким-то образом эти эмоции ко мне? Может, он испытывал их в тот самый день, как встретил меня впервые, а сейчас просто вспоминает об этом? В любом случае мне были приятны эти его чувства, они отзывались в моем сердце теплом и радостью. А еще благодарностью и нежностью.

В этот миг непреодолимо захотелось коснуться его руки, заглянуть в его глаза, ощутить ответные чувства на себе — не скрытые где-то глубоко в душе за семью печатями и тонкими лучиками едва-

едва просачивающиеся наружу, а откровенные, полноценные, безудержные, настоящие...

Я уже было протянула руку и сделала шаг в его сторону, как вдруг он вновь заговорил. И вопреки всему, что я сейчас ощутила, его тон был еще более сухим и холодным, чем прежде. Будто он отчитывался перед начальством о проделанной работе.

Это меня отрезвило и заставило опустить руку.

— Повторная церемония венчания прошла еще быстрее, чем предыдущая. Без торжества, гостей и подарков. Кто хотел посмотреть, сам пришел и остался караулить у алтаря, ожидая появления жениха и невесты. На этот раз никаких заминок не было. Сразу после обмена кольцами новобрачные погрузились в карету и покинули Зимний дворец под громкие напутствия гостей.

На этом месте принято говорить: «И жили они долго и счастливо!» Но в данном случае эта фраза прозвучит как жестокая издевка, которая лишь усилит душевную боль всех присутствующих...

Глеб все это время угрюмо молчал, крепко сжимая кулаки и из последних сил сдерживая грозящую выплеснуться наружу ярость. Его эмоции я тоже ощущала, но не так ярко. Они были чем-то похожи на эмоции Филиппа, но казались более темными и разрушительными и не обещали никакой справедливости — только лишь месть и желание причинить боль виновникам. Этот огонь чувств не грел, но опалял...

Вот кого нужно успокаивать. И я без опасений приблизилась к нему, мягко взяла за руку, показывая, что не собираюсь навязываться, если он против моего внимания.

Глеб напрягся, но вскоре выдохнул и сам взял меня за руку. Плечи его чуть расслабились, кулаки разжались, морщины на лбу разгладились, а на лице отразилось достоинство и уверенность в том, что скоро все будет хорошо.

Твердым спокойным голосом он спросил:

— Что было дальше?

Не оглядываясь на нас, Филипп продолжил:

— Путь молодоженов пролегал через Зимний лес. Дорога там узкая и скользкая, поэтому двигались они медленно и осторожно. Это облегчило задачу нападающим. На границе между Зимним и Весенним Дворами они устроили засаду. Я и мои люди прибыли туда довольно

поздно. Карета молодоженов стояла посреди дороги совершенно пустая, кони разбежались, рядом не оказалось ни единой души.

Я нахмурилась.

— Но ведь это вовсе не то, о чем писали в газетах! По их версии было все иначе! Слуг убили, лорда Ясеня ударили по голове...

Филипп наконец повернулся, заметив:

— Вот именно, «по их версии». Думаешь, кто-то из газетчиков находился в тот момент на месте происшествия? Они лишь написали то, что им сказали. Вопрос в другом: кому это было выгодно?

— Хочешь сказать... — неуверенно начала я, но не стала договаривать, потому что мысль показалась слишком абсурдной. Единственное, что пришло на ум, — все устроил сам Ясень. Он выставил себя пострадавшим, жертвой, а сам даже не был там... Но зачем ему все это?

Постепенно паззл начал складываться в общую картину.

Леонард, Зимний король, выдал меня, наследницу разоренного и почти исчезнувшего, но некогда богатого и процветающего Осеннего Двора за своего верного друга и соратника, будущего правителя Весеннего Двора... В процессе случилось нечто, что должно было помешать их планам, но в итоге лишь заставило действовать еще решительнее. Свадьба состоялась, условия сделки, какой бы она ни была (а в том, что некая сделка между королем и Ясением имеет место быть, я уже не сомневаюсь), почти выполнены. Но... Тут вторая сторона совершает то, что кардинальным образом рушит все планы...

Я чувствовала, что разгадка где-то рядом, но картинка все равно не складывалась до конца. Не хватало еще много важных деталей. Без них все кажется искаженным, неточным.

Подняла на Филиппа глаза, ожидая подсказки. Тот уже открыл рот, собираясь что-то сказать, но вдруг передумал. Закрыл, отвернулся. А спустя мгновение вернулся к рассказу.

— Мы проследовали дальше по дороге, вглубь Весеннего Двора. Отследить их и догнать моей команде было несложно. Мы воспользовались магией оборота — в животном облике это сделать гораздо легче. Вскоре оказались перед группой наемников. Завязался бой. Пока мои люди разбирались с похитителями, я нашел принцессу и постарался увести в безопасное место. К сожалению, из-за этого не

удалось сразу обо всем разузнать непосредственно из первых рук, так сказать. Но позже мои люди все же допросили наемников.

Филипп вздохнул, делая небольшую паузу. И продолжил, резко перескочив с похитителей на принцессу:

— О том, что принцесса вовсе не являлась таковой, я понял сразу. И заподозрил ее в соучастии...

Глеб, которого я больше не держала за руку, снова напрягся и недовольно скривил губы, но сдержался и не стал ни словами, ни кулаками нападать на нашего проводника.

— Когда она мне все объяснила, пришлось наскоро составлять план действий. По ее словам, в момент нападения, в карете она находилась одна, хотя уезжали из Зимнего дворца они вдвоем с Ясенем. Большую часть времени она проспала, так как сильно нервничала и очень устала. Но думаю, ее просто усыпили... В тот момент я не придумал ничего лучше, кроме как спрятать ее в самом большом городе Весеннего Двора — в Озерах. Там же, где находится имение Мартовских.

У меня такое решение вызвало недоумение, а вот у Глеба, кажется, одобрение.

— Лучше всего прятать на видном месте... Там, где точно не будут искать.

Теперь он выглядел более спокойным и даже во взгляде, которым он смотрел на Филиппа, мелькнула благодарность.

Что ж, рада, что кризис миновал. Теперь осталось нам всем воссоединиться, вернуть все и всех на свои места, а дальше...

Я посмотрела на королевского следопыта, идущего чуть впереди и уверенно прокладывающего путь дальше в лес. Двигаться становилось тяжелее, приходилось постоянно смотреть себе под ноги, чтобы не упасть, а ему, кажется, это вовсе не требовалось. Его шаг был столь легким и стремительным, что мне тут же вспомнился сон, в котором я также легко бежала по осеннему лесу...

Прокручивая в голове все то, что рассказал Филипп, я вдруг задумалась о его роли во всем произошедшем, его собственных мотивах. И поняла, что об очень многом он умолчал. О том, на что я не сразу обратила внимание.

— Скажи, Филипп, — обратилась к нему. — Что привело тебя на место преступления? Приказ короля? Или... что-то еще?

От его ответа зависит очень многое. На чьей он стороне? На нашей? Или он делает только то, что прикажет король?

Мужчина замедлил шаг и окинул меня многозначительным взглядом, от которого почему-то все тело бросило в жар.

— Скажем так, у меня были... личные причины, — тихо ответил он, с едва заметной улыбкой наблюдая за моей реакцией.

В прежнем теле никогда не краснела, а в этом, уверена, мои щеки загорелись, как фонари. Хотя я и не совсем поняла, что он имел в виду, радовало, что связи с королем он не подтвердил.

Глеб заметил наши переглядывания и бестактно встрял с вопросом.

— Долго нам еще идти? Ты предлагаешь весь путь проделать пешком? Так мы и за неделю не доберемся!

— Доберемся уже к вечеру, не переживайте, — успокоил Филипп. — Мы почти пришли.

Мы завертели головами, оглядываясь по сторонам в поисках изменений вокруг. Но лес оставался все таким же диким.

Тут впереди среди густого цветочного покрова показалась узкая тропинка. Она вела куда-то в сторону между деревьев, и Филипп уверенно ступил на нее. Мы последовали за ним.

Некоторое время мы просто двигались вперед по пути, напоминающему тоннель. Ветви деревьев плотно смыкались над нашими головами, полностью закрывая небо, а стволы справа и слева от нас располагались так близко друг к другу, что свернуть с тропы и протиснуться между деревьями было невозможно.

— Что это за место? — взволнованно спросил Глеб.

— Не думали же вы, что я при каждом удобном случае оборачиваюсь птицей, чтобы добраться куда-то? — усмехнулся Филипп. — Для людей существуют такие вот тайные тропы, значительно сокращающие расстояние. Они связывают одно место с другим похожим. Но важно знать, куда именно какой приведет.

— «Похожее место», — задумчиво повторила я. — То есть этот портал выведет нас в точно таком же весеннем лесу, только далеко отсюда.

— Ровно в Озерах, верно, — кивнул следопыт.

Они сделали последний шаг, и деревья расступились, вновь открывая обзор на голубое небо.

Первое время казалось, что ничего не изменилось, — все тот же лес, наполненный ароматом недавно распустившихся цветов. Но вскоре стала заметна разница — воздух здесь был холоднее, а на земле местами еще виднелся подтаявший снег.

Выходили мы из Мая, а попали в ранний Март. Так необычно! И почему так мало людей знает об этих тайных проходах?

Я задала этот вопрос Филиппу.

— Сама природа хранит эти места. Если бы всем подряд было о них известно, эти тропы превратились бы в проходной двор. Вся магия этих мест рассеялась бы. Время и события прошлого показали, что людская сущность и природа несовместимы. Я бы даже сказал, конфликтны, — в его голосе слышалось некоторое разочарование.

Последняя фраза вызвала у меня недоумение — с чего вдруг подобные выводы? Разве наша сезонная магия не доказывает обратного? Мы ведь люди и можем повелевать силами природы. Мы сами — часть природы, ее олицетворение...

Но я не стала заострять на этом внимание. Тем более, что вдали, в просветах между деревьев уже показались очертания города.

Он был громаден. Вряд ли больше Эльтереса, но все же действительно очень большой. И название его говорит само за себя — настоящий озерный край с его неповторимыми красками, небесами, отражающимися в воде, цветами, украшающими улицы, множеством аккуратных невысоких домиков с покатыми крышами и людьми, мирно занимающимися своими делами.

Все вместе в сочетании это выглядело так, будто город парил в облаках, хотя находился он в низине, и мы смотрели на него с вершины невысокого холма. И все же, было в нем что-то очень легкое и воздушное, что делало его будто бы невесомым.

Прежде чем выйти из укрытия леса, Филипп придержал меня.

— Нужно скрыть твои волосы. Нам не стоит лишний раз привлекать внимание, — пояснил он.

Я позволила ему самостоятельно завязать платок на моей голове. Справился он весьма ловко. Но то ли намеренно, то ли случайно,

пальцы его иногда задевали мою кожу, вызывая множество мурашек, разбегающихся от шеи к плечам.

Пытаясь отвлечься от этих ощущений, с улыбкой поблагодарила его. Он задержал на мне взгляд, полный непонятных скрытых эмоций. Потом отвел глаза.

— Есть еще кое-что, — проговорил он.

Глеб встрепнулся и высказал то, что понимали мы все:

— Нас не должны видеть вместе. Если все рассказанное тобой правда, то выходит, что Ясень и Леонард затеяли какой-то сговор. А значит, здесь наверняка будет достаточно людей из Зимнего Двора, возможно даже мои собственные подчиненные или родственники, которые хорошо меня знают.

— Меня-то и подавно все знают в лицо, — сказал Филипп. — Появиться вместе на людях было бы опрометчиво. Сразу заподозрят неладное.

— Другое дело Софи... — Глеб окинул меня задумчивым беспристрастным взглядом. — Принцесса в свое время не была очень популярна, нечасто появлялась в обществе, а теперь и подавно изменилась... Думаю, ты вполне сойдешь за местную горожанку.

Тут бы в пору обидеться, но на правду обижаться глупо. Да и некогда! Поэтому я просто добавила:

— А в компании с кем-то из вас меня сразу же раскусят.

— Тогда решено, — заключил Филипп. — Нам следует разделиться. Выходим из леса по очереди в разных направлениях. Я иду по центральной, стараясь перетянуть на себя все внимание местных, Глеб — по северной, Софи — по южной. Встречаемся у дома Инны. Он находится в северо-восточном районе, у во-о-он того фонтана в виде большой лилии. Видите? Ближайший к нему дом нам и нужен.

Мы с Глебом синхронно кивнули.

Отсюда было прекрасно видно даже дальнюю часть города. Подробно все разглядеть, конечно, не удавалось, но фонтан был действительно величественным и очень заметным — яркая желтая лилия, поражающая своими утонченностью и изяществом и переливающаяся в радужных отблесках воды. А еще стало ясно, что мне придется проделать самый длинный путь и сделать приличный крюк.

— Тогда я пойду первой? — спросила я.

— Да, — подтвердил Филипп и, будто не желая расставаться, дотронулся моей ладони. — Удачи! Скоро все завершится.

Я ответила на его прикосновение мягким пожатием руки и направилась в город.

Южная часть города оказалась не самым процветающим районом. Все здесь выглядело очень скромно, но все-таки впечатляло чистотой и аккуратностью. На меня почти не обращали внимания, и пока шла, удалось подслушать несколько ничего не значащих разговоров. План города я запомнила относительно неплохо, но все равно пару раз пришлось спрашивать дорогу у местных.

Наконец, в поле зрения показался нужный мне фонтан. Рядом сновали прохожие, но моих спутников все еще не было.

Тогда я решила присесть на ближайшую скамейку, предоставляя уставшим ногам долгожданный отдых. В этот момент, как назло, прямо напротив меня остановились две девушки, загородив весь обзор на прекрасное сооружение. Они возбужденно что-то обсуждали.

Только я хотела попросить их отойти, как услышала:

— Ты видела? К нам в город снова появился этот Филин! — воскликнула одна. — Что-то он к нам зачастил в последнее время... Послом от своего Двора что ли заделался?..

— Ты что? — шикнула на нее подруга. — Это же уважаемый лорд все-таки! Верный слуга короля! Нельзя так о нем говорить.

— Да мне-то какая разница, кто он! Я с ним встречаться не собираюсь! Тем более, что он наследник Лета! — с презрением отозвалась первая.

— Не знала, что ты поддерживаешь всеобщие настроения. Я думала ты умнее... — разочарованно протянула вторая.

— Вот именно, я умнее! Мы живем на территории Весны и должны в первую очередь поддерживать своих лордов, тех, кто дает нам пищу и кров, заботится о нашем благополучии и безопасности.

— Но это не значит, что нужно открыто выражать врагам свою ненависть. Вдруг нас услышат их шпионы... — с этими словами девушки стали с опаской оглядываться по сторонам и тут заметили меня.

Посмотрев на меня с явным подозрением, они пошли дальше, наконец, открывая мне вид на фонтан и оставляя меня в недоумении.

С каких это пор Весенний и Летний Дворы стали враждовать? Между ними никогда прежде не случалось конфликтов. Хотя Зимний Двор его активно втягивал в свое противостояние с Летним. И видимо, ему это удалось. По крайней мере, с северной его частью точно.

Но правящих дома здесь три: Мартовские, Апрельские и Майские. И если Март уже точно на стороне Зимы, как стало ясно из рассказа Филиппа, то на счет остальных было пока неясно.

Апрельские... Виновны ли они в том, что со мной произошло? Или это было целиком и полностью дело рук Ланы? Филипп сказал, что мой обморок и пропавшая впоследствии душа сильно разозлили и взволновали короля, заставив действовать в спешке. Значит ли, что это дело рук оппозиции, а вовсе не ревнивой мелочной предательницы, влюбленной в чужого жениха? Даже не знаю, какой из этих вариантов для меня предпочтительнее...

Решив не гадать понапрасну, я поднялась со скамейки и направилась к дому Инны. Все равно ни Глеба, ни Филиппа еще нет. Наверное, их задержало что-то серьезное. Чем время терять, лучше познакомлюсь поближе со своей сестрой по несчастью.

Домик Инны был небольшим — всего один этаж, невзрачные стены, покрытые старой потрескавшейся краской, покосившееся крыльцо. Несмотря на это, выглядел он вполне опрятно и совершенно не выделялся на фоне более симпатичных домишек и ухоженной улицы. Максимально неприметный, но при этом на видном месте — именно то, что нужно.

Постучалась в дверь, и та почти сразу отворилась.

За порогом стояла молодая девушка, чем-то очень похожая на меня, но все же совершенно другая. Мы обе сейчас, наверное, представляли собой странную помесь друг друга. Как будто сумасшедший художник взял и перенес часть моих черт на ее портрет, а часть ее — на мой. Заменял нам лица, голоса и рост, но оставил волосы, глаза и привычки.

Инна сразу же меня узнала. И почему-то сильно испугалась. Меня что ли боится?

Только я собралась мирно поздороваться и на всякий случай представиться, а затем объяснить, что привело меня в ее дом, как она нервно затараторила:

— Уходи! Уходи отсюда! Тебе нельзя тут находиться!

— Послушай...

— Нет! — взвизгнула она. — Ты не понимаешь! Это ловушка!

К своему стыду в тот момент соображала я явно медленно, потому что ожидала вовсе не такого приема. Какого угодно, — криков, обвинений или облегчения — но точно не такого.

И вместо того, чтобы по первому же слову Инны броситься наутек, застыла столбом, недоуменно хлопая глазами.

Затем чья-то тень накрыла меня со спины с головой. Я обернулась посмотреть, кто это подкрался ко мне так бесшумно, но не успела — чужая мужская ладонь закрыло мое лицо. Я судорожно вдохнула странный дурмящий аромат и погрузилась во тьму.

Очнувшись, поняла одно — меня явно связали, так как конечности затекли, мышцы болели, еще и голова страшно раскалывалась. Но все же через боль заставила себя оглянуться по сторонам, хотя угол обзора был сильно ограничен.

Я находилась в каком-то старом заброшенном здании — даже не знала, что в этом ухоженном городе имеются подобные! Помещение больше походило на старый сарай, в котором уже давно никто ничего не хранил. Сквозь грязные маленькие окошки под потолком едва пробивался тусклый свет. Сложно понять, сколько сейчас времени. Но, судя по тому, что руки и ноги я еще хоть как-то чувствовала, просидела здесь не так уж долго.

— Проснись и пой, моя любовь! — воскликнул голос, который заставил меня вздрогнуть.

— Ясень... — прохрипела я и закашлялась. Горло пересохло, страшно хотелось пить.

Мужчина подошел ко мне. Из своего скрюченного положения я могла видеть лишь его ноги. На фоне пыльного пола, заваленного непонятными обломками и мусором, его дорогие, начищенные до блеска сапоги выглядели чем-то инородным.

Он присел на корточки и поднял мою голову за подбородок. Теперь я могла видеть его красивое лицо без единого изъяна, озабоченное и жалостливое, будто он безмерно сочувствует моему положению.

— Бедная моя девочка, — провел он большим пальцем, на котором отродясь не было мозолей, по моим пересохшим губам. — Как жаль, что приходится держать тебя здесь, но ты же понимаешь,

иначе нельзя. Твои спутники слишком пронырливы, лезут во все щели, будто крысы, чтобы вытащить на свет то, что их не касается... Но ничего, обещаю, больше тебе не придется терпеть их компанию.

Хотелось огрызнуться, но я молчала, до скрипа сжимая зубы и злобно прожигая его взглядом. Пусть говорит! А я послушаю, если надо будет, потяну время. Магия в этом теле мне не помощник, значит нужно выпутываться иными способами.

— Не представляешь, как я расстроился, когда понял, что вместо тебя в твоём теле какая-то безродная нищенка! — продолжал он, а его рука тем временем уверенно спускалась вниз по моей шее. — Очень-очень расстроился... Ты же знаешь, мне никто не нужен, кроме тебя! И как же я счастлив, что ты наконец-то нашлась!

Значит, дело не в наследстве и положении? Точнее, не только в них? Он ведь все-таки женился на принцессе Софии, моей оболочке. Для всего королевства он — мой супруг и официальный хозяин Осеннего двора, а также родственник короля. Но ему зачем-то понадобилась я сама, моя душа. Моя... магия? Нет, это слишком невероятно! Зачем ему та, с кем конфликтует его сила?

— А знаешь, в этом теле ты тоже весьма неплоха, — заметил Ясень, не переставая продвижение руки сначала вдоль ключиц, затем проникая в декольте...

Я дернулась, не в силах больше терпеть его назойливые прикосновения. Сердце бешено забилося, ком подступил к горлу, стало тяжело дышать. Одновременно с этим я почувствовала уже знакомое тепло в груди. Не задумываясь о последствиях сконцентрировалась на нем, попыталась призвать свою магию, оттолкнуть мужчину... Но кроме легкого ветерка, чуть потревожившего его идеальную причёску, ничего не получилось.

Ясень рассмеялся приятным бархатным смехом, который обычно вызывает у женского пола трепет удовольствия, а у меня сейчас — лишь трепет страха. Но все же отстранился и выпрямился.

— Надо же, какая грозная! Видимо, мне стоит поблагодарить наших врагов за то, что облегчили мне работу. Не придется теперь разбираться с магией!

Я все же не сдержалась и задала вопрос, что так долго меня интересовал:

— Это ты не давал моей магии пробудиться? Воздействовал как-то на меня, а говорил, что учишь!..

— Все ради твоего же блага, любовь моя! — он принялся прохаживаться вокруг меня. — Теперь-то ты убедилась, насколько опасной она является? Убийственной, смертоносной. Губительной в первую очередь для тебя самой.

Я знала, что он лжет, намеренно искажает факты, потому что понимала — моя собственная магия никогда не причинила бы мне вреда, если б не чужое тело. Все дело в нем. И если кого недоброжелатели и обезопасили, так это не меня, а самих себя.

Мне были противны его сладкие речи и притворная забота. Теперь я воочию убедилась, что все это время он лишь желал меня использовать в своих корыстных целях. Понять бы еще, каковы эти самые цели.

Ясень снова остановился передо мной, склонился, нежно провел рукой по волосам, а потом резко дернул за них, заставив меня запрокинуть голову назад и посмотреть в его бездушные зеленые глаза.

— Тебя мучает жажда, не так ли? — произнес он. — Не переживай, я помогу.

Другой рукой он вновь прикоснулся к моим потрескавшимся от сухости губам. Я знала, что сильные весенние маги способны не только на грубое исцеление, но и могут очень тонко воздействовать на организм: убрать морщинки с лиц престарелых леди, вернуть тусклым волосам блеск, напитать организм влагой — в общем все то, с чем справляется простая алхимия, здоровая пища и обыкновенная вода. Но почему-то среди них это считается верхом мастерства, хотя подобные услуги они, понятное дело, никому оказывать не стремятся.

Сейчас Ясень, видимо, собирался сделать именно это, потому что в воздухе вдруг запахло цветами — явный признак того, что он призвал весеннюю магию. Бледное сияние играло на кончиках его пальцев. Он коснулся меня, и я вскрикнула — губы обожгло невыносимой болью. Облизнув их, почувствовала вкус крови.

Ясень тут же отошел.

— Ах, прости, любовь моя! Как жаль! Совсем забыл, что хоть магией ты пользоваться не можешь, но она в тебе есть, уже полностью пробудившаяся. Боюсь, помочь тебе я не смогу.

— Гад! Так сложно просто дать воды?! Надо обязательно издеваться?

— Тише, девочка моя. Понимаю, ты не в духе, но не надо так нервничать. Поверь, все, что я делаю, только для тебя, твоей безопасности и нашего счастливого совместного будущего.

В бешенстве я плюнула в него, но не достала, так как стоял он слишком далеко. Одно лишь порадовало — короткая вспышка моей силы все же выплеснулась наружу. Веревки, связывающие мои руки за спиной, осыпались прахом. Долгожданная свобода!

Однако обрадовалась я рано. Ясень все это время был начеку.

Не успела сделать и взмаха руками, как те снова оказались связаны. На этот раз крепкими лианами, в один миг пробившимися прямо из-под пола.

Крепкие лозы, напитанные весенней магией, больно впивались в кожу и оставляли ожоги. Я закричала.

— Ну что же ты, любовь моя? Не заставляй меня уродовать это прекрасное тело. Шрамы не красят ни мужчин, ни женщин, кто бы что не говорил по этому поводу. А мне совсем не хочется портить твою красоту.

Не стала ругаться и проклинать вслух этого психопата только потому, что переживала за тело. Что я потом Инне-то скажу, если он решит в полной мере отыгаться на нем за мои слова?

Поэтому покорно замолчала, не двигаясь и почти не дыша, пока Ясень снова принялся ходить по кругу и что-то говорить. Слушать его уже не было сил. Слова текли мимо меня. Лианы больше не жгли кожу, но причиняли дискомфорт. Терпеть такое положение было утомительно. В какой-то момент я не заметила, как провалилась в сон.

...едкий дым сливался с седыми туманами, а рыжие языки пламени охватывали стволы деревьев и уже почти заменили собой золотые листья. Издалека и не каждый заметит, будто что-то изменилось в этом лесу.

Люди в панике разбрелись кто куда, бежали прочь, спасая свои жизни, когда надо бы спасти лес. Ведь от него огонь распространится и на ближайшие поля, сады и села. Лишь немногие остались с нами, помогали тушить пожар. Но все было без толку.

Пламя не желало униматься, разгоралось лишь сильнее, и никакая вода его не брала.

Отчаяние охватило меня и жгло душу изнутри, как огонь жег этот лес. Я на глазах теряла родной дом и ничего не могла с этим поделать. Пока муж организовывал оставшихся людей, желающих нам помочь, а сын активно махал ведрами в бесплодных попытках потушить пламя, я просто растерянно застыла на месте, не зная, что предпринять. Это катастрофа...

— Беги за подмогой! — услышала я голос мужа. — Мы постараемся его задержать до вашего возвращения.

«Нет, нет! Это глупо! Нельзя тут оставаться!» — хотелось ответить мне, но я только кивнула и побежала в сторону города. Все лучше, чем стоять на месте и наблюдать гибель родного дома.

В городе царила неразбериха. Люди бросали все дела и бежали, кто к лесу, кто прочь из Двора. Дороги заполонило транспортом, животные взбесились. Всюду шум, гам и суета. Прикажи им сейчас бросить все и вернуться, никто и не послушает.

Но я все же попыталась. Вместе со старостой нам удалось убедить хотя бы часть горожан помочь потушить пожар. А теми, кто сбегал, мы воспользовались в качестве гонцов — пусть разнесут весть о происшествии по всему королевству. Может, кто-нибудь решит помочь...

Все это было совсем недолго, но я не учла того, что огонь не считается со временем... Не успели мы вернуться обратно за пределы города, как обнаружили перед собой сплошную стену жаркого пламени высотой с замок.

— Нужно уходить! Уже слишком поздно! — закричал староста и, не дожидаясь моей реакции, схватил за руку и потащил прочь.

— Нет! Там моя семья! — заупрямилась я.

— Пойдемте, леди! Их уже не спасти!

— Нет!.. — всхлинула я, все еще вяло сопротивляясь, но здравый смысл, голос которого я отказывалась слушать, кричал о том, что мы опоздали. Ничего сделать уже нельзя.

Без конца оборачиваясь, я все же позволила себя увести, и чем дальше мы уходили от пожара, тем сильнее он казался похожим на обычный осенний лес...

Очнулась от тоски и горечи утраты, что разрывали сердце на части. Это было во много раз больнее, чем все еще стягивающие кожу лианы. И все же я упорно цеплялась за эту боль, за пережитые во сне страдания в надежде вытянуть подробности из глубины памяти. Именно поэтому не сразу заметила, что Ясень больше не было рядом. Вообще никого не было рядом.

Сложно точно сказать, как долго я тут просидела — окно сарая было настолько грязным, что едва заметные лучи света могли принадлежать в равной степени как солнцу, так и зажженным на ночной улице фонарям.

Слабо верилось, что Ясень оставил бы меня одну так просто. Но это мой шанс на спасение, и его нельзя упускать!

Лозы держали крепко, но я все равно попыталась вырваться из их хватки. Однако, чем сильнее тянула, тем плотнее они сжимались вокруг меня, становилась толще и плотнее.

Ясно, они живые. Точнее, зачарованные весенней магией. Вот и подвох — Ясень оставил охрану ценной добычи на собственную магию, зная, что мне нечего ей противопоставить.

Оставалось только одно — кричать.

После десятка бесплодных попыток дозваться хоть кого-нибудь, я начала сомневаться, что место, в котором меня заперли, расположено в городе. Казалось, на много миль вокруг не найдется ни единой живой души.

Весенняя магия одурманивала и ослабляла. Я чувствовала, как сила постепенно, капля за каплей покидала мое тело, будто сдаваясь под натиском враждебной энергии. Наверное, Ясень решил держать меня здесь до тех пор, пока внутри меня снова не останется и крупницы магии. А что потом? Каковы его планы на меня?

Отдать на растерзание Леонарду? Сделать из меня послушную куклу? Бессильную, безвольную, просто как символ того, что в королевстве все хорошо, и Осень с последней ее наследницей не исчезла навсегда? А может, он хочет заполучить территорию Осеннего Двора? Пусть затопленную и безжизненную, но люди, как известно, ко всему приспосабливаются...

Тревожные мысли вдруг прервал странный звук, донесшийся со стороны входа. В маленьком окошке промелькнула чья-то тень, а минуту спустя послышались шаги.

Я забеспокоилась. Вдруг это Ясень вернулся? Компанию этого садиста я уже не вынесу. Эти бесконечные издевки, лицемерие, надменность... и его магию. Все это пытка, не иначе!..

Но тут дверь распахнулась, и в темное помещение вошли двое. С трудом удалось разглядеть два нечетких мужских силуэта, и неосознанно я вся сжалась от испуга — кого еще привел Ясень? Кто еще собрался наблюдать за моим унижением?

— Вот она! — с облегчением воскликнул один из них, и я узнала этот голос — Глеб. Кажется, никогда прежде я не радовалась ему так сильно, как сейчас.

Следом ко мне подлетел Филипп.

— Софи! Ты в порядке? — он с беспокойством принялся осматривать меня, убеждаясь, что я цела и почти невредима. И тут заметил лианы.

— Не трогай! — остановил его Глеб, увидев, что следопыт потянулся освобождать меня от них. — Я сам.

Чуть было не взвыла, закатив глаза — нашел время для препирательств! Опять будет выяснять, кто имеет право касаться тела его жены, а кто нет...

Филипп тоже был в недоумении.

— Ты и так уже достаточно наследил, — пояснил Глеб, вот только лично мне от этого понятнее не стало. — Думал, никто ничего не заметит? Лучше иди к Инне, покарауйте снаружи.

Моему спасителю, однако, разъяснений не требовалось. Он виновато посмотрел на меня, послушно отошел, предоставляя возможность Глебу обо всем позаботиться, и направился к выходу, где, очевидно, нас ждала Инна.

Что они там уже успели натворить, и в чем провинился Филипп?

— Что все это значит? — спросила у Глеба.

— Все потом, — отмахнулся он. — Сейчас нужно торопиться, пока Ясень не очухался.

— Очухался?

Мужчина проигнорировал вопрос, полностью сосредоточившись на уничтожении толстых лоз. Не зная, как к ним подступиться, чтобы не поранить меня, он попытался оттянуть одну из них на себя и перерезать ножом. Но вдруг с шипением отстранился.

— Что за черт? — удивился он, разглядывая свои руки, на которых появились следы от ожогов. Точно такие же, как у меня.

Мы недоуменно переглянулись. Весенняя магия подействовала на наследника Зимы? Но... как?!

Такая реакция могла возникнуть только у осеннего мага и никак иначе. Для всех остальных она безвредна. Таково правило магической совместимости!

Неужели в нём тоже есть осенняя магия? Но ведь это... невозможно, правда?

Судя по тому, кто его родители, ему могла передаваться зимняя или весенняя, но уж никак не осенняя магия! Даже если среди его предков и найдется наследник Осени, что вполне вероятно — мало ли, с кем сочетались браком его давние предки, — осенняя магия в нём никогда не проявится. А без неё он не должен быть столь восприимчив к этим лианам.

Только происхождение ближайших родственников имеет значение. Насколько мне известно, никогда прежде не бывало такого, чтобы ребенок получил в наследство какую-то иную магию, нежели одну из тех, что была у родителей. А Глеба я вообще ни разу не видела колдующим...

Пока я мысленно рассуждала об этой проблеме, мужчина кое-как разобрался с растениями. Дав себе обещание непременно расспросить его обо всем позже, взяла его за руку, и вместе мы поспешили к выходу.

Снаружи нетерпеливо переминалась с ноги на ногу Инна. Филипп же казался невозмутимым, однако во взгляде его читалась некоторая напряженность. Заметив нас, он молча приложил палец к губам, предупреждая, чтобы все вели себя тихо, и повел прочь от места моего заточения.

Только сейчас я смогла оглядеться и понять: мы находились на окраине города, потонувшего в сумерках, и вокруг не было ничего, кроме старого сарая и огромного озера, покрывшегося тонкой ледяной коркой по самой кромке воды. С противоположной от водоема стороны виднелись заснеженные вершины неприступного зимнего леса. Очевидно, что если нам и нужно уходить, то только туда.

Филипп считал также, потому и двинулся напрямик к озеру. Однако ни лодки, ни какого-нибудь другого транспорта видно не было, и мы забеспокоились. Следопыт ступал так уверенно, что у нас и сомнений не возникло в том, что он точно знает, куда идти.

Вот только, когда он с такой же уверенностью решительно вошел в ледяную воду... наша вера в него пошатнулась...

Мы растерянно замерли, недоуменно переглядываясь, и Глеб все же уточнил:

— А мы точно в правильном направлении идем?

Филипп обернулся и недовольно шикнул на него.

— Просто следуйте за мной. Желательно шаг в шаг, то есть... — он замолчал, осознав, видимо, что плавание и ходьба не очень-то совместимы. — В общем, не сбивайтесь с пути.

Наш проводник явно был не в настроении, и понятно почему — купаться в озере мартовским вечером и так не самое приятное занятие, а тут его еще и задерживают, невольно продлевая «удовольствие». Поэтому, решив не спорить, мы последовали его инструкциям.

Понадеявшись, что тот знает, что делать, выстроились друг за другом и по очереди вошли в озеро.

Ледяная вода обжигала лодыжки, мгновенно распространяя по всему телу холод. Дрожь тут же охватила меня, хотелось развернуться и броситься прочь. Но я догадывалась, что скорее всего Филипп ведет нас в очередную тайную тропу, которая поможет нам оказаться как можно дальше от этого места. И как можно быстрее.

Медленно и осторожно мы ступали друг за другом, погружаясь все глубже и глубже. Каждый новый шаг требовал все больших волевых усилий. Мне отчаянно не хотелось плавать в этом озере, но я упорно двигалась вперед, от усилия до крови кусая губы стучащими от холода зубами.

Я замыкала нашу цепочку, пристроившись за Инной. И когда мои спутники стали нырять под воду, ненадолго остановилась и обернулась.

Взгляд тут же зацепился за очертания одинокого строения на берегу. И приближающихся к нему людей с фонарями.

Ясень?

Не стала тратить время на разглядывание силуэтов. Кажется, там было два человека, но рисковать, чтобы убедиться в том, что один из них действительно мой пленитель, не хотелось.

Поэтому, набрав полные легкие воздуха, я нырнула и поплыла за Инной.

В темноте едва удавалось различить очертания спутников, а холодная вода, давящая со всех сторон, лишала связи с реальностью. Конечности еле двигались, кровь в жилах застывала... Еще не много, и я точно окоченею, камнем пойду ко дну...

Но вот Филипп изменил траекторию движения, и теперь мы стали плыть к поверхности воды. Где-то на грани сознания слышался шум воды. И когда я наконец-то выплыла, обнаружила, что находимся мы прямо под водопадом, а вокруг — убогая серость опустошения, лишь слегка припорошенная снегом.

Сомнений не оставалось — мы на территории Осеннего Двора.

Увиденное заставило мое сердце болезненно сжаться. Абсолютно безжизненная земля. И гнетущая тишина. Ни единой птицы или зверя, ни травинки или листочка. Ничего...

Только суровый ледяной ветер рассекал по окрестностям, заставляя торопливо передвигать ноги в поисках тепла и уюта.

К счастью, идти пришлось недолго. Филипп довольно быстро вывел нас из серой мрачности в белоснежный еловый лес — так быстро это случилось, что границы Зимнего Двора я и не заметила. За рядом деревьев притаился небольшой, но уютный домик, зовущий к себе замерзших путников горящими окнами и дымом, валящим из трубы.

Хотелось расспросить Филиппа об этом месте, — безопасно ли оно, кто его хозяин, и как долго мы сможем здесь оставаться, — но рта раскрывать не решалась, чтобы сохранить последние остатки тепла в этом слабом теле.

Дверь нам открыла полноватая пожилая женщина и без вопросов пригласила в дом, а потом накормила сытным ужином, напоила горячим чаем и даже спать уложила, как оказалось, в заранее подготовленных комнатах.

Судя по тому, как она разговаривала с Филиппом, дом этот принадлежал именно ему, а женщина, которую кстати звали Нила, помогала по хозяйству. Убедившись, что с нами все в порядке, и никто не собирается помирать от тяжелейшей простуды или обморожения, она ушла к себе домой, пообещав вернуться утром к завтраку.

— Она живет здесь неподалеку, в ближайшем селе в получасе ходьбы отсюда, — пояснил Филипп на следующее утро, когда мы сидели в теплой гостиной, попивая горячий ароматный чай со свежими булочками. — Я предлагал ей переехать сюда, но она не видела в этом смысла. Здесь я появляюсь нечасто, так что достаточно раз в неделю приходить и проверять дом, поддерживать чистоту и порядок. Да и, говорит, хочется ей быть поближе к семье.

— Понятное дело... — вздохнула я. — А ты ведь планировал привести нас всех сюда, не так ли?

— Верно. Сразу, как нашел вас, я отправил Ниле послание с просьбой подготовить дом к нашему прибытию.

— То есть ты с самого начала решил вести нас в это леденючее озеро! — с упреком воскликнул Глеб, поежившись от воспоминаний.

Филипп обратил внимание на его реакцию.

— Я всегда думал, что зимние лорды не боятся холода. У вас же врожденная защита, вы сами, как холод.

Глеб почему-то смутился и опустил глаза на свои ладони, где до сих пор виднелся слабый след от ожога лианами. Он быстро сжал руки в кулаки, пока никто ничего не заметил, и бросил на меня предостерегающий взгляд, чтобы я помалкивала. Странно, чего так он боится?

Вернувшись мыслями ко вчерашнему спасению, вспомнила еще один момент.

— А что вчера произошло до того, как вы меня нашли? Вы виделись с Ясенем? И о чем говорил Глеб, когда...

— Давайте обсудим все позже, — мягко оборвал меня хозяин дома. — Нам предстоит еще одно важное дело, которое больше не стоит откладывать.

С этими словами он повернулся к Инне, и та все поняла.

— Ох, вы хотите провести ритуал перемещения душ? — с этими словами она отставила чашку, готовая прямо сейчас заняться делом. Видно, что ей не терпелось вернуться в свое тело. Мне, собственно, тоже.

— Да, — ответил Филипп. — Надеюсь, ты не потерял зелье, Глеб?

Тот молча вытащил синий стеклянный флакончик из внутреннего кармана и поставил на стол. Повисло молчание, полное предвкушения. Впервые за все время мы действовали совместно на всеобщее благо. Без споров и конфликтов, без выяснения отношений. И несомненно, это лучший момент, ведь скоро все вернется на свои места.

— Вас обоих необходимо расположить как можно ближе друг к другу для наилучшего эффекта и обеспечить покой на некоторое время, пока все не случится, — сообщил Филипп, беря в руки флакон. — Сделать укол нужно будет только тебе, Софи, так как именно с тебя все и началось. А вот Инне придется выпить легкого снотворного.

— Откуда ты все это знаешь? — с подозрением спросил Глеб.

— Ну ладно тебе, — коснулась его руки Инна, заставляя успокоиться. — Может, он проводил специальное расследование. Ему по роду деятельности это положено.

— Именно так, — подтвердил следопыт. — После того, как я позаботился о безопасности твоей жены, мне пришлось досконально изучить вопрос перемещения душ и даже допросить парочку практикующих это дело магов, чтобы точно не допустить ошибок с ритуалом. Зато теперь мы можем приступать, не опасаясь последствий.

С этими словами он поднялся с кресла и приблизился к нам.

— Девушки, прошу, присядьте на диван поудобнее и возьмитесь за руки. Глеб, а тебе стоит отойти подальше, чтобы не мешать.

Мы сделали все в точности, как он просил, и переглянулись с Инной. Она ободряюще мне улыбнулась и смело выпила приготовленное для нее снотворное. Даже не верится, что после всего пережитого, она смогла сохранить оптимизм и светлую веру в будущее, да еще и настолько безоговорочно довериться Филиппу...

Я, в отличие от нее, сильно нервничала. А вдруг что-то пойдет не так, и даже близкое расположение с моим родным телом не поможет моей душе вернуться туда, куда следовало? Вдруг вместо этого меня забросит в тело какого-нибудь пожилого пахаря с юга Летнего Двора или на место какой-нибудь бедной монашки или...

— Тише, не волнуйся, — шепнул мне Филипп. Он взял мою руку в свою и нежно провел пальцем по запястью, разгоняя по коже волну мурашек и глядя при этом мне прямо в глаза. Эта мимолетная ласка мигом заставила мое сердце учащенно забиться, а меня саму — отвлечься от всех ненужных мыслей... и пропустить тот момент, когда мужчина наконец проколол мою кожу тоненькой иголочкой.

Я даже почувствовать ничего не успела, просто осознала, что все, назад пути нет. Посмотрела на Инну и заметила, что та уже спит без задних ног. Покрепче обхватила ее ладонь, переплетя наши пальцы — чтобы уж наверняка! — и откинулась на спинку дивана. А потом позволила подступающей темноте обнять меня и унести в приятное беспамятство.

Пробуждение застало меня в небольшой, но уютной комнате, где я находилась совершенно одна. Судя по всему, время близилось к вечеру, а значит, проспала я весь день. Как ни странно, есть совсем не хотелось, и я вышла во двор, перед этим одевшись потеплее.

Той одежды, в которой я сюда пришла, в комнате не оказалось. Платье и плащ, наверное, окончательно испортились после купания в озере. Зато на спинке кресла обнаружили чистые и аккуратно сложенные теплые вещи, идеально подходящие для местных температур: брюки, теплый шерстяной свитер, меховая куртка и высокие сапоги. Вовсе не та одежда, которую позволено носить леди, но я была довольна.

У самого выхода, в прихожей заметила зеркало и замерла перед ним. Уж не знаю, почему, но меня так тянуло на улицу, что я и позабыла о ритуале и родном теле, в котором с этого дня находилась моя душа.

И теперь даже немного удивилась, увидев в зеркале себя — прежнюю себя, настоящую, ту, какой была до всего произошедшего. Как будто и не менялось ничего, как будто все это: свадьба, Эльтерес, семья Февральских, театр, праздник Первоцвета и похищение в Озерах, а потом побег — было всего лишь сном. И только дом Филиппа и зимняя одежда на мне доказывали, что все случилось на самом деле.

Декабрьский мороз кусал за щеки, свежавыпавший снег хрустел под ногами. Воздух пах свежестью, а ели стояли, укрытые белоснежными шапками, но этот пейзаж мне был неинтересен. Меня звало и подгоняло вперед что-то другое, какое-то чувство внутри меня, и я уверенно шагала прямо туда, откуда мы вчера выбрались после перемещения из Озер.

Водопад находился прямо на границе между двумя Дворами, и лишь холодная вода отделяла меня от родного края, который, я чувствовала, нуждался во мне.

Я так и застыла на месте, не сводя глаз с безжизненного серого леса, но не решалась пройти дальше. И была так сосредоточена на

разглядывании горизонта, что не сразу заметила приближение Филиппа.

— Приятно снова видеть тебя в своем теле, — произнес он, остановившись сбоку от меня.

От неожиданности я вздрогнула и повернулась к нему.

Он смотрел прямо перед собой, туда же, куда только что смотрела я сама. На губах его была едва заметная улыбка. И если я была вся напряжена и взволнована странными и совершенно необъяснимыми ощущениями, заставившими меня явиться сюда, то Филипп был расслаблен и спокоен.

Невольно я залюбовалась его красивым профилем. Высокий лоб, прямой нос, резко очерченные губы... На губах мой взгляд и остановился. Вспомнились ощущения, что дарили их прикосновения к моей коже, эти нежные сладкие поцелуи... Вот только никаких поцелуев никогда не было! Мы ведь только недавно познакомились! И недели не прошло с тех пор! Откуда эти мысли?!

Филипп, по-прежнему стоявший ко мне боком, казалось, догадался, о чем я думаю, потому что губы его еще сильнее растянулись в улыбке. А мне пришлось потрясти головой, чтобы избавиться от наваждения и выкинуть глупые мысли из головы.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался он, поворачиваясь ко мне. А я в этот момент снова быстро отвернулась к водопаду, потому что чувствовала глубочайшее смущение и боялась взглядом выдать свои чувства.

— Неплохо, — пожала плечами как можно более равнодушно. — Ничего не болит, прежнего дискомфорта не испытываю. Теперь я чувствую себя легко, и магия внутри меня пробуждается с новой силой. Теперь я почти уверена, что смогу без проблем ее использовать.

— Уверен, так и есть. К тому же, близость родного края влияет на магию. Делает ее сильнее. Ты же чувствуешь, как тебя тянет туда?

Я кивнула. Все было именно так. Мне хотелось пойти туда, в этот гиблый лес и выпустить магию наружу. Теперь стало понятно, почему король Леонард так не любил покидать Зимний Двор. Только там он мог быть таким могущественным непобедимым магом, каким его все знали. Только там мог внушать ужас своим подданным, только там имел реальную власть. Поэтому и королевская резиденция находилась именно в Зимнем Дворе, а не в Эльтересе.

Интересно, какого будет наконец-то воспользоваться осенней магией? Мне уже не терпелось начать...

— Не спеши, — сказал Филипп. — Еще не время туда идти.

— Почему? — я не выдержала и все-таки повернулась к нему.

— Это опасно. Ты можешь там погибнуть, — спокойно ответил он.

— Почему? — повторила я вопрос.

— Лес мертв. Магии там нет. И если ты попытаешься выпустить ее там, то неизбежно умрешь. Понимаешь, осенний лес — это и есть источник магии и жизни. Как для Зимнего Двора — их горы с заснеженными пиками, для Летнего — их моря и жаркие пляжи, а для Весеннего — их цветочные сады. Работа магии — это естественный, но взаимозависимый обмен. То, что мы берем у природы, должно ей возвращаться, и наоборот.

Я кивнула, вспомнив уроки Ясеня. Хоть для чего-то они пригодились.

— А если я начну колдовать на мертвой земле, то не смогу получить силу обратно и буду истощена.

— Верно.

Последний раз взглянула на пустой одинокий лес и с тяжелым вздохом отвернулась. Как жаль, что мне нельзя прямо сейчас испробовать там свои силы, развернуться во всю мощь и познать наконец, на что на самом деле способна моя магия. Я ведь и не видела ни разу колдовство осенних магов. А мне так хотелось наблюдать за тем, как эти корявые пустые деревья в один миг окрашиваются в багрянец и золото, как сухая земля покрывается желтыми листьями, как легкий ветер подбирает их и уносит в свой веселый хоровод...

Но что мешает мне попробовать здесь, на этом берегу, пусть и на чужой земле?

Прикоснулась к ближайшей ели, ожидая результата, и... И, конечно же, его не было — это ведь вечнозеленая ель! Ну что за невезение!.. Максимум, что у меня получилось — это снег растопить и призвать ветерок чуточку теплее...

Бросила короткий взгляд на Филиппа, но тот никак не стал комментировать мои действия. Что ж, хоть смеяться не стал над моим провалом, и на том спасибо!

— Пойдем, Нила для нас ужин приготовила, — вместо этого сказал он. — Да и Инна, должно быть, уже давно проснулась.

Вместе мы пошли обратно к дому.

Некоторое время оба молчали, и молчание это было приятным для нас обоих. Я ни о чем конкретно не думала, а просто наслаждалась тишиной и покоем. Но вскоре вспомнила кое-что, о чем не могла не спросить.

— Что имел в виду Глеб, когда сказал, что вы наследили, и тебе нельзя прикасаться к лианам?

Филипп ответил не сразу. Несколько шагов мы еще проделали в молчании, пока он тщательно обдумывал ответ, а потом сказал:

— Когда мы пришли к фонтану и обнаружили, что тебя там нет, сразу догадались, в чем дело. Пришлось действовать быстро. Понятно, что никто, кроме Ясеня, не стал бы тебя похищать, да и Инны к тому времени дома не оказалось. Ясень подстраховался и увел ее из дома, чтобы та не смогла нам ничего рассказать. Он понадеялся, что мы не станем открыто нападать на него. Но он ошибся.

— Вы... что вы сделали? — спросила я, ожидая и в то же время опасаясь услышать ответ.

— Нам пришлось проникнуть в его особняк, преодолевая охрану и магическую защиту.

— Вдвоем против целого отряда охранников?!

— Ну не так уж их много было, на самом деле, — поскромничал он. — Дай бог если десяток человек наберется. Ясень слишком самонадеян и весь упор делает в основном на магию.

Не удивительно. Не зря ведь его признали лучшим специалистом в магическом искусстве.

— И что же было дальше? — поторопила его.

— А дальше мы с Глебом решили разделиться. Он взял на себя охрану.

— Один?! Против десяти человек?!

Мужчина рассмеялся.

— Ты бы видела, как превосходно он владеет шпагой! Ты ведь не знала, что стража Эльтереса, как и воины Зимнего Двора, обучены призывать оружие из ниоткуда? Что оно всегда рядом с ними.

— Нет, конечно. Откуда мне такое знать?

— Ну вот, теперь знаешь. К тому же, он Февральский. Владение оружием и знание воинского искусства у него в крови.

Объяснение успокоило, но лишь немного. Однако больше перебивать я не стала.

— Пока Глеб отвлекал на себя людей особняка, — продолжил Филипп, — я обернулся филином и попытался влететь в окно... и тут возникла главная проблема — я не смог. Передо мной возникла цветочная стена. Казалось бы, ничего такого, что не может преодолеть Июньский лорд, но... магия в этих цветах была такой концентрированной, что не пропускала даже мою летнюю магию. И тогда мне пришлось обратиться к другой своей силе...

Мы остановились в паре метров от дома и повернулись лицом друг к другу. Я уже догадывалась, что могу услышать дальше, но сейчас даже дыхание задержала, не желая пропустить подробности из уст Филиппа. Неужели?..

— Я взмахнул темными крыльями, и вместо перьев с них посыпались желтые листья. Как только они коснулись земли, все вокруг, в том числе и цветочная стена, закрывающая окно, начало стремительно увядать. И да, — после паузы добавил он, — это видели абсолютно все, кто там находился.

Я изумленно молчала, не представляя, как реагировать на услышанное. Филин Июньский владеет осенней магией? И как это понимать?! Зато теперь хоть стало понятно, почему он вообще смог передать мне энергию тогда, в день нашего знакомства, и почему я смогла ее принять. Это ведь... Как это вообще возможно?

Вспомнилась схожая ситуация с Глебом, этот подозрительный ожог от лоз на его руке. Значит ли это, что Осенний Двор не вымер полностью, что я не последняя его наследница? Ведь носителем магии являюсь не только я.

В голове было столько вопросов, что я не знала, какой из них задать первым. Филипп заметил мое замешательство и приблизился.

— Понимаю, это сложно принять и еще сложнее понять, — с этими словами он поднял руку и медленно гладил рукой по моим рыжим кудрям и перебирал пряди между пальцами, не отрывая от них зачарованного взгляда. — Но есть вещи, о которых многие не помнят, а большинство не знает. Ведь совсем немногие, даже среди самых сильных магов, на самом деле обладают наиболее могущественной

вещью, которая только может быть — истинной памятью души, что хранит в себе воспоминания сотен прожитых жизней, что были свидетелями множества столетий перемен...

Его ладонь незаметно перешла на мое лицо и нежно провела по щеке. От этой неожиданной ласки я забыла, как дышать, а сердце замерло в томительном ожидании его последующих действий. И когда он наклонился ко мне и поцеловал — осторожно, трепетно, почти невесомо, едва касаясь губами моих губ, — я не стала сопротивляться. Хотелось проверить, правда ли его губы такие мягкие и нежные, как я помнила, вероятно, из прошлой жизни.

Внезапно слова Филиппа обрели смысл, и я поняла, что он имел в виду. Мои странные сны — вовсе не память предыдущих поколений и даже не воспоминания из детства. А мои собственные. И связаны они были с ним. С тем, кто сейчас целовал меня так, будто ничего дороже для него никогда не существовало и не будет существовать ни в одной из жизней.

От этой нежности по телу пробегали мурашки, но мне было мало. И, словно почувствовав это, в следующую секунду он усилил напор. Поцелуй стал более жадным и требовательным, глубоким и головокружительным. Я знала: все это время ему не хватало меня так же сильно, как мне не хватало его. Вот только понять это я смогла лишь сейчас, а до этих пор жила, будто во мраке, ничего не видя перед собой, как тычущийся носом слепой котенок...

Его руки также пришли в движение и теперь прижимали меня к своему крепкому телу. Мне так хотелось почувствовать их на своей коже, а не через несколько слоев одежды. Хотелось раствориться в новых, но в то же время хорошо знакомых ощущениях, что из всех людей на свете мог подарить мне только он...

— Кхе-кхе! — раздался громкий кашель. — Вы ужинать собираетесь или как? Мы вас ждали уже, а вы тут на морозе... мерзнете.

Застигнутые врасплох, мы повернулись к крыльцу, на котором стоял Глеб и лукаво взирал на нас. Я тут же устыдилась своего поведения и того, что позволила Филиппу со мной делать, и уже хотела отстраниться от него, разорвать объятия, в которых он меня по-прежнему держал. Но мужчина не позволил и лишь сильнее обнял, а после посмотрел так, что все смущение испарилось без следа.

Действительно, в наших отношениях нет места стыду и неловкости. Ведь мы женаты уже много жизней подряд. И в этой жизни, надеюсь, мы снова будем вместе.

Вошли в дом мы в полной тишине, и в таком же молчании уселись за стол. Глеб с Инной по одну сторону, мы с Филиппом по другую.

Ненадолго задержала свой взгляд на следопыте, вспоминая поцелуй... и в голове возникли образы давно забытых мгновений нашей совместной жизни. Именно эти образы приходили ко мне во снах: о нашей счастливой семье, успешном правлении Осенним Двором, а потом и предательстве, что разлучило нас на долгие века и многие жизни...

Но даже то, что в прошлом Филипп был осенним лордом, вовсе не объясняло того, почему сейчас, имея наследственность рода Июньских, у него остались способности к магии увядания. При чем тут память души, о которой он говорил? Как это вообще связано?

Заметив, что я, да и все остальные то и дело выжидающе поглядываем на него, Филипп отложил столовые приборы и произнес:

— Полагаю, мне следует кое-что вам рассказать.

— Да уж давно пора, — проворчал Глеб, исподлобья глядя на мужчину. — Эти твои секретки уже начинают порядком напрягать. Что если ты какой-нибудь усовершенствованный шпион его величества, над которым ставили опыты, чтобы смешать в тебе магию всех времен года? Мы тебе без вопросов доверились, а ты возьмешь и пронзишь нас насквозь ледяными шипами, пока мы спим.

— Ну что ты такое говоришь? — мягко осадила мужа Инна, улыбаясь абсурдности его предположений. — Я уверена, никакой он не шпион! Стал бы он тогда так рисковать ради нас?

— Не ради нас, а ради... — он с намеком посмотрел на меня, но не стал договаривать.

Филипп беззлобно усмехнулся и взял меня за руку под столом, а потом сказал:

— Поверь, я бы рискнул ради каждого из вас. И причины на это имеются самые веские. Но подробности потом, сначала я хочу, чтобы вы кое-что сделали.

— Ага... Прыгнули с крыши. Или утопились в холодном озере.

— Глеб! — с укором воскликнули уже все вместе.

— Ну что ты как маленький! — добавила я. — Дай уже человеку нормально все объяснить!

— Да пожалуйста! — вспыхнул он и поднялся из-за стола, а затем стремительно скрылся в соседних комнатах.

Мы недоуменно переглянулись, и Инна уже собиралась броситься за мужем, но я ее остановила:

— Постой! Можно я с ним поговорю наедине?

Девушка нехотя уступила и осталась за столом, а я побежала за этим несносным капризулей.

— Что происходит? Почему ты себя так ведё...

Я не договорила, изумленно застыв на месте от увиденного.

Глеб стоял у окна и судорожно расчёсывал кожу на руке, да с такой силой, что даже издали на ней были хорошо видны ярко-красные полосы.

Я подбежала к нему, пытаясь ухватить за руку, чтобы посмотреть, что с ней случилось, но мужчина вдруг резко оттолкнул меня, не позволяя коснуться его, и со злостью прокричал:

— Не трогай!!!

Почувствовала обиду за такое недоверие ко мне, но послушно отступила. А Глеб, посмотрев на выражение моего лица, все же унял злость и пояснил:

— Вдруг это заразно.

И тут я поняла.

— Это что, след от лианы?!

Он кивнул.

— Покажи!

Мужчина протянул руку. Не прикасаясь к ней, осмотрела со всех сторон и с удивлением отметила, что рана покрылась мелкими кровоточащими царапинами — то ли от того, что он так сильно чесал ее, то ли сама рана стала настолько ухудшаться.

В растерянности подняла глаза на Глеба.

— Почему она не затянулась? Мы же в зимнем краю! Должно было все пройти.

— Не знаю... — устало выдохнул он. Видно, уже давно беспокоился на счет раны, искал ответы, но так и не нашел, а теперь впал в отчаяние, потому что улучшений не видно.

— Странно. Я нормально себя чувствую. А Инна? На ее теле остались какие-нибудь следы?

— Нет. После ритуала все стало, как прежде. Она здорова.

Я кивнула, задумавшись над тем, что можно предпринять. Но ничего путного в голову не приходило.

В детстве, пока магия во мне спала, я была нейтральна к силам Весны. Моей подругой была Лана Апрельская, учителем — Ясень Мартовский. Также часто приходилось общаться с другими детьми Весны и находиться в непосредственной близости от их колдовства. Но никакого вреда мне это не причиняло. Так может, зря я обвиняла Ясеня и Леонарда? Может, они заблокировали магию, чтобы обезопасить меня?

Нет! Нельзя его оправдывать! Последние поступки Ясеня показали, что ничто, кроме собственного удобства и выгоды, его не волнует. И мое здоровье тем более!

Теперь, с пробудившейся магией, я так же уязвима перед ним, как и он передо мной. Филипп не мог пробиться сквозь цветы, потому что также легко обращался к своей осенней силе, как и к летней. А значит...

— Ты осенний маг! — воскликнула я.

— Что?

— То! — отрезала, не желая тратить время на объяснения. Сам догадается — не маленький! Это ведь так очевидно!

Судя по всему, только наличие активных способностей делает мага уязвимым перед противоположной силой. И если допустить, что Глеб всегда был осенним магом, но раньше определенно не испытывал подобных неудобств, как сейчас, то значит, осенние силы в нем спали так же, как и во мне. До недавнего времени.

Я схватила Глеба за рукав и настойчиво потащила обратно в столовую. Необходимо срочно выслушать Филиппа. Что-то мне подсказывало, что именно его рассказ сможет все прояснить.

Когда мы вернулись, в столовой стояла полная тишина. Заметив нас, Инна тут же подскочила к мужу и начала допытываться о том, что заставило его буквально сбежать из комнаты. А Филипп метнул на меня вопросительный взгляд. Я просто помотала головой, мол, все потом объясню и села на свое место. Он согласно кивнул и сказал:

— Так вот, возвращаюсь к прежней просьбе. Мне нужно, чтобы вы попытались вспомнить, что снилось вам в последнее время.

— Нам всем? — спросила я, догадываясь, о каких снах он говорит.

— Да. И даже тебе, Инна.

Девушка удивилась. Да и я, надо сказать, не совсем поняла, при чем тут Инна. Теперь уже совершенно ясно, что сны об Осени нам снятся неспроста. Наверное, это как-то связано с нашей силой. Но Инна ведь не маг.

— Хотя я допускаю, — добавил Филипп, заметив наше недоумение, — что эти воспоминания, в силу твоего происхождения, будут недоступны для тебя. Но тело Софи, в котором ты провела довольно много времени, могло помочь твоей памяти приоткрыть некоторые воспоминания.

Удовлетворившись таким объяснением, мы послушно напрягли память. Тут же перед моим мысленным взором пронеслись образы такого яркого и прекрасного осеннего леса, возникло ни с чем не сравнимое чувство свободы и некой правильности, гармоничности, порядка, бесконечной любви и безграничного счастья...

После недолгого молчания первым заговорил Глеб.

— Мне снился лес, — признался он, поворачивая голову к окну. Туда, где за вечнозелеными елями простирался пустой гиблый край, который когда-то был прекраснее всего на свете. — Мне снился дом. И... мама.

Я почему-то вздрогнула при этих словах. Было в его интонации что-то такое, что намекало на то, что он имел в виду не свою родную мать, Катерину, а совсем другую. Наверное, так и есть. Ведь в прошлой жизни у него были совсем другие родители.

Филипп заметил мою реакцию, даже такую незначительную, причину которой я и сама понять не могла. Я встретила с его внимательным взглядом, а потом почувствовала утешающее прикосновение его теплой руки к своей. А затем он с ожиданием повернулся к девушке:

— Инна?

— Да, мне тоже снилась осень, — тут же отозвалась она, и в ее голосе слышалась явная растерянность. — Но как такое возможно? Мы ведь никогда ее не видели и не можем знать, как она выглядит! Даже по рассказам стариков, что еще успели застать те времена, когда был жив Осенний Двор, невозможно воссоздать те прекрасные виды золотого леса и эти ощущения...

— Какие? — уточнил Филипп, чуть подавшись вперед.

— Как будто там, в этих лесах меня ждет что-то родное, дорогое моему сердцу...

Кажется, такого ответа было достаточно, потому что Филипп вдруг расслабился и облегченно выдохнул. Словно до этого момента не был уверен в том, что нам можно доверять, но теперь убедился, что все в порядке, и можно рассказать правду.

Меня он спрашивать не стал — со мной и так все ясно. Разве позволила бы я тогда поцеловать себя, не будь у меня подобных воспоминаний? Конечно, нет! Даже будь он хоть трижды таким привлекательным мужчиной, каким он собственно и был, я никогда бы не допустила такой фривольности в отношении к себе!..

— Эти сны — воспоминания, — наконец сказал он, подтверждая мою догадку. — Воспоминания наших душ о прошлых жизнях. Вы трое еще слишком молоды и не успели вспомнить все, но я успел увидеть достаточно этих снов, чтобы сложить все обрывки видений воедино, восстановить полную картину не только своего прошлого, но и истории всего королевства, того, что скрывает от нас Зимний король.

— И что же это? — задержав дыхание, спросила я, одновременно боясь и желая услышать ответ.

Филипп повернулся ко мне и взял за руки.

— Бесконечно много жизней назад мы вдвоем, ты и я, Софи, основали то, что теперь зовется Осенним Двором. Можно сказать, я был первым лордом Осень, а ты — моей леди. Мы не были людьми, но были чем-то большим. Мое имя звучало, как шёпот ветра на закате

жары, а твое — как шелест опавшей листвы. Люди не могли произносить наши имена и поэтому дали нам другие. Меня называли Сентябрь, а тебя...

— Октябрь... — выдохнула я с осознанием.

— Верно, — улыбнулся Филипп, аккуратно стерев с моей щеки слезу.

Надо же! А я и не заметила, как начала плакать. Что-то в этих воспоминаниях вызывало такое волнение, что совладать с собой становилось почти невозможно. Сердце бешено колотилось в предвкушении, а я чувствовала себя так, словно вернулась домой после долгого путешествия или встретила близкого человека, которого не видела несколько лет.

— У нас был сын, — продолжал рассказывать он. — Внезапный, как первые заморозки...

— Ноябрь! — с уверенностью воскликнула я.

— Да, — теперь его улыбка стала еще шире.

— Я помню! Я все помню! — меня накрыло осознание, настолько стремительное, что я подскочила со стула и принялась ходить взад-вперед по комнате, озвучивая все, что теперь возникало в моей памяти: — Мы были духами месяцев! Бесконечно умирали и возрождались из года в год, сменяя власть друг друга над природой и приносили с собой свою магию... Я помню серо-голубые глаза нашего мальчика, его дерзкий характер и нежное сердце... Помню наше осеннее царство, золотые леса с бесконечным листопадом... Помню, как люди радовались нашему приходу, а потом... — тут я остановилась, наткнувшись на провал в памяти. Как темное пятно, мешающее восстановить важные воспоминания, оно не давало мне продолжить рассказ. — Что случилось потом? — спросила я.

Филипп вздохнул и тоже поднялся с места, а потом отошел к окну и направил взгляд вдаль.

— Чем больше людей нас окружало, тем сильнее менялись мы сами. Постепенно мы стали приобретать человеческие черты. Наши жизни стали длиннее. Сначала на сезон, потом на год, а после и на целый век. Нам льстило то, с каким нетерпением люди ждали нашего прихода, и поэтому стали все дольше задерживаться в тех местах, где нам были рады. А тех, где рады не были, старались избегать.

— Так и получилось, что все разделено на Дворы по временам года, — поняла я.

— Да. Зимние месяцы перебрались на север, в горы, где люди привыкли к их снегам и морозам и сильно скучали без них. Весенние отправились на восток, где встает солнце и растут цветы. Летних месяцев с радостью приветствовали на юге, где песчаные пляжи опоясывают синее море. А осенние остались на западе, где закатное солнце окрашивает в багрянец и без того багряные леса.

— Все получили, что хотели, — заключила я.

Филипп как-то грустно кивнул и продолжил:

— Вскоре не только наш век сравнялся с веком людским, но и образ жизни мы переняли человеческий, — с этими словами он повернулся к Глебу и предложил: — Продолжишь?

Глеб сидел, склонив голову, по-видимому тоже погруженный в воспоминания. Он явно был удручен неожиданным открытием и тянул время, не решаясь заговорить. Зуд на руке все еще беспокоил его, и я замечала, как иногда он украдкой ее чесал и тут же прятал следы ожога под длинным рукавом своей рубашки.

Одна лишь Инна не выглядела обеспокоенной. Для нее эта новость была неожиданной и наверняка невероятной, но имела не сильно большое значение. Что поменяется в ее жизни от этой правды? Ничего. Она лишь бросала беспокойные взгляды на мужа и терялась в догадках, как все рассказанное может относиться к нему. И к ней самой.

Наконец Глеб поднял свои серо-голубые глаза на Филиппа и сказал:

— Однажды один из месяцев полюбил человеческую девушку, — он повернулся к жене и мягко коснулся ее щеки. — Она была необыкновенной и очень красивой. Но вовсе не внешность заинтересовала того, а душа — ее доброта и нежность, честность и забота. Та девушка искренне, всем сердцем любила осень. Проводя с ней время, тот месяц чувствовал, как оттаивает его собственное холодное сердце, отгоняя прочь заморозки и преждевременный снег, тем самым делая осень почти бесконечной.

Щеки девушки розовели от слов Глеба. Она смотрела на него так, будто заново узнала. А сам мужчина вдруг отстранился от нее и жестко произнес:

— Тем месяцем был Ноябрь. Он был первым, кто связал свою жизнь с человеком, первым месяцем, чьи дети были людьми, но со способностями к сезонной магии... И теперь я понимаю — то была роковая ошибка. Моя роковая ошибка.

Инна дернулась, как от пощечины. А я неодобрительно нахмурилась.

— Зачем же так категорично?

— А как иначе? Или думаешь, я не умею признавать свои ошибки? Мама, — последнее слово он произнес со злой усмешкой, почти с издевкой, выражая свое отношение к открывшейся вдруг правде.

Я поморщилась. Мне тоже не понравилось это слово.

Ну какая я ему мать? После всего, через что мы прошли, трудно было сказать, кем я ему прихожусь. За последнее время я успела побывать его женой, врагом, сообщницей... А теперь вдруг мать? Нет, это уже слишком...

— Объяснись! — потребовала вдруг Инна. Она с недоверием смотрела на мужа, надеясь, что тот весело улыбнется и скажет, что его слова были шуткой. Но тот угрюмо молчал, и ее глаза постепенно наполнялись слезами. Поняла, видимо, что той человеческой девушкой из прошлого была она сама...

Нас всех затронуло странное проклятье, заставляя бесконечно перерождаться в новых телах, вновь и вновь находить друг друга. Инна и Глеб были тому подтверждением — спустя века они снова женаты. Да и мои воспоминания из снов ясно показывали, что и нас с Филиппом неизменно сводила судьба. Не всегда мы рождались в семьях Осеннего Двора и даже правителями были не всегда, но зато с нами была наша магия, наша суть. Прямо как сейчас.

— Объяснись, я сказала! — Инна больше не ждала. Она была обижена и очень злилась. И с каждым новым отказом мужа отвечать, начинала с силой стучать кулаком по его плечу, будто это способно было хоть как-то его расшевелить. — Как ты смеешь заявлять, что наша любовь была ошибкой?! Как ты можешь так легко отмахиваться от нашего прошлого? Неужели ты и правда жалеешь, что встретил меня тогда?

Глеб отвернулся от нее, не решаясь посмотреть в глаза, словно боялся увидеть в них разочарование.

— Я с тобой разговариваю! Ответь! — девушка дернула его рукав, и тот вдруг задрался, открывая всем страшные ожоги, которые за время беседы, казалось, сделались еще краснее.

Девушка испуганно ахнула, а Глеб поспешно отстранился и попытался натянуть рукав обратно, но не успел — Филипп стремительно перехватил его руку, не позволяя вырваться, и уже вовсю осматривал рану.

— Нужно было мне сразу сказать, это не шутки. Что за легкомыслие?

Мы с Глебом переглянулись, и я почувствовала себя виноватой. Ведь понимала же, что ожог не так прост, но понадеялась, что это не так важно, и не стала никому сообщать. Да и Глеб решил хранить это в секрете, а я поддержала... Глупая, от кого скрываться? Здесь все свои! Нас всех связывает одна и та же тайна.

— Как это можно вылечить? — спросила я.

— Лечить и не нужно, — отозвался Филипп. — Надо просто выпустить магию, — он обратился к Глебу. — Ты же чувствуешь, что она переполняет тебя. Особенно сейчас, когда ты вернул воспоминания. Пойми, наша память — основа души, а душа — это магия. Не сдерживайся, ты никому из нас не навредишь. Мы такие же, как ты.

Глеб медленно оглядел нас. На Инне взгляд задержался чуть дольше, но говорить он по-прежнему ничего не собирался. Просто вышел из дома, а мы последовали за ним.

Некоторое время мы молча шагали по лесу. Не сразу я поняла, что мы движемся в сторону бывшего Осеннего Двора, а только когда послышался шум падающей воды и мы вышли на берег холодного озера.

Родной край звал нас, но пути туда не было. Мертвый лес, являвшийся когда-то источником живительных сил, теперь губителен для нас. Мы не смели и шагу ступить на его земли, чтобы не погибнуть. Так было, когда мы не знали всей правды, по одиночке мы бы точно не смогли там выжить. Но теперь нас трое. Вместе мы и есть Осень. Так может, теперь нам удастся восстановить наш дом?

Перебираться на другой берег пришлось в обход, делая большой крюк через густой еловый лес. Но постепенно вечнозеленых деревьев

на пути стало появляться все меньше, и пустая земля встретила нас мертвой тишиной.

— Чтобы избавиться от ожогов, можно было и дома остаться, — проворчал Филипп, с тревогой оглядываясь по сторонам. — Не уверен, что нам под силу осуществить то, что ты задумал.

— А чего ждать? — спросил Глеб. — Рано или поздно нам придется это сделать, так почему бы не сейчас?

— Как минимум потому, что еще не все из нас вернули свои силы полностью! — строго ответил мужчина, и только тут Глеб сообразил, что нам с Инной по-прежнему неизвестно, что случилось после того, как в далеком прошлом Ноябрь женился на человеческой девушке, и каким образом это привело к гибели Осеннего Двора.

С тяжелым вздохом Глеб повернулся к жене.

— Прости, Инна, я... Все, что я говорил, не относилось лично к тебе. Поверь, мои чувства к тебе неизменны. Ты же знаешь, как сильно я люблю тебя. Так было раньше, и так будет всегда. Но те события... Я жалею не о них, а о том, к чему они привели. Наши дети были первыми магами, теми, кому мы могли доверить управление этими землями, — он обвел рукой мертвый лес и брезгливо поморщился.

Да, красивого тут мало...

— Не сдерживайся, — напомнил Филипп.

Глеб кивнул, на мгновение зажмурился и сосредоточился. А после продолжил повествование, и с каждым его словом все вокруг стало постепенно преображаться.

— Мы стали поступать, как люди. Передавали власть наследникам, а сами уходили на покой. Но, сколько бы мы ни притворялись людьми, на самом деле ими не являлись. Снова и снова перерождались мы в других телах. И даже ты, Инна. Хотя магии в тебе не было, но, согласившись выйти за меня, ты стала частью моей души, а я отдал тебе часть своей. И это позволяло тебе так же, как и мне, бесконечно перерождаться вновь.

Романтичного в его словах было не так уж много, но Инне и этого было достаточно, чтобы проникнуться. Не отводя от мужа влюбленного взгляда, она взяла его за руки. А небольшой клочок земли под ними вдруг ожил. Из сухой почвы проклюнулась редкая травка, пусть и пожухлая, но жизни в ней было больше, чем в серой пыли, что была здесь до этого.

— Вскоре с нас стали брать пример другие месяцы, — продолжил Глеб. — Хотя, по правде говоря, не уверен, что до меня никто не додумался до такого. Думаю, весенние месяцы стали соблазнять человеческих девушек задолго до нашего брака, поэтому у них маги появились гораздо раньше. А зимние вообще додумались на примере человеческих стран основать свое государство. Так и получилось то, что мы имеем теперь — люди и сезонные маги, наши прямые потомки, живут сообща. Где-то среди них обитает двенадцать совсем необычных магов, смертных телом, но бессмертных душой. Но никто об этом не подозревает, потому что не помнит.

— И все-таки, почему погиб Осенний Двор? — задала я вопрос, который волновал меня больше всего.

Глеб печально опустил голову, но отвечать не спешил. А земля под ним продолжала оживать. Из маленького клочка под ногами магия распространялась дальше и уже убегала за поле зрения. Правда, процесс шел очень медленно и отнимал у него все силы. Поэтому Филипп вклинился между парочкой, и теперь они втроем держались за руки.

Не стала дожидаться приглашения и присоединилась к ним. Теперь мы образовали круг и стали вливать свою магию в окружающий мир. Прямо на глазах погоревшие деревья стали восстанавливаться и покрываться разноцветными листочками, мрачные серые тучи разошлись и открыли закатное солнце, осветившее нас своими теплыми лучами. Ветер подул с новой силой, и где-то вдалеке даже стали слышны голоса птиц.

А Филипп продолжил говорить за Глеба.

— Потому что люди и природа несовместимы, — его голос звучал жестко и категорично, не допуская даже возможности подумать иначе. — Людям свойственны алчность и коварство. Они эгоистичны и думают только о собственной выгоде. Прости, Инна, но это правда. По крайней мере, касающаяся большинства.

— Я и не спорю, — с грустью ответила девушка.

Должно быть, она сейчас вспомнила свое прошлое — до встречи с Дарой на улице Эльтереса, когда вынуждена была выживать за счет своего творчества и терпеть нападки грубых и бесчестных клиентов, ни во что не ставящих чужой труд.

— Во всей сложившейся ситуации мы виноваты не меньше людей, — чуть смягчившись, добавил Филипп. — Глеб прав, это была наша роковая ошибка — дать людям власть над природой и сезонной магией, позволить им свергнуть нас. Мы изменились ради них, хотели угодить, доверились им, а получили нож в спину...

Я покачала головой, не соглашаясь с его словами.

— Но это вовсе не значит, что о прошлом нужно жалеть! — воскликнула с жаром и повернулась к Инне и Глебу. — Ведь вы были счастливы, вас свела судьба — сила, над которой даже мы, месяцы, не властны. Уже лишь за это следует быть благодарными ей! А не жалеть о том, что что-то пошло не так!

— Ты не понимаешь, — возразил вдруг Филипп. — Не помнишь...

— Не понимаю? — я резко расцепила руки, разрывая поток силы, идущий от нас, и вновь окрашивая лес в унылую серость. — Еще скажи, что тоже жалеешь! Ведь у нас с тобой даже выбора никогда не было, в отличие от них! — указала на Инну и Глеба, с недоумением наблюдающих за моей неожиданной вспышкой. — Мы с тобой даже существовать раздельно друг от друга не можем! Всегда вместе, следуем друг за другом по пятам, как привязанные, обречены вечно любить друг друга, несмотря ни на что!.. Разве у тебя хоть раз не возникало желания разорвать этот порочный круг? Изменить что-то в этой ситуации?

Филипп переменился в лице. От него вдруг повеяло опасностью, а за его спиной, слетая с деревьев, стали закручиваться в буйный вихрь мелкие листочки. Откуда-то я знала, что они способны причинить страшную боль, нанося противнику тысячу порезов за раз...

— А у тебя, значит, возникало, — вкрадчиво произнес он, угрожая наступая на меня. И что-то мне подсказывало, что ответ я сейчас утвердительно, кое-кому сильно не поздоровится.

Невольно сделала шаг назад, призывая на помощь свою магию. Холодный ветер подул с новой силой, теперь концентрируясь вокруг меня, обещая защитить от любой беды. Мне казалось, я слышала его утешающий шепот. Это вселило в меня уверенность в себе, и я продолжила стоять на своем:

— Представь себе, мне совсем не нравится, что в этой ситуации, как и во всей своей жизни я ничего не решаю сама! Я будто лист,

гонимый ветром! Меня носит с места на место, а я только и делаю, что пытаюсь приспособиться, выжить. Дворец Леонарда, дом Глеба, особняк Ясеня... Где мое место? Теперь я, кажется, нашла его, но тут выясняется, что и об этом должна жалеть, потому что когда-то давно в прошлой жизни это привело к плохим последствиям.

Филипп сделал еще один шаг вперед. Я напряглась, не зная, чего от него ожидать. Понимала, что мне он не навредит, но его недовольство моими словами ощущалось так сильно, и мне самой было от этого неприятно. Никогда бы не подумала, что чье-то мнение будет значить для меня так много. Часть меня уже готова была взять свои слова назад, лишь бы между нами снова был мир и покой.

Но тут незаметно он проник сквозь мой заслон из ветра, — видимо, мои сомнения его ослабили, — и я почувствовала на себе крепкие руки, прижимающие меня к широкой груди. Вокруг нас кружились листья, и мой ветер пел с ними в унисон, а мы стояли в обнимку, и мне было так тепло и уютно...

— Глупенькая, я никогда не жалел о нас, — услышала его шепот, пощекотавший мое ухо. — И тебе не советую. Судьба, не судьба. Какая разница? Мы вместе навеки, нравится тебе это или нет!..

— Нравится, — с улыбкой вставила я. — Прости, я просто...

— Понимаю, — усмехнулся Филипп и чуть отстранился, позволяя взглянуть вокруг.

Лес преобразился! На этот раз окончательно. Теперь все стало именно таким, каким я помнила — ярким, красивым, необычайно живописным. Здесь пахло магией, дышать стало легче. Все было таким чудесным, что хотелось вобрать в себя эту красоту. И я вбирала каким-то образом, чувствуя, как вернувшаяся к жизни природа делится своими силами в знак благодарности. Я чувствовала себя бодрее, чем после пробуждения, и могущественнее, чем когда бы то ни было.

— Мы восстановили источник, — сказал Филипп. — Твоя магия, правда, слегка вышла из-под контроля, но это позволило завершить процесс.

— Разве только моя? — весело переспросила я и в шутку ущипнула его за живот. Во мне вдруг проснулась какая-то игривость, тело переполняла энергия, а на ум сразу же пришли сны, в которых мы, будучи еще духами, бегали по осеннему лесу, развлекались и наслаждались свободой.

Но сейчас было не до веселья, потому что помимо них вспомнилось и еще кое-что...

Однако прежде чем я успела что-то сказать, Инна решила выразить свое восхищение:

— Это было так красиво! Ваша магия сцепилась друг с другом в схватке, и в то же время это смотрелось так гармонично!.. Ветер и листья! Если честно, мне казалось, вы растворились в стихии, вас едва ли можно было разглядеть!..

— Уверен, любой случайный прохожий увидел бы в тот момент не нас, а просто ветер и листья, — улыбнулся Филипп.

— Я обязательно вас нарисую! — воскликнула девушка. — Такое необходимо запечатлеть! Поверьте, это будет лучшая работа на моей выставке! — она повернулась к мужу и потянула его за руку. — Пошли! Пора заняться делом... Ой, прости. Как твоя рука?

Глеб закатал рукав, на котором больше не было никаких ожогов, и мы дружно вздохнули с облегчением. Все получилось. И лес вернули, и друга спасли.

Осталось лишь еще одно.

— Скоро вернемся в дом все вместе, — сказала я. — Здесь все-таки пока негде жить. Нужно все восстанавливать, строить, переманивать народ из ближайших окрестностей сюда. А пока... Мы так и не прояснили кое-что.

— Что ты вспомнила? — спросил Филипп, снова став серьезным.

— Заговор, — ответила я. — На который мы не обращали внимания, наивно полагая, что нам никто и ничто не сможет навредить. Разве могли мы предвидеть, что погубить нас окажется так просто... Всего лишь одной спичкой...

Я сделала паузу, собираясь с мыслями. Остальные напряженно ждали.

— Все началось с момента, как Январь решил отойти от дел и оставить трон своим наследникам, — наконец произнесла я. — К власти пришли родители Леонарда, а затем и он сам.

— О чем конкретно ты говоришь? — спросила Инна.

— Я говорю о войне между временами года. И вижу, что сейчас она только начинает входить в апогей своего безумия. Зима ведет войну против Лета! С чего это вдруг? Где такое видано? Мы, месяцы, всегда жили сообща! Да, у нас бывали разногласия и конфликты. Это

естественно для таких, как мы. Но никогда ни один из нас не пытался полностью уничтожить другого, взять под контроль или подавить его магию!

Филипп приобнял меня рукой в попытке успокоить.

— Об этом я и говорю, Софи. Когда худшие качества человека смешиваются с теми, что свойственны его магии, это нехорошо. Начинают страдать окружающие. Король захотел больше власти, а Летний Двор — его главная угроза, которая пока что мирится с его правлением, но в любой момент может взбунтоваться.

— Они единственные, кто может хоть что-то противопоставить Зимнему Королю, — осознала я. — Их сила противоположна и опасна для всех детей Зимы.

— Да. Думаю, Леонард посчитал, что лучше ударить их первым, пока те не успели нанести свой удар.

Глебу явно не понравились умозаключения Филиппа.

— Так, — поднял он руки, привлекая к себе внимание. — Я понимаю, что наше королевство на пороге гражданской войны. Но тебе не кажется, что причина может быть в другом? Что, если именно Летний Двор все устроил? Может, они уже взбунтовались? Это выглядит правдоподобнее, ведь король и так держит под контролем всю страну, все четыре Двора ему подчиняются. И разве не Летний Двор, как главный противник нашего короля, сорвал свадьбу Софи и Ясеня, которая сулила установление более тесного сотрудничества Зимнего и Весеннего Дворов?

— Их свадьба нужна была королю только для того, чтобы заручиться поддержкой большей части Весенней знати, — возразил Филипп. — Какие мотивы были у Ясеня и его Двора, сказать наверняка не могу. Но уверен, он так же, как и Леонард, хотел обезопасить себя от воздействия конфликтующей силы.

Подавить и подчинить мою магию... Да, я помню. Именно этого он и хотел.

— Но чем тогда Леонарду помешал Осенний Двор? — спросила я. — Понятно, почему он пытался заручиться поддержкой Весны — ему нужны были союзники. Но Осень! Что плохого мы ему сделали? Мы ведь даже не вмешивались в его политику!

— Вот ты и ответила на свой вопрос, — сказал Филипп. — Мы не вмешивались. Ни во что, — он стал загибать пальцы, перечисляя. —

Не интересовались политикой, не посещали светские рауты в Зимнем Дворце, не вмешивались в дела остальных Дворов. Этого достаточно для того, чтобы посчитать нас наиболее слабыми противниками. А значит, и бесполезными союзниками.

Явно несогласный с мнением Филиппа, Глеб заключил:

— Значит по-твоему, Леонард подкупил Весенний Двор тем, что уничтожил Осенний, чтобы в последствии завоевать еще и Летний. Да, я понимаю, выглядит логично. В итоге у нас было бы полностью зимнее королевство с маленьким клочком весны на востоке. И все же по-прежнему остается еще один вариант.

— Ты считаешь, что именно Летний Двор все устроил, — кивнул Филипп. — Да, я помню твои слова. Но поверь мне, ты ошибаешься. Мы, конечно, тоже с настороженностью относились к потенциальным противникам и не были столь беспечны, как Осенний Двор, наученные их опытом. Но мы, напротив, пытались сорвать закрепление союза.

Он вдруг повернулся ко мне с виноватым выражением лица и взял за руки.

— Прости, Софи. Но это именно мои родственники из рода Июня подговорили леди Ландыш Апрельскую уколоть тебя тем зельем для перемещения души. Мы не знали, куда именно ты переместишься, но понимали, что отдавать тебя Ясеню нельзя ни в коем случае. В качестве запасного плана был еще вариант с твоим похищением, который должен был осуществить именно я.

Последняя фраза неприятно задела. Я ведь успела убедить себя, что он приехал именно за мной, потому что я его суженная. А оказалось, это все ради дела. Ради чертовой политики!..

Словно зная, что именно я сейчас чувствую, Филипп приблизился ко мне и провел тыльной стороной ладони по щеке. Его серо-зеленые глаза поймали мои и не отпускали, когда я пыталась их отвести.

— Не обижайся, — шепнул он. — Это был предлог. Я вызвался на это дело, чтобы увидеть тебя. Чтобы убедиться, что ты не станешь чужой женой. Ты — только моя. Навеки.

— Знаю, — коротко ответила я и с облегчением улыбнулась.

Он был так близко, что нестерпимо захотелось его поцеловать. Я уже потянулась к нему, но была остановлена расстроенным голосом Инны.

— Столько жертв... И все ради какого-то жалкого клочка земли!..

Летний Двор, конечно, сложно назвать жалким клочком земли, особенно если присоединить к нему Осенний. Но я понимала, что она имела в виду. Никакая площадь не сравнится с ценностью живой души. И уж точно никакая земля не будет стоить и гроша, если баланс природы будет нарушен.

— Но почему тогда Софи оставили в живых? — задал вопрос Глеб. — Если им надо было полностью уничтожить Осенний Двор, разве не проще было убить и ее? А не отдавать Ясеню. Что он с ней собирался делать? Держать, как диковинную зверушку?

Да-а... Глеб — сама тактичность. Но его слова не ранили. Напротив, мне и самой было интересно понять, зачем Леонарду столько мучений со мной? Зачем брать меня под свою опеку? Чтобы получить законную власть над моим наследством? Но она и так у него была! Он ведь король!

— Не знаю, для чего все это было нужно Ясеню, но Леонард... — задумчиво произнес Филипп и вновь посмотрел на меня. — Думаю, он знал, кто ты. Настоящая ты.

— Что я Октябрь?

— Да. И понимал, что если ты умрешь, то возродишься где-нибудь еще, и тебя очень сложно будет найти. Он упустит потенциальную угрозу, которой смогут воспользоваться враги. Гораздо проще и выгоднее было держать тебя при себе.

— И подавлять мою магию, чтобы я не смогла восстановить Осенний Двор... — дополнила я.

Подтверждения не требовалось, поэтому все молчали. А я поняла одну важную вещь — как бы ни пытался Леонард уничтожить и другие времена года, на самом деле это сделать невозможно. По крайней мере до тех пор, пока по миру ходят все двенадцать духов месяцев в человеческих телах и с потерянными воспоминаниями.

Дорога назад заняла совсем немного времени. Каждый из нас был глубоко погружен в собственные размышления и почти не обращал внимания на окружающий пейзаж. А тем временем уже почти стемнело, и в зимней части леса заметно похолодало.

Укрыться в доме, в тепле и уюте, как будто ничего особенного не случилось, вдруг показалось странным. Мы больше не были прежними. Сейчас казалось, что всю свою жизнь мы были неполноценными, а теперь вдруг обрели то самое, чего нам не хватало

больше всего, пусть мы и не подозревали об этом — нашу память и друг друга.

По пути я бросала задумчивые взгляды на Филиппа, крепко держащего меня за руку, и узнавала в его профиле такие знакомые черты, ставшие новыми: прямой нос, суровую линию губ, волевой подбородок... и этот пронзительный взгляд серо-зеленых глаз, которого так сильно боятся люди нашего королевства.

«Лучше бы тебе не попадаться в поле зрения королевского следопыта, — вспомнилась вдруг фраза, брошенная кем-то во дворце Леонарда. — Он найдет и вытащит наружу даже самое сокровенное и надежно скрытое. Не позволяй себя заподозрить хоть в чем-то...»

И это все при том, что сам он скрывал столь многое...

Почувствовав мой интерес к себе, мужчина повернулся и ласково улыбнулся, мгновенно руша образ таинственного и опасного сыщика и заставляя мое сердце трепетать. Вряд ли хоть кто-то мог похвастаться лицемерием такого необычайно нежного и внимательного лорда Филина Июньского...

Он вопросительно посмотрел на меня, а я вдруг смутилась и не нашла ничего лучше, чем спросить:

— А где остальные месяцы? Ты знаешь?

— Нет. Но это и не важно. Мы все теперь живем своими жизнями, больше нет нужды встречаться. Ты права, судьба сильнее нас. Если потребуется, она сведет нас снова, как свела нашу семью.

— Семейю... Думаешь, удастся нам снова стать семьей? — покосилась на Глеба и Инну, идущих чуть в отдалении под ручку и о чем-то тихо беседующих. Приятно наконец-то видеть их вместе, счастливыми и беззаботными.

Филипп проследил за моим взглядом.

— А почему нет? В любом случае, нужно время, чтобы привыкнуть со всем, что нам открылось. Вот только...

— Что?

— Есть вещи, которые не терпят отлагательств, — серьезно напомнил он. — Я говорю о короле.

Я тяжело вздохнула, понимая, что он, как всегда, прав. Возвращение магии в Осенний Двор не пройдет незамеченным. И уж Леонард, который с самого начала был не только в курсе всего происходящего, но и сам это замыслил, не оставит этот факт без

внимания. В его руках вся власть. Страшно подумать, как он может ею воспользоваться, и что может нас ждать...

— Возможно, учитывая то, что ты говорила, тебе не придется по вкусу моя идея, но пожалуйста выслушай, — попросил Филипп. — Люди больше не должны править нашим королевством! Иначе все, что происходит сейчас, не только никогда не закончится, но и скорее всего лишь усугубится.

Я нахмурилась. Мне и правда не нравилось то, как он отзывался о простых смертных магах. Может, Глеб прав, и это мы виноваты в том, что сами породили их, подарили им магию, развратили силой и властью. Но ведь не все люди такие. Достаточно вспомнить Инну, Дару и Катерину...

— И что ты предлагаешь? — спросила я.

— Страной должен править кто-то другой.

— Месяц? — догадалась я.

— Да.

— И у тебя есть кандидатура на примете? Ты же сказал, что не знаешь, где находятся другие месяцы. Как мы их найдем?.. — тут меня осенила догадка и заставила меня ошеломленно застыть на месте. — Ах, постой! Уж не о нас ли ты говоришь? Нет, только не это! Из меня выйдет ужасная королева! Я не хочу! Ты же знаешь!

Я схватила его за руку, готовая умолять изменить решение. Не хочу быть королевой! Не хочу брать на себя ответственность за страну и народ. Хочу просто тишину и покой, вернуться к прежней жизни из далекого прошлого и не вспоминать о том, что произошло в этой.

Филипп рассмеялся, озаряя воздух вокруг нас взявшейся из ниоткуда охапкой осенних листьев. Пока наблюдала за тем, как они медленно оседают на белый декабрьский снег, паника постепенно стала отступать.

— Не переживай, Софи! — в порыве веселья он поднял меня на руки и закружил, а потом поставил обратно. — Я имел в виду вовсе не нас с тобой. Поверь, я тоже не стремлюсь занять место короля. Мое место рядом с тобой и только. А твое — со мной. А вот королевство в наших отношениях будет третьим лишним. Прости, но я слишком ревнив, чтобы делить тебя с кем-то еще.

С этими словами он чмокнул меня в нос, и его беззаботный настрой передался и мне.

— Тогда о ком речь? — спросила я.

Но он ответил вопросом:

— Как думаешь, стал бы истинный король отсиживаться в сторонке, узнав, что задумали его дети?

— Ты говоришь о Январе?

— Да. Я считаю, что хоть он и отдал трон своим детям добровольно, вряд ли смог бы остаться равнодушным ко всему произошедшему.

Это точно... Он бы не позволил своим детям разрушить королевство. И уж точно не одобрил бы их попытки навредить друг другу.

— Хочешь сказать с ним что-то случилось? — поняла я.

Теперь и Глеб с Инной подошли ближе и стали заинтересованно прислушиваться к каждому нашему слову.

— Уверен в этом, — сказал Филипп. — Его заперли или взяли под контроль, как тебя когда-то. Возможно стерли память, благо алхимия прогрессирует не по дням, а по часам, и это уже не кажется чем-то невероятным.

Мы с Инной переглянулись. Нам обоим на ум пришел тот самый пресловутый обмен телами. И мы-то уж точно не считали подобное благом.

— Насколько я помню, — Глеб вклинился в разговор, — Январь единственный из всех месяцев, кто никогда не перерождался.

— Верно, — кивнул Филипп. — А значит, ему не приходилось, как нам, по крупицам восстанавливать воспоминания, и его магия сильнее кого бы то ни было на этом свете. Ее невозможно подавить или ослабить.

Вывод напрашивался лишь один, и его озвучила Инна:

— Значит его заперли.

— Именно. В надежном месте, откуда невозможно выбраться. Поэтому наша задача — найти его, спасти и вернуть на трон.

Мы все дружно вздохнули. Ни один из перечисленных Филиппом пунктов не казался легким...

Искать информацию решили в исторических хрониках. Оба мужчины служили королю и никогда не слышали о чем-то, что хоть отдаленно напоминало бы возможное место заключение Января. Понятно, что это очень большая тайна, но и она станет явной, если подойти к ее разгадке нестандартно.

Так мы думали, возвращаясь в Эльтерес. В город, где находится самая большая библиотека королевства.

Переход по тайным тропам теперь уже не казался чем-то поразительным и невероятным. Теперь я понимала, что знания о них у Филиппа так же остались из прошлых жизней. Ведь эти тропы — сам дар природы людям, призванный облегчить тяготы путешествия.

Их было бесчисленное множество: в густых лесах и глубоких озерах, бескрайних морях и темных пещерах. Нужно просто уметь их находить. И Филипп, повинуясь подсказкам памяти своей древней души, безошибочно их отыскивал, позволяя нам миновать дорожные посты королевской стражи и пробраться в город незамеченными.

В том, что нас уже ищут, сомнений не возникало. Возвращение Осени не прошло мимо внимания общественности. Торговцы газет на улицах активно выкрикивали названия заголовков с этой новостью, прохожие возбужденно обсуждали невероятные события и искренне поражались произошедшему. После тишины и спокойствия заснеженной глуши большой и шумный город стал напоминать разворошенный муравейник.

В людях расцветала надежда, и это обнадеживало. Все уже соскучились по Осени, а потому встретили известие, скорее, с радостным предвкушением, нежели разочарованием. Приятно осознавать, что нас ждали и по-прежнему любили.

Однако все это не отменяло необходимости вести себя с предельной осторожностью. За ширмой всеобщей радости и поздравлений, можно было услышать споры о политике и обсуждения противостояния Лета и Зимы. Разговоры о грядущей войне теперь добрались и до Эльтереса, и это не могло не тревожить.

В передвижениях по городу, а также в поиске нужной информации очень помогали связи Глеба и Филиппа, особенно после того, как выяснилось, что сын лорда Февральского теперь на стороне оппозиции и поддерживает политику Летнего Двора.

На самом деле, это было не совсем так. Мы никого не поддерживали, а, как и прежде, стояли особняком, не желая вмешиваться в конфликт. Но нашим временным и таким необходимым в данный момент союзникам, конечно, об этом знать не следовало. Да и если бы нам пришлось выбирать из двух зол, то уж точно не Леонарда с его варварской политикой.

В библиотеке Эльтереса мы провели несколько дней, узнали много интересных подробностей из истории страны, но ничего полезного для нашего дела так и не нашли. Казалось, наши надежды на то, чтобы что-нибудь вызнать, были наивными и бессмысленными. Проще было действовать другим путем: хитрее — проникнув в ближайшее окружение короля, тщательно собирая слухи и сплетни и выбирая среди них только самое ценное, или наугад — отправиться прямо в Зимний Двор, спрашивать людей о необычных проявлениях магии или странных вещах, замеченных в природе...

— Точно! — воскликнул Глеб, когда мы выходили из библиотеки, обсуждая дальнейший план действий. — Странные вещи! Вы ведь говорили, что Январь, сохранивший память, пусть скованный и скрытый каким-то непонятным образом, должен быть самым сильным магом в нашем королевстве. Его сила по сути должна кормить магией весь Зимний Двор. И в особенности, королевский дворец, где Леонард, как известно, чувствует себя максимально сильным, практически неуязвимым даже перед силами Лета.

Мы все остановились на крыльце большого и красивого здания библиотеки, и обратили все внимание на Глеба.

Тот повернулся к Инне и сказал:

— Помнишь историю, которую нам как-то рассказывала моя мама?

— Которую из? — с улыбкой спросила она. — Твоя мама разные сказки любит.

— Про ледяной сад, в котором всегда царят глухая ночь и жестокие морозы...

Слово «мама» неприятно царапнуло внутри, но я отмахнулась от этих ощущений. Конечно, речь шла о Катерине, и умом я понимала и принимала факт того, что именно она является полноправной законной и биологической матерью Глеба, именно такого, который стоит передо мной сейчас. Я бы и не хотела, чтобы было иначе, однако моя магия и душа были с этим не согласны.

Неосознанно я повела плечом и заметила, как перед моим лицом пролетел маленький ярко-желтый листик, сорвавшийся с зеленой березы, под которой мы стояли. Пока никто ничего не заметил, я быстро поймала его и сжала в кулаке.

Глеб и Инна повернулись на мое движение.

— Всего лишь муха! — поспешно объяснила я.

Они кивнули и продолжили говорить, а Филипп насмешливо взглянул на меня и мягко улыбнулся. Уж от него-то точно ничего не укрылось.

Пока Глеб предлагал всем вместе съездить в поместье родителей и убеждал нас, что это будет безопасно, несмотря на то, что лорд Артур скорее всего не поймет ни наше поведение, ни странную связь всех нас четверых, ни особенно присутствие знаменитой леди Осень в его доме, а также лорда Филина Июньского, я почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд.

Испуганно обернулась, одновременно поправляя платок на волосах и пряча все лишние прядки, успевшие выглянуть наружу, и увидела того, кого уж точно никак не ожидала встретить не только здесь, но и вообще в жизни.

— Лана... — потрясенно шепнула я, отказываясь верить своим глазам, и направилась в ее сторону.

Бывшая подруга выглядела уже не такой цветущей, как прежде. Она скромно стояла у нижней ступени, взволнованно переминаясь с ноги на ногу и оглядываясь по сторонам. Чаще всего ее взгляд обращался к повозке, расположенной на противоположной стороне улицы, возле которой шумно беседовало двое представительных лордов.

— Здравствуй, Софи! Так и знала, что это ты! Как я рада!.. Не могла не узнать... — сбивчиво залепетала она, как только я подошла.

Она, казалось, и правда была рада меня видеть. Ее изумрудно-зеленые глаза сияли, а губы растянулись в улыбке. Вот только улыбка

была с оттенком грусти и сожаления, а в глазах стояли слезы.

— Привет, Лана, — тихо сказала я и замолчала, не зная, что теперь говорить, и как себя вести.

Эта девушка меня предала, отравила, изгнала мою душу в чужое тело! И хотя в результате это лишь помогло мне и спасло от сомнительной участи стать женой лорда Ясеня и терпеть от него бесконечные пытки, за последние недели я уже привыкла считать ее гнусной предательницей, готовой пойти на все, ради страсти к чужому мужчине.

Теперь же, видя ее крайне скромный наряд, без изысков и дорогих украшений, к которым так привыкла девушка, тусклые светлые волосы, не покрытые модной шляпкой, синяки под глазами от явных недосыпаний и исколотые иголками пальцы, крепко сжимающие простую плетеную сумочку, вместо качественной кожаной, мне стало ее неимоверно жаль. Вот куда могут завести человека амбиции, если забыть о здравом смысле...

— Что он сделал?.. — спросила я, имея в виду Леонарда. Ведь это именно он наказал ее за тот поступок, кто же еще на такое способен?

Лана меня поняла и подтвердила догадку:

— Лишил благосклонности королевского двора, выдал замуж за своего троюродного племянника из рода Декабрьских и сослал в их глухие леса... — пожаловалась она. — У них там даже городов нормальных толком нет! Сплошные деревни, и дома из бревен... А люди ходят в толстых шерстяных одеждах, как какие-то варвары!.. В Эльтересе мы с мужем проездом, — она снова оглянулась на повозку. — Скоро поедем обратно... домой...

Последнее слово девушка с трудом выдавила из себя, брезгливо скривившись. К такому повороту событий она явно не была готова.

Да, король обошелся с ней жестоко. Услышав это, я не испытала ни капли удовлетворения и торжества, лишь глубокое сочувствие.

Юный лорд Декабрьский имел дурную славу при дворе, был известен как заядлый игрок и прожигатель жизни. По внешнему виду Ланы было видно, в каком бедственном положении находилась их семья. В памяти всплывали оброненные когда-то королем в моем присутствии угрозы ее нынешнему мужу: «Я лишу тебя всего, если ты не возьмешься за ум! Даже имени Декабря тебе не достанется! Мне не нужны бесполезные люди, позорящие честь Зимнего Двора!»

— Мне очень жаль, что все так вышло, — призналась Лана. — Ты, наверное, уже знаешь, то зелье... я действовала по приказу... и...

— Что ты хочешь, Лана? — жестче, чем собиралась, спросила я и поспешила исправиться. — Прости, в смысле, чем я могу тебе помочь?

— Ты же здесь с лордом Июньским, правда? Он обещал мне... — она всхлипнула и кинула взгляд мне за плечо, а потом уважительно присела в книксене перед Филиппом, как раз приблизившегося к нам, и воскликнула с каким-то отчаянием в голосе: — Лорд Филин!..

— Добрый день, леди Ландыш! — с вежливой улыбкой произнес он. — Рад встрече!

— Взаимно, лорд Филин, я...

— Я помню о нашей договоренности, леди Ландыш. Все будет исполнено, вам только нужно еще немного потерпеть.

— Нет, мне это больше не нужно, лорд Филин! Я больше не хочу замуж! Никогда и ни за кого! Я прошу помощи лишь в одном. Освободите меня от нынешнего брака, и я больше никогда вас не потревожу и больше ни о чем не попрошу! Обещаю!

Лорд Июньский удивленно молчал, но возражать и убеждать в чем-либо не собирался. Он лишь коротко кивнул и произнес:

— Как пожелаете, леди Ландыш. Но вам все равно придется подождать, прежде чем мы разрешим оставшиеся дела.

— Спасибо вам! Спасибо! Я готова ждать, если буду точно знать, что получу желаемое!

Лане, казалось, было уже достаточно одного лишь этого обещания. Она так обрадовалась, что не сдержала легкого смеха, похожего на перезвон колокольчиков, а из швов между тротуарными плитками под ее ногами стали прорастать цветы.

Кто бы мог подумать, что та, кто еще совсем недавно мечтала стать верной женой уважаемого лорда, теперь будет счастлива получить надежду больше никогда и ни за кого не выходить замуж!

Будто почуяв угрозу своему браку, лорд Декабрьский завершил разговор со своим товарищем и стал озиаться по сторонам в поисках супруги. Для нас было бы крайне нежелательно попасть в его поле зрения. Поэтому, быстро попрощавшись с Ланой, мы вернулись к нашим друзьям, а затем наняли повозку и поехали в гости к родителям Глеба.

Надеюсь, они не сильно разозлятся, узнав всю правду обо мне...

Тишина в поместье Февральских казалась инородной. Вот поерзала в напряжении Инна на скрипучем стуле. Вот забарабанил по подлокотнику кресла Глеб. Филипп застыл в углу комнаты, как статуя, и, кажется, даже не дышал. А я до боли закусила губу, нервно переводя взгляд с одной женщины на другую и поражаясь столь несвойственной им обеим молчаливости.

Дара была в шоке от услышанного и просто уставилась на нас широко распахнутыми глазами, как на незнакомцев. А Катерина отвернулась к окну, выходящему на прекрасный весенний сад, и погрузилась в глубокие раздумья, не обращая на нас больше никакого внимания.

Новость женщины семейства Февральских восприняли тяжело. Артура к моменту нашего приезда дома не оказалось, и теперь я даже думаю, что это к лучшему. Хоть Глеб и заверял, что ему можно доверять, рисковать совсем не хотелось. Если Катерина захочет потом поделиться с мужем подробностями, то это ее дело. В любом случае, нас к тому времени здесь уже не будет.

Если, конечно, она согласится нам помочь...

— То, что вы говорите, похоже на правду, — наконец проговорила она. — «Месяцы живут среди нас...» Теперь я понимаю, что эта фраза из большинства сказок не просто иносказание, намекающее на магию внутри нас, а прямая подсказка.

Катерина повернулась и улыбнулась.

— Что ж, приятно с вами познакомиться, дорогие месяцы! Я постараюсь вам помочь и очень рассчитываю на то, что ваше дело правое.

Филипп тихо хмыкнул, а я смущенно опустила взгляд.

Глеб с жаром поблагодарил:

— Спасибо, мама! Поверь, Января необходимо найти! Именно он, а не Леонард, является истинным королем. Как бы странно это ни звучало, но я помню времена при его правлении. Он бы никогда не допустил такой несправедливости по отношению к другим временам года. Да и после всего, что его прихвостни сделали Инне и Софи...

— Я понимаю, Глеб, — прервала его женщина и поднялась. — Вы рассказали достаточно. Подождите меня здесь, я скоро вернусь.

Она направилась к выходу из гостиной, и Филипп настороженно посмотрел ей вслед.

— Я вам помогу, — вызвался он и отправился следом, опасаясь неожиданных неприятностей.

Катерина не возражала.

В комнате нас осталось четверо.

Дара перевела взгляд с меня на Инну и обратно, а затем сказала:

— Значит, весь последний месяц я общалась с леди Софией Октябрьской? Удивительно!..

Однако радостной она не выглядела, и я почувствовала вину за свой вынужденный обман.

— Прости, Дара. Я боялась признаться...

— Все нормально, я понимаю, — прохладно отозвалась она. — Ты боялась, что мы выдадим тебя королю, ведь мы же всего лишь его дальние родственники и верные подданные и не способны войти в чужое положение, подумать своими мозгами. Чего еще от нас было ожидать?

— Все не так! Я не это имела в виду...

— Конечно! Ты просто считаешь нас такими же, как он. Или, что еще хуже, его послушными марионетками.

Я тяжело выдохнула и покачала головой, не зная, какие слова подобрать, чтобы она меня простила. Никогда не была сильна в убеждении. Сейчас она мне казалась незнакомой, совсем не той веселой и беззаботной Дарой, что я помнила. Мне очень хотелось вернуть ей привычную легкость и непосредственность, но я понимала, что не все обиды легко забываются, и, наверняка потребуется еще много времени, чтобы наладить отношения между нами. Начать заново узнавать друг друга.

Глеб и Инна, слышавшие наш разговор, не спешили встречать. Тоже чувствовали себя виноватыми? А они-то что плохого сделали? Ведь ни он, ни она ни о чем даже не догадывались. Оба — жертвы обстоятельств: интриг Летнего Двора и моего трусливого молчания.

— Вот это должно подойти! — раздался голос Катерины, вернувшейся в гостиную.

За ней следовал Филипп, руки которого были загружены высокой стопкой книг. Он прижал ее подбородком и еще как-то умудрился придержать перед женщиной дверь ногой. Та оценила его ловкость и поблагодарила кивком головы, а потом устроилась на диване и нацепила очки.

— Так... Кажется это было где-то здесь, — она принялась листать один из томов. — Вот! «Ледяной сад». Хотите послушать всю сказку или только основные моменты?

— Не будем терять время, — высказался Филипп. — Думаю, каждый из нас хотя бы раз ее слышал.

Эту сказку часто рассказывают детям на ночь. В ней говорится о славном воине, что решил необычным способом сделать своей возлюбленной предложение и подарить ей хрустальную розу — прекраснейший из всех цветов на свете. Тот был полностью из льда, но никогда не таял даже на жаре. А в ясную погоду выглядел особенно прекрасно, переливаясь всеми цветами радуги в ярких лучах солнца.

Цветок этот стоил любых богатств, но достать его было нелегко. В запретном саду, в самой холодной его части, росло это чудо света. Добраться туда было невозможно из-за лютого холода, что промораживал человеческие тела насмерть, не давая и шагу ступить на его территорию. Даже магия не могла справиться с морозом.

Но герой сказки совершил невозможное и добрался до цветка, а затем преподнес подарок своей невесте.

А вот дальше все вышло не так, как планировал бравый воин. Потому что лишь с чужой помощью — и отнюдь не бескорыстной — ему удалось проникнуть в тот сад. И теперь, вспомнив сказку, я начала понимать, почему Глеб зацепился именно за нее. Очень много было сходства с тем, что мы ищем.

— Нам достаточно подробного описания сада и всего, что может помочь нам в поисках, — добавил Филипп.

— Что ж, — вздохнула Катерина. — Если верить сказке, то находится этот сад на крайнем севере, в самой холодной его части. Буквально: «...в месте, где рождается мороз...»

— Ну это точно Зимний Двор, — встрял Глеб. — Там холоднее всего.

— А королевский дворец расположен на самом его севере, в горах, — добавила Инна. — За ними ничего нет.

— Край, — кивнул он. — И там есть сад. Может, конечно, стать, что тот сад был создан как раз в честь этой сказки, но что-то мне слабо верится, чтобы кто-то из Январских оказался столь сентиментальным. Даже их леди, как никто, жесткие и холодные.

— Этот сад мог быть подарком королю, — возразила Дара, тоже включившаяся в обсуждение. — Например, от какого-нибудь весеннего мага.

— Ладно, — протянула Катерина, возвращаясь к книге. — Не будем сейчас об этом. Сад этот полон самых невообразимых цветов, полностью состоящих из льда. И они вовсе не замерзшие, — посмотрела она на дочь. — Кроме застывшей воды в них ничего нет. Ни капли зелени, ни цвета. Такое не мог сделать весенний маг.

Дара пожала плечами, но спорить не стала.

Старшая леди Февральская продолжила:

— У сада есть Смотритель. И, как я понимаю, это имя, потому что написано с большой буквы. Именно Смотритель помог герою проникнуть в сад и даже взять цветок. Но взамен потребовал обещание: привести к нему девушку, чья красота способна сравниться с красотой этого цветка. Конечно, никого прекраснее возлюбленной герой не знал, поэтому привел к Смотрителю свою невесту.

— Ты же видела этот сад, пока жила во дворце? — спросил у меня Филипп. — Был там Смотритель?

— Я никогда не ходила в этот сад. Видела его из окна, но толком не рассматривала. Он большой и огорожен забором. Там много ледяных скульптур, в том числе и в виде цветов. Но живых людей я там ни разу не видела.

— Может, он и не живой? — предположила Дара. Теперь она уже не казалась обиженной. Новые тайны постепенно захватили и ее. — Может, это тоже какая-нибудь скульптура, которая оживает, если ступить на территорию сада? Как он выглядит, мама?

Катерина ответила цитатой:

— «Высокий старик в теплой шубе и с длинной белоснежной бородой. Глаза его пусты и бесцветны, словно лед, а голос сух, но звонок, словно ветер».

Я нахмурилась. Какое-то смутное воспоминание всплыло в сознании.

— А это не Январь тот самый Смотритель? — предположила Инна.

Конечно, она не могла помнить, как выглядел истинный король. Но, лишь услышав ее слова, я поняла, насколько точно она угадала.

Январь действительно очень подходил под это описание. Мудрый старец весьма внушительного роста с пронзительными льдистоголубыми глазами и суровым лицом. А еще у него в руках всегда был...

— Посох! — одновременно выкрикнули мужчины, и Глеб пояснил всем: — У него в руках должен быть посох! Январь никогда с ним не расставался!

Катерина еще раз внимательно просмотрела сказку, а потом помотала головой.

— У Смотрителя не было никакого посоха. Его достаточно подробно здесь описывают.

— Но в остальном все сходится, — заметила я. — В посохе Января должна быть заключена вся его магия. По крайней мере, большая ее часть.

— Магия — это память, — в который раз повторил Филипп. — Значит, его лишили посоха и сделали Смотрителем, не помнящим ничего о своем истинном предназначении.

— И мы должны вернуть ему посох, чтобы спасти! — подхватил Глеб и подвел этим итог.

Несмотря на все обиды, Дара вызвалась составить нам компанию. Я и не сомневалась, что ее заинтересует подобное приключение, однако оно могло быть опасным. Никто из нас не знал, к чему все приведет, хотя и рассчитывали мы, конечно, на благоприятный исход.

Отправились в путь сразу же после обеда. Хотели обойтись без него, но Катерина настояла на том, чтобы мы хорошенько подкрепились перед уходом. Она также снабдила нас дополнительными теплыми вещами, хотя у нас имелись свои, на всякий случай вручила дочери книгу сказок — ту самую, которую нам читала, — и с добрым напутствием отпустила в поход.

Из Эльтереса мы так же без проблем вышли незамеченными с помощью тайных троп, и Дара всю дорогу не уставала восторгаться столь быстрым и удобным способом перемещения.

— А кто еще знает про эти тропы? Почему ими не пользуются? Представляете, как легко и быстро можно было бы обеспечить редким товаром все королевство! Говорят, рыба Летнего моря на севере такая дорогая как раз из-за проблем транспортировки. А морепродукты там вообще экзотика, и ее могут позволить себе только придворные.

— Или Летний Двор специально завышает цены Зимнему из-за конфликта, — с намеком проговорила Инна.

— Возможно, — хмыкнула Дара и замолчала, обдумывая эту ситуацию.

Как раз в этот момент тропа подошла к концу, и перед нами открылась заснеженная пустошь. Подул ледяной ветер, грозно завывая, и хоть мы были к этому готовы, смена времен года вышла резкой.

— Где мы? — заволновалась я, чуть поевшись. Здесь уже давно стемнело, и, кроме белого снега под ногами и редких деревьев неподалеку, ничего не было видно.

— Нам туда, — махнул Филипп рукой куда-то в сторону и повел за собой. Нам только оставалось удивляться тому, как легко он ориентируется в пространстве. Хотя для летних оборотней (пусть и не совсем летних) наверняка такое не являлось чем-то особенным. Может, у него есть ночное зрение? Или сверх чувствительный слух?

К сожалению, спросить его о чем-то я не смогла — Филипп потребовал от нас полной тишины и осторожности, подозревая, что рядом могут находиться люди. По его мнению, мы уже были недалеко от дворца, вот только местность я узнавала с трудом, да и дворца пока было не видать. Хотя дело, конечно, в том, что прежде у меня никогда не возникало соблазна покинуть дворец ночью. Холодно, пусто, страшно. Да и кто бы меня выпустил?

Днем здесь, напротив, было многолюдно. К королю часто кто-нибудь приезжал, а некоторые жили прямо во дворце или строили себе богатые усадьбы поблизости. За последние годы их стало так много, что теперь не разберешь — то ли королевский дворец находится в пригороде, как было раньше, то ли сам город теперь стал пригородом, ведь он уже стал менее оживленным.

На дороги мы не выходили и передвигались по плотному снегу, поэтому вскоре утомились. Но отдыхать было некогда, а магией пользоваться не рисковали, боясь привлечь к себе нежелательное внимание. Несколько раз приходилось останавливаться, припадая к

земле, когда Филипп слышал чьи-то шаги или голоса. Один раз даже я уловила обрывок разговора двух мужчин, а значит, те находились слишком близко к нам.

Но к счастью, вскоре мы добрались до пункта назначения. Не доходя до самого дворца и огибая всевозможные постройки, мы достигли кованых ворот Ледяного сада. Они казались шипастыми и были покрыты сосульками, которые блестели в свете луны и горящих окон.

— Та-ак, и что дальше? — шепотом спросила Дара.

— А дальше ищем Смотрителя, — так же тихо ответил Глеб. — Без него мы не сможем безопасно пройти за ворота.

Согласившись с его мнением, мы решили разделить и принялись осматривать сад снаружи, обходя его вокруг и высматривая среди множества ледяных фигур ту самую, что нам нужна.

Забор был высок и прозрачен, но прутья были настолько плотно облеплены льдом, что разглядеть что-то между ними было сложно. К тому же, меня не покидал страх, что кто-то может в любой момент выглянуть в окно и заметить нас, подозрительных чужаков, рыскающих у королевского сада.

И стоило мне об этом подумать, как рядом раздались голоса, а потом тонкий женский вскрик.

Инна!

— Всем стоять! Никому не двигаться! Всем нарушителям приказываю добровольно сдаться!

Больше десятка человек в белой форме дворцовой стражи окружили нас, не давая шанса на побег. Их было слишком много для нас пятерых, а значит, это не просто случайная встреча — нас явно ждали.

На какое-то время повисла звенящая тишина... А потом в один миг случилось сразу многое.

Инна, что стояла дальше всех от нас, была первой схвачена одним из стражников. Ей завели руки за спину, ограничивая движение, и попытались увести, но не успели. Глеб, словно молния, резво выскочил прямо на стражника с занесенным кулаком и одним ударом оглушил мужчину, вырывая из его объятий жену. В тот же миг внимание остальных стражников переключилось на них, и пару взяли в кольцо.

Филипп крикнул нам с Дарой:
— Бегите! Быстрее! Я их задержу!

Не дожидаясь моего ответа, он обернулся крупным филином, с крыльев которого тут же посыпались листья, казавшиеся в такой темноте простыми перьями, и с яростным криком набросился на ближайшего стражника.

С огромной скоростью он нападал то на одного врага, то на второго, переходя к третьему, четвертому... Бешено носился вокруг, создавая хаос, вселяя в противников страх громким уханьем, вонзая острые когти в их плоть и безжалостно раздирая ее.

Однако стражники тоже были не промах, настоящие зимние маги. Они пускали в него ледяные стрелы и шипы, от которых приходилось уворачиваться, пытались сбить потоком холодного ветра или обездвижить крылья морозным касанием. Это не приносило никакого вреда летнему магу. Так же, как и стражникам атаки ночной птицы были ни по чем — те просто закрывались прочными ледяными щитами и морозными панцирями.

Тем не менее, Филиппу удалось главное — стянуть на себя все внимание и дать Глебу больше пространства для действий. И теперь я могла увидеть собственными глазами тот самый клинок лорда Февральского, появившийся из ниоткуда.

Ледяной и блестящий, с идеально гладкой поверхностью, необычайно тонкий и острый. Огромный и наверняка очень тяжелый, но Глеб держал его так, будто тот ничего не весил. С грацией опытного воина он обрушивал бесконечные удары на противников, больше не скрывая свою истинную силу и смело подключив к делу осеннюю магию.

Звон оружия и звуки стихии раздавались по всей округе. Я понимала, что нашим мужчинам ничего не грозит, ведь они не просто сезонные маги, а настоящие месяцы. Но все же тревожно было видеть, как они вдвоем сражаются против такого числа противников. Мне ли не знать, как легко задавить даже сильнейшего воина большим числом?

И вот, когда в парящего над землей Филина стремительно понеслась огромная ледяная глыба, я не сдержала крика:

— Берегись!..

Но тот все равно не успел вовремя среагировать и увернуться — вышло лишь частично. Крыло задело мощным ударом, и Филина унесло куда-то в сторону.

Но дальше разглядеть уже было невозможно — на мой крик обернулось двое стражников. Они мигом позабыли о мужчинах и ринулись к нам с Дарой, крикнув предупредительное:

— Стоять!

Девушка схватила меня за руку и потащила прочь с места схватки. Мы неслись со всех ног, петляли, кое-как уворачиваясь от враждебной магии. Легкие жгло огнем, несмотря на то, что вдыхали мы холодный воздух. Настолько низких температур я не любила, мне было тяжело с ними справляться, поэтому выдохлась я раньше Дары. Она практически тащила меня за собой, подгоняя, толкая то в одну, то в другую сторону. Но это не помогало — мужчины бегали быстрее нас.

Один из них выбежал вперед и преградил нам путь, лишая возможности сбежать. Он мерзко оскалился, глядя на нас с превосходством, а в его руках постепенно росла ледяная глыба.

Второй мужчина был прямо напротив позади нас, но в отличие от напарника, на так сильно рассчитывал на магию. Он достал железную цепь и готовился сковать нас ею, но Дара не дала ему такой возможности. Она снова дернула меня за собой, уводя в единственную оставшуюся сторону — к воротам сада.

Первый маг выругался и послал нам вслед незаконченное заклинание. Ледяной булыжник, к счастью, рухнул в землю, никого не задев, а цепь второго, прицельно бившая по ногам, все же промазала. Но я рано обрадовалась. Внезапно удлинившись, цепь начала обрастать новыми звеньями — теперь уже из льда — и змеей обматываться вокруг моей лодыжки.

Недолго думая, я принялась бить цепь своей магией, пытаюсь растопить лед, но тот поддавался с трудом. Тогда Дара решила помочь. В ее руках вдруг возник ледяной клинок, не такой большой, как у ее брата, но не менее красивый, а главное — столь же острый. С одного удара ей удалось отсечь голову «змеи», впившейся в мою ногу, и мы рванули к воротам. Те открылись без всяких проблем, приглашая нас внутрь.

Стараясь не думать о том, что возможно за ними нас ждет мгновенная смерть, мы шагнули на территорию легендарного сада.

Ворота со скрипом закрылись, отрезая нас от погони. А потом нас накрыла тишина...

Тишина королевского сада не была абсолютной. Она звенела, переливалась множеством ненавязчивых, едва различимых звуков. Такое можно услышать на берегу заледеневшего пруда ясным морозным утром. Тихий треск льда, низкий гул ветра, шорох опадающего снега... И раз мы могли слышать эти звуки, значит, вопреки ожиданиям, все еще живы.

Мы с Дарой настороженно переглянулись и решили продолжать движение. Здесь было в разы холоднее, чем снаружи, и промедление может грозить обморожением.

Узкие дорожки сада петляли между восхитительными статуями всевозможных видов: деревья и цветы, фонтаны и скамейки, животные и птицы... И да, здесь были человеческие фигуры. И их было очень много.

— Эти статуи поразительны! — приглушенным голосом то и дело восторгалась Дара, останавливаясь почти у каждого ледяного человека. — Ты только посмотри! Такие четкие черты, настолько качественно проработанные детали одежды, вплоть до мельчайшей складочки, даже до мельчайшей морщинки на коже! Такое мастерство просто невозможно! Это ж надо... Они как настоящие...

И правда. Все в них — рост, пропорции, выражения лиц и позы — было настолько реалистичным, что возникали сомнения в том, что они были сделаны кем-то. Разве что фигуры были однотонно голубоватыми и на жаре бы, несомненно, растаяли.

— Постой, а вот этого я где-то видела... — задумчиво произнесла Дара, указывая на одну из статуй.

Я присмотрелась и тут же узнала:

— Это же брат короля! Я видела его портреты во дворце.

— Точно! Я вспомнила! В галерее Инны тоже есть его портреты. Поразительное сходство!

— Но зачем он здесь? — задумчиво проговорила я. — Из рассказов учителей я помню, что он погиб на охоте. Если ему хотели поставить памятник, то почему именно здесь, в запретном саду, куда

годами не ступает нога человека? — меня вдруг осенила страшная мысль: — Если только...

— Если только это не он сам собственной персоной, — закончила за меня Дара.

Что если... его каким-то образом заманили сюда, зная, что становится с каждым ступившим за ворота сада?.. Способен ли Леонард убить собственного брата в процессе борьбы за трон? Вполне.

О боже... Неужели и нас ждет такая же участь — стать одной из этих статуй, пополнить эту жуткую бездушную коллекцию?

— Пошли скорее! — поторопила я подругу, старательно отгоняя неприятные мысли. — Надо найти Смотрителя.

Еще некоторое время мы кружили по саду, как по лабиринту, присматриваясь к человеческим статуям, но так и не найдя среди них того, кто нам нужен. В конце концов дорожка вывела нас к небольшому пустому пространству, в центре которого находился неопишуемой красоты ледяной цветок.

Его сложно было назвать статуей. Он именно рос из земли, как самый обычный цветок, и лепестки его трепетали на ветру, как настоящие. Цветок был полон жизни, он будто дышал ею, и это выделяло его среди всех остальных ледяных фигур сада.

— Какая красота! — выдохнула Дара. — Как думаешь, что будет, если его сорвать?

— То же, что и в сказке, — предположила я, пожав плечами. — Думаю, мы не умерли до сих пор только потому, что ничего не трогали. Вот и его не будем трогать.

— Согласна. Вот только Смотрителя мы не нашли, а значит нужно сделать что-то такое, чтобы спровоцировать его появление.

Я с сомнением посмотрела на подругу и осторожно спросила:

— И что ты предлагаешь?

— Не знаю, может, кинуть в него что-нибудь, чтобы не прикасаться? Или потыкать чем-нибудь?

Идея показалась мне кощунственной, но у Дары имелись хоть какие-то идеи, в то время как я ничего другого предложить не могла. Даже странно, что именно той, кто любит статуи и сама является скульптором, мог прийти в голову именно такой способ разрушить самую совершенную из них.

Дара призвала свой клинок и направила острие в стебель цветка. На пару мгновений она так и застыла в нерешительности, а потом резко взмахнула и срубила стебель пополам.

Цветок упал на землю, но не разбился, а так и остался там лежать. Вокруг нас ничего не изменилось. Статуи не пришли в движение, ветер не подул, предвещая беду, мы тоже не стали вдруг леденеть, пополняя собой диковинную коллекцию сада.

Но тут позади нас раздались оглушительные шаги, а следом раскатистый голос:

— КТО ПОТРЕВОЖИЛ МОЙ ПОКОЙ? КТО ЗАПЛАТИТ ЗА ЭТО?

Мы резко обернулись.

Огромная ледяная статуя могучего беловолосого мужчины, закутанного в богатые меха, стояла перед нами и говорила. Смотритель — а это, несомненно, он — был высок, даже очень, а его суровый взгляд был направлен прямо на нас.

От ужаса я вскрикнула. Мне и присматриваться не надо было, чтобы понять — мы не ошиблись. Это действительно Январь, я прекрасно его помнила. Вот только прежней жизни, мудрости и величия в нем больше не было. Зато сила осталась. Иначе смог бы он создать такой сад? Я уже почти не сомневалась, что это именно он замораживал все, что так или иначе попадало сюда...

— Я ТРЕБУЮ ПЛАТУ! — повторил он, а потом наугад ткнул пальцем в Дару. — ТЫ БУДЕШЬ ПЛАТИТЬ!

Девушка лишь чудом успела увернуться от его руки, попытавшейся схватить ее, и начала отступать. Смотритель тяжелым медленным шагом пошел за ней.

— Ищи посох! Я отвлеку его! — крикнула мне Дара.

Я растерянно кивнула. Легко сказать... Где его искать-то?

Посмотрев по сторонам в поисках чего-то, хотя бы отдаленно напоминающего посох, длиной почти превосходящий мой рост, я к сожалению, ничего подобного не обнаружила. Здесь было множество вещей, но все они, так или иначе, были короче, тоньше, кривее или хрупче... Все не то!

Позади меня слышались взволнованные мольбы Дары, обращенные к Смотрителю. Но тот и не думал внимать им. Кажется,

он вообще не думал — действовал механически, способный лишь применять силу без всякой внятной цели.

Сейчас он был настоящим воплощением зимы, жестокой и беспощадной, не способной на человеческие эмоции. Неужели и мы, остальные месяцы, раньше были такими? Просто сила, стихия без разума и чувств, что живет лишь своим предназначением и не видит дальше собственного носа. Значит, все же стоит поблагодарить людей за то, что они сделали нас теми, кто мы есть сейчас. И лучшей благодарностью станет возвращение истинного правителя — верного своим идеалам, честного и справедливого, искренне заботящегося о благополучии своего народа.

И это точно не Смотритель, но Январь. А ему нужен посох!

Пока я размышляла, Дара уже пошла на второй круг. Она петляла по лабиринтам сада, время от времени натыкаясь спиной на различные ледяные фигуры, и если что-то из них ломалось, то ледяной преследователь с большим пылом начинал требовать свою плату. Лишь медленная скорость шага Смотрителя спасала девушку от мгновенной гибели.

Я же все это время в панике носилась по центру сада в поисках драгоценного посоха. Что-то мне подсказывало, что именно здесь он должен находиться. Это место явно было особенным, ведь тут рос тот самый легендарный цветок...

Цветок!

Неожиданная мысль заставила меня остановиться и вновь взглянуть на распростершийся на мерзлой земле ледяной цветок.

Даже будучи сломанным он до сих пор казался все таким же живым, пышущим здоровьем, красотой и силой. Именно эта сверхъестественная красота отличала его от настоящих растений, которые уже начали бы увядать прямо на глазах, обломи их стебель и оставь без воды. Если во всем остальном он был словно живой, то в этом был явно искусственным. И это заставило меня присмотреться к нему.

Все, кто приходил в этот сад за ледяным цветком, всегда хотели забрать его себе. Не важно, по какой причине — подарить любимой девушке, разбогатеть за его счет или сделать частью коллекции — никто никогда и не думал вручить его самому Смотрителю. Да и

зачем? Кому придет это в голову, если тот сам предлагает отдать его, такую драгоценность, за плату?

Не позволяя себя усомниться в верности собственной догадки, я натянула рукава куртки до самых кончиков пальцев и аккуратно подняла цветок с земли, стараясь не касаться его голыми руками.

Вопреки ожиданиям, он не был холодным или скользким, но теплым и сухим я бы тоже его не назвала. На мгновение я застыла, очарованная его великолепием, невольно принялась крутить его, разглядывать со всех сторон, любоваться тем, как играют серебристые блики на его лепестках... Должно быть, именно этот цветок отражает истинную магию января, его кристальную чистоту, свежую, непотревоженную красоту, такую невинную, но такую хрупкую...

Новый крик вернул меня в реальность.

— ПЛАТИ!!!

А следом, громко топая и осыпая тропинку осколками ледяных статуй, показался Смотритель, несущийся прямо на меня.

— Беги! — крикнула мне Дара.

Но я не двигалась с места, готовая принять свою судьбу. Мой безумный план либо увенчается успехом, либо провалится. Третьего не дано. И исполнить его нужно прямо сейчас.

Находясь всего в двух шагах от Смотрителя, уже протянувшего свою ледяную руку к моей шее, я проявила несвойственную мне ловкость и просто всучила ему цветок, стараясь ни в коем случае не касаться самого ледяного человека...

Но не получилось.

Я не сразу поняла, что произошло. Лишь испуганный вскрик Дары подсказал, что что-то не так.

Цветок, как и планировалось, теперь был в руке Смотрителя, и тот замер на месте, недоуменно разглядывая свою добычу. Казалось бы, работа выполнена, план осуществлен...

Вот только почему вдруг стало так холодно?

Казалось, лютый холод поселился в самом моем сердце и теперь вымораживает всю душу изнутри. А пальцы, что нечаянно все же коснулись Смотрителя, стали превращаться в лед прямо на глазах...

— Нет, Софи!.. — сокрушалась Дара, обнимая меня, словно пыталась согреть. — Как же так?.. Этого не может быть...

Я ничего не отвечала, лишь молча переводила удивленный взгляд со своих пальцев на подругу. Было тяжело сделать вдох — казалось, легкие уже тоже заledenели...

— Софи! Скажи что-нибудь! Ну же!.. Ты не можешь так просто тут застыть, стать одной из этих статуй!..

«Но я могу...» — хотелось ответить мне. — «И, кажется, уже...»

При попытке пошевелиться меня начало кренить куда-то вбок. Дара успела поймать меня и подперла собой, не позволяя упасть.

— Держись, слышишь? Мы должны уйти отсюда вместе! Обязаны! Тебя же будет ждать Филипп... Как он без тебя?.. А Глеб и Инна? Мы ведь должны помочь им, ты же помнишь?

Сожаление кольнуло в груди, но как-то смутно, неясно. Все эмоции будто бы ослабевали, сердце замерзало, лишаясь способности чувствовать. Душа словно онемела. Перед мысленным взором на мгновение возник образ Филиппа, моего любимого теплого Сентября, но тут же погас, унося из памяти столь хорошо знакомые черты...

— Наконец-то! — облегченно вздохнул кто-то за моей спиной, и этот вздох волной пронесся по всему саду, заставив все статуи трепетать.

Я уже не находила в себе силы даже просто обернуться и посмотреть на неизвестного. Кожа моя превращалась в лед слишком быстро и уже покрывала большую часть моего тела. Волосы покрылись инеем, а изо рта даже не вырывалось теплого облачка пара...

— Кажется, в этот раз я проспал чуть дольше обычного... — произнес тот же голос, и я узнала его.

Январь! Он ожил! Получилось!

Должно быть, вся радость, на которую я сейчас была способна, отразилась в моих глазах, потому что Дара тут же все поняла и обратилась к мужчине:

— Лорд Январь! Ваше величество!..

— Что такое, дитя? — несколько удивленно спросил он, словно не ожидал встретить здесь хоть кого-то.

— Пожалуйста, помогите моей подруге! Она замерзает!

Мужчина обошел нас и встал передо мной.

Теперь он стал точь-в-точь таким, каким я его помнила. Высокий, с длинными белыми волосами, светло-голубыми глазами, но не

холодными и бездушными, а теплыми и внимательными. И в руках его теперь был тот самый посох — широкий и массивный, заключающий в себе всю силу Зимы.

В его взгляде мелькнуло узнавание.

— Как ты здесь оказалась, сестрица? — он, кажется, впервые оглянулся, и увиденное его совсем не обрадовало. — Где это мы? Нехорошо все это... — снова повернулся ко мне, недовольно поцокал и коснулся посохом моего лба. Все мое тело вмиг окаменело, а потом так же резко по венам будто хлынул пожар. Мне стало жарко, хотя вокруг по-прежнему царила зима.

Дара обнимала меня, не понимая, улыбаться ей или плакать, а Январь обошел вокруг нас, присматриваясь к ближайшим статуям. В глазах его застыла печаль.

— Слишком поздно... Остальных уже спасти невозможно, — тихо произнес Январь, остановившись перед статуей одного из своих потомков — братом Леонарда. — Они пробыли здесь слишком долго...

Мое тело, хоть я и была магом, было не готово к таким перепадам температур. Ему требовался покой и восстановление, а еще, желательно, тепло и внимание родных.

Сознание начало ускользать от меня, и последнее, что я услышала, было: «Не бойся, леди Осень, все будет хорошо. Теперь точно все будет хорошо, я обещаю...»

Эпилог

Лёгкий ветерок засыпал порог чёрного замка золотыми листьями. Изнутри мрачного на вид строения доносились разговоры и непринужденный смех гостей. Праздничная атмосфера царила в этой части леса, а все потому, что сегодня, наконец, закончили возведение резиденции Осеннего Двора.

Высокий чёрный замок, возвышающийся над пока еще молоденькими золотыми деревьями, был точной копией располагавшегося когда-то на этом же самом месте прежнего дома осенних правителей.

Я стояла у самого входа, ловила на своей коже мягкие прикосновения игривого ветерка, нежилась в лучах солнца и наблюдала за ярмаркой, которую устроили местные жители неподалёку. Лишь месяц назад люди начали перебираться из других концов королевства, и теперь здесь снова кипела жизнь, продавались товары, зрел урожай и звенели золотые монеты. Конечно, до процветающего края, славящегося своими богатствами, было далеко. Людям придется еще немало потрудиться на благо Осеннего Двора, а нам, их правителям, — поработать на благо этих людей, не побоявшихся вернуться сюда после долгих лет забвения и запустения.

Я почувствовала на своей талии чьи-то теплые руки, которые притянули меня к крепкой мужской груди.

— Опять моя жена скучает тут в одиночестве? — шепнул Филипп мне на ухо.

Да, мы вновь женаты. На этот раз официально. Свадьба была тихой и скромной, но поженил нас сам его величество Январь в своём Зимнем дворце через несколько дней после вынесения приговора всем преступникам, освобождения пленных, которым, к счастью, не успели навредить во время сражения у ледяного сада, и коронации нового законного правителя.

Так странно было видеть лицо Леонарда, когда его собственный дед, которого тот считал навеки упокоенным в ледяном саду, будто в персональном склепе, вдруг предстал перед ним во всем своём

неподражаемом великолепии с сияющим посохом в руках, строго посмотрел на нерадивого внука и сказал:

— Я разочарован в тебе.

Сколько бы не хвалился и не строил из себя сильнейшего мага Леонард, на самом деле все было ложью. Чужая сила, чужой трон, а он сам — просто мальчик, решивший поиграть вещами взрослых.

И в тот момент, услышав от деда эти слова, Леонард, ко всеобщей неожиданности, просто сдался. Он весь сник, опустил оружие и приказал своим солдатам не сопротивляться.

И, кажется, это был единственный верный поступок за все время его правления. Поступок, сохранивший ему и его семье жизнь.

Многие в тот день были разочарованы решением Января. Пылкое сердце Глеба отчаянно жаждало возмездия и жестокого наказания для Леонарда и его приспешников. Расчётливость Филиппа твердила о необходимости обезопасить корону от обозленных наследников, которые возможно в будущем снова решат захватить трон. А упрямство лорда Ясеня Мартовского никак не позволяло тому сдаться в шаге от победы. За сопротивление его наказали сурово — заковали в кандалы и заперли в подземельях Зимнего дворца, в то время как Леонарда и его семью просто выслали в горы, на крайний север.

Сам Январь объяснил своё решение просто:

— Они ведь просто люди. Слабые существа, по праву рождения получившие контроль над силами природы. Они думают, что властны над ней, но это она диктует им свою волю. Зима неудержима. Ослабь хватку, и она уничтожит все живое, захватит и поработит... Моя вина, что я не держал детей в достаточной строгости, позволяя им идти на поводу у сезонной магии.

Он говорил не только о своих детях. Всех магов он считал детьми, глупыми, неразумными, неготовыми ко взрослой жизни. Конечно, многие из них и полвека ведь не прожили, а уже смеют принимать решения, влияющие на судьбу целой страны и всего народа! Не то что месяцы со своей тысячелетней памятью и мудростью десятков поколений.

Именно поэтому, первым указом Января было найти всех переродившихся месяцев, вернуть им воспоминания при необходимости, помочь пробудить магию и поставить во главе своих Дворов.

Этим вызвались заняться Глеб и Инна, уже наученные опытом пробуждения воспоминаний. А мы с Филиппом, точнее с лордом Филином Июньским, вновь стали законными супругами и правителями Осеннего Двора. Вновь повторили перед свидетелями неизменные слова клятвы:

— И даже смерть не разлучит нас!

Воспоминания о том дне вызвали улыбку. А еще поцелуи любимого человека, пустившие волну приятных мурашек по всему телу, заставивших ноги ослабеть и доверчиво прижаться к телу Филиппа. Хотелось с головой окунуться в это чувство, остаться с мужем наедине в спальне или убежать куда-нибудь в самую гущу леса, где нас никто не найдет и не побеспокоит, чтобы слиться с ним в одно целое, душой и телом, ловить каждый вздох и стон друг друга, каждое прикосновение и каждый взгляд, раствориться в неге...

— Кхе-кхе, — чей-то кашель бессовестно прервал наваждение, заставив нас отлепиться друг от друга.

Дара, скрестив руки на груди, весело смотрела на нас, ничуть не смущаясь и не выглядя виноватой.

— Вы, конечно, извините, что прерываю, но вас уже заждались. Мой отец — человек военный и очень ценит пунктуальность. Потом наобнимаетесь! У вас еще впереди все время мира!

Мы синхронно вздохнули, признавая ее правоту. Лорд Артур Февральский после того, как Катерина ввела его в курс дела всех произошедших событий, лично вызвался помочь нам людьми и пристроил своих подчиненных к восстановлению Осеннего Двора. Его брата Теодора посчитали сторонником Леонарда и сместили с должности наместника Эльтереса, а Артуру доверили всех его людей, хотя тот и находился последние годы в отставке.

В самой же должности наместника больше не было нужды, ведь король Январь перенес столицу в прекрасный и неповторимый город Эльтерес, оставив своих зимних братьев-месяцев править Зимним Двором.

Постепенно все налаживалось, и осознание этого успокаивало. Действительно, Дара права — у нас с Филиппом в запасе есть целая вечность. Пока в мире будет место для осени, будет жива и наша любовь.